

МАТЕРИАЛЫ
VIII Международной научной конференции

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2023:

образование, наука, инновации, культура
и вызовы современности

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

От имени ректората, Ученого совета Донецкого государственного университета, всего академического сообщества Донецкой Народной Республики приветствую всех друзей из различных регионов Российской Федерации, принимающих участие в традиционной, теперь уже VIII Международной научной конференции. **«Донецкие чтения 2023: наука, образование, инновации, культура и вызовы современности».**

Минуло восемь лет с тех пор, как в нашем университете прошла **первая конференция**, которая за последующие годы приобрела широкую известность, стала авторитетным научным собранием, привлекла внимание большого числа отечественных ученых, а также государств СНГ и других зарубежных стран. Расширился спектр рассматриваемых научных направлений и вовлеченность в научные дискуссии известных ученых и специалистов-практиков, возрастают актуальность и практическая значимость представляемых научных результатов.

«Донецкие чтения» приобретают в период десятилетия Науки и технологий особую актуальность.

В 2018-2019 годах конференция **«Донецкие чтения»** проводилась как составная часть Международных форумов **«Русский мир и Донбасс: от сотрудничества к интеграции образования, науки, инноваций и культуры».**

Эти форумы стали судьбоносными событиями в социально-экономической, общественно-политической, научно-образовательных сферах жизни Донецкой Народной Республики; способствовали достижению поставленной нами цели – вхождения в состав Российской Федерации, возвращение на свою историческую Родину.

Если по итогам первой конференции труды с материалами докладов включали **восемь томов**, то в прошлом году, несмотря на непростые условия работы, масштабы представленных исследований на конференцию возросли **более чем в два раза**.

Сегодня Международную многопрофильную научную конференцию «Донецкие чтения» мы проводим уже **второй раз в составе Российской Федерации**.

На Конференции будут представлены **1910 научных докладов в четырнадцать профильных секциях**. Будут также работать **восемьдесят одна подсекция и пятнадцать круглых столов**.

Труды конференции сейчас доступны в электронной форме, составляют **десять томов в семнадцати книгах** общим объемом **почти 6000 страниц** и будут размещены в наукометрической базе РИНЦ.

Донецкие чтения вносят достойный вклад в решение задач **Десятилетия науки и технологий**, объявленного Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным с 2022-2031 годы.

В ходе конференции приглашаю вас к обстоятельному разговору о способах и механизмах скорейшего внедрения новых, прорывных научных разработок, с тем, чтобы наши достижения способствовали укреплению суверенитета и безопасности Донецкой Народной Республики, нашей страны, росту качества жизни россиян.

Практика проведения наших конференций активно и заинтересованно поддерживается органами власти Донецкой Народной Республики, Министерством образования и науки ДНР, Русским Центром, а также участием в ней целого ряда ученых с мировым именем!

Желаю успехов всем участникам конференции, а всем нам – новых научных достижений во благо России!

**С наилучшими пожеланиями, ректор Донецкого государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор
Светлана Беспалова**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

VIII Международная научная конференция

Материалы
конференции

Том 8

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

г. Донецк
25–27 октября 2023 г.

Донецк
Издательство ДонГУ
2023

ББК Х.я431
УДК 34(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С. В. Беспалова (гл. ред.), А. В. Белый (зам. гл. ред.),
М. В. Фоменко (отв. секр.), Н. В. Асеева, Н. В. Барбашова,
Е. М. Сынкова, О. А. Левендаренко, Л. Ю. Одегова,
Е. В. Щербинина, А. К. Ярошенко (отв. секр. секции)

Д672 Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VIII Международной научной конференции (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). – Том 8: *Юридические науки* / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. – 301 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

В восьмой том материалов VIII Международной научной конференции «Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам юридических наук. Рассматриваются вопросы административного и финансового права, конституционного и международного права, уголовного права и процесса, гражданского права и процесса, теории и истории государства и права.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны студентам и аспирантам, докторантам, преподавателям и специалистам-практикам, проводящим исследования в области юридических наук.

ББК Х.я431
УДК 34(043.2)

© Коллектив авторов, 2023

© Донецкий государственный университет, 2023

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В., д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва).

Члены программного комитета:

Андреев Д.А., д-р ист. наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Аноприенко А.Я., канд. техн. наук, профессор, ректор Донецкого национального технического университета (г. Донецк).

Белый А.В., канд. хим. наук, доцент, проректор Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Болнокин В.Е., д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотр., руководитель Центра подготовки научных кадров ФГБУН «Институт машиноведения им. А.А. Благонравова» (г. Москва).

Вартанова Е.Л., д-р филол. наук, академик РАО, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Воронова О.Е., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры журналистики, руководитель Есенинского научного центра Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, член Общественной палаты Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России (г. Рязань).

Глухов А.З., д-р биол. наук, главный научный сотрудник Донецкого ботанического сада, профессор кафедры ботаники и экологии Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Евстигнеев М.П., д-р физ.-мат. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Зайченко Н.М., д-р техн. наук, профессор, ректор Донбасской национальной академии строительства и архитектуры (г. Макеевка).

Зинченко Ю.П., д-р психол. наук, профессор, академик РАО, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Кирпичников М.П., д-р биол. наук, профессор, академик РАН, декан биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Кишкань Р.В., председатель Государственного комитета по экологической политике и природным ресурсам при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Кожухов И.Б., д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва).

Лингарт А.А., д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Лубков А.В., д-р ист. наук, профессор, академик РАО, ректор Московского педагогического государственного университета (г. Москва).

Некипелов А.Д., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Нечаев В.Д., д-р полит. наук, доцент, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Осмоловский А.А., канд. биол. наук, доцент, заместитель декана по академической политике и развитию интернационализации биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Полищук В.С., д-р техн. наук, директор ФГБНУ «Научно-исследовательский институт «Реактивэлектрон» (г. Донецк).

Половян А.В., д-р экон. наук, доцент, директор ГБУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк).

Приходько С.А., канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ФГБНУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк).

Разумова Т.О., д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой экономики труда и персонала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Решидова И.Ю., канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., директор ФГБНУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк).

Рябичев В.Д., д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Сидорова М.Ю., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Соболев В.И., д-р биол. наук, профессор кафедры здоровья и реабилитации Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Ялта).

Соколов И.А., д-р техн. наук, профессор, академик РАН, декан факультета вфчислительной математики и кибернетики, зав. кафедрой информационной безопасности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Судаков С.Н., д-р физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., и.о. директора ФГБНУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк).

Тедеев В.Б., канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (г. Цхинвал).

Третьяков В.Т., профессор, декан Высшей школы телевидения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Административное и финансовое право

УДК 349.6

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КНР И РФ

Барбашова Н. В., д-р юрид. наук, проф., *Кутоманова К. Ю.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.barbashova@mail.ru, karinakutomanova@yandex.ru

Введение. Сравнительный анализ законодательного обеспечения экологической безопасности в Китайской Народной Республике (КНР) и Российской Федерации (РФ) является важной задачей, так как оба государства оказывают огромное влияние на экологическую ситуацию в мире. Повышенное внимание правовым аспектам экологической безопасности в обществе связано в первую очередь с глобальными проблемами сохранения человечества в условиях резкого роста кризисных явлений экологического характера, обусловленных вредным воздействием техногенной деятельности на окружающую среду.

В данном контексте представляется актуальным проведение сравнительного анализа основных нормативных актов, которые используются в обеих странах для регулирования отношений экологической безопасности.

Основная часть. С правовой точки зрения под экологической безопасностью понимается [1, с. 137]:

- защита жизни и здоровья человека (человечества) от последствий его техногенной деятельности и негативных воздействий природного характера;
- защита природных экосистем, от вредного воздействия, которое может непосредственно или косвенно привести к негативному влиянию на жизнь, здоровье и условия проживания людей.

Статья 26 Конституции КНР [2] провозглашает, что государство защищает и улучшает окружающую среду, в которой живут люди, и экологическую среду. Оно предотвращает и контролирует загрязнение и другие опасности для населения.

В соответствии со статьей 30 Закона «О национальной безопасности» КНР [3] обязанностью государства является совершенствование экологической системы охраны окружающей среды, наращивание усилий по экологическому строительству и охране окружающей среды, профилактике и контролю экологических рисков.

Еще одним из базисных нормативных правовых актов Китая, который утверждает единую концепцию по обеспечению экологической безопасности это Стратегия по обеспечению экологической безопасности КНР до 2050 года. На XX съезде Компартии Китая (2022 г.) в качестве приоритетной цели до 2050 г. названо развитие природоохранной деятельности и построение «экологической цивилизации» [4].

Необходимо отметить, что в настоящее время экологическое законодательство Китая проходит путь интенсивного развития. В апреле 2021 года Постоянному комитету Всекитайского собрания народных представителей Китая официально предложено приступить к составлению административных и законодательных кодексов, в частности Экологического кодекса. Таким образом, кодификация экологического законодательства Китая фактически выходит из сферы теоретических разработок в практическое законодательство.

В Российской Федерации экологическая безопасность также является одной из приоритетных областей государственной политики. Статья 42 Конституции РФ провозглашает право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением [5].

Будучи обладательницей огромных природных ресурсов, Россия сталкивается с угрозами в сфере экологической безопасности, такими как загрязнение водных и воздушных бассейнов, несанкционированная добыча природных ресурсов и другие экологические проблемы. Законодательное обеспечение экологической безопасности в РФ строится на принципах информационной прозрачности, государственного контроля и ответственности.

В настоящее время системообразующим правовым актом для отрасли экологического права является Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Комплексный по своему характеру Закон направлен на регулирование общих, наиболее значимых отношений в сфере взаимодействия общества и природы, возникающих при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, связанной с воздействием на природную среду как важнейшую составляющую окружающей среды, являющуюся основой жизни на Земле.

Важнейшие задачи обеспечения экологической безопасности Российской Федерации сформулированы в Указе Президента РФ «Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» (2017 г.) [6], в котором провозглашено, что экологическая безопасность России является составной частью национальной безопасности, а разработанная стратегия представляет собой документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности РФ, определяющий основные угрозы экологической

безопасности, цели, задачи и механизмы реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности.

Сходства и различия в законодательстве об экологической безопасности:

1. Обе страны придают серьезное значение принципам экологической безопасности и включают нормативное регулирование в этой сфере в свои национальные законы.

2. Однако, в КНР больше акцент делается на регулировании и контроле загрязнения, в то время как в РФ существует большая ориентация на охрану и сохранение природных ресурсов и биоразнообразия.

3. В обоих странах действуют организации и агентства, ответственные за контроль и соблюдение экологических норм, такие как Китайская администрация по охране окружающей среды и Росприроднадзор в РФ.

Практическая реализация:

1. КНР и РФ активно внедряют экологически эффективные технологии и ведут экологический мониторинг.

2. Оба государства сотрудничают на международном уровне в решении экологических проблем, в том числе через участие в международных экологических организациях и соглашениях.

Заключение. Понимание особенностей законодательного обеспечения экологической безопасности в РФ и КНР помогает выявить проблемы, сходства и различия, а также идентифицировать общие направления сотрудничества между двумя странами. Россия и Китай имеют развитое законодательство в области экологической безопасности, однако требуется еще больше усилий и эффективности в его реализации для достижения своей цели – сохранения окружающей среды и обеспечения ее безопасности. Представляется важным подчеркнуть масштабность природоохранных мероприятий в Китае и процесс кодификации экологического законодательства, которые в значительной степени будут способствовать построению «экологической цивилизации».

Список литературы

1. Барбашова, Н.В. Экологическое право: Монография. Авторский учебник. Курск: ЮЗГУ. 2019, Изд-во ООО «Планета +». 464 с.
2. Конституция КНР (2018г.). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/constitution-of-china-20180318> (дата обращения: 20.09.2023).
3. Закон о национальной безопасности Китая (2015 г.). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/national-security-law-20150701/chn> (дата обращения: 20.09.2023).
4. Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сб. нормативных актов / Сост., ред. и предисл.: Гудошников Л.М. – М.: Зерцало – М, 2004. – 432 с.
5. Конституция РФ принята всенародным голосованием 12.12.1993. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

6. Стратегию экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.7

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПОИСКА, РАЗВЕДКИ И ДОБЫЧИ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Барбашова Н. В., д-р юрид. наук, проф., *Масальский И. А.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.barbashova@donnu.ru, igor-masalsky@rambler.ru

Введение. В рамках формирующейся потребности в совершенствовании правового регулирования общественных отношений в сфере российского топливно-энергетического комплекса, имеющего выраженную экспортную направленность, особую актуальность приобретают изучение и сравнительный анализ зарубежного опыта правового регулирования в области недропользования, выявление особенностей правового регулирования, ответственности за нарушения природоресурсного законодательства, оснований уголовной и административной ответственности за нарушения законодательства при поиске, разведке, добычи природных ресурсов. В рамках данной работы нами были рассмотрены особенности административной и уголовной ответственности за нарушения законодательства в сфере поиска, разведки и добычи энергоресурсов в Китайской Народной Республике (далее – КНР).

Основная часть. Система законодательства КНР в сфере юридической ответственности за нарушения норм правового регулирования недропользования основана на нормативных положениях статьи 9 Конституции КНР, определяющей принцип государственности собственности на полезные ископаемые [1] и статьи 46 Закон КНР «О вещных правах», устанавливающей право государственной собственности на месторождения минеральных ресурсов [2].

Юридическое администрирование при этом осуществляется через специальные государственные органы, осуществляющие свою деятельность на основе принципа надзора по закону [3]. Основным нормативным правовым актом, регулирующим вопросы юридической ответственности за нарушения законодательства о недропользовании, при отсутствии специальных законов о нефти и газе, является Закон КНР

«О недрах». При этом важной отличительной особенностью правовой системы Китая, учитывающей сотрудничество китайского государства с иностранными нефтегазовыми компаниями при разработке месторождений, является установление специальных норм юридической ответственности иностранных компаний [4].

Основным инструментом регулирования юридической ответственности за правонарушения в сфере недропользования, охраны окружающей среды в Китае была и остаётся административная ответственность.

Административное законодательство КНР в сфере недропользования, защиты природной среды основано конституционных положениях закреплённых в статье 26 Конституции КНР, провозглашающих обязанность государства принимать меры по охране и оздоровлению окружающей среды и экологической среды, вести борьбу с загрязнением и другим общественным злом, гарантировать рациональное использование природных ресурсов» [1].

Основным правовым регулятором административной ответственности в сфере горного права направленных на регулирование правоотношений, связанных с добычей полезных ископаемых и обеспечением экологической безопасности КНР выступает Закон КНР «О минеральных ресурсах» [5], глава 5 которого предусматривает уголовную, административную и материальную ответственность. Однако существенный массив норм об административной ответственности за правонарушения в сфере недропользования, защиты окружающей среды при эксплуатации месторождений полезных ископаемых сосредоточен в отдельных законах КНР.

В отличие от ФЗ РФ «О недрах» [6], где положения ст. 49, носят бланкетный характер, предусматривающий установление составов правонарушений специальным законодательством, нормы Закон КНР «О минеральных ресурсах» отличается более широкой сферой регулирования и более глубокой детализацией статей в части установления норм правовой ответственности за нарушение правил природопользования минеральными ресурсами. В частности, гл. 5 Закон КНР «О минеральных ресурсах» содержит 20 статей, которые запрещают самовольно заниматься разработкой ископаемых ресурсов, незаконные сдачи в аренду месторождений, продажа и хищение минерально-сырьевой продукции, включенных в государственный план развития, в районах залегания ископаемых, имеющих большую ценность для народного хозяйства и др.

Государственные служащие, отвечающие за контроль и управление разведкой и добычей ископаемых ресурсов, и другие государственные служащие соответствующих подразделений, злоупотребляющие служебным положением, действующие в интересах заинтересованных лиц, халатно относящиеся к своим обязанностям, нарушающие положения

данного Закона о выдаче разрешений на разведку и добычу ископаемых ресурсов либо не препятствующие и накладывающие взыскания в законодательном порядке на действия по незаконной добыче ископаемых несут уголовную ответственность при наличии состава преступления, либо подвергаются административным взысканиям при отсутствии в их действиях состава преступления. Соответствующие ведомства геологии и добычи ископаемых вышестоящих народных правительств имеют право аннулировать незаконно выданные разрешения на разведку и добычу ископаемых.

Препятствование силой или угрозой государственным служащим, отвечающим за контроль и управление разведкой и добычей ископаемых ресурсов и выполняющим свои служебные обязанности в соответствии с законом преследуется в уголовном порядке. Отказ или препятствие государственным служащим, отвечающим за контроль и управление разведкой и добычей ископаемых ресурсов, без применения силы или угрозы наказывается в административном порядке органами общественной безопасности в соответствии с положениями об административных взысканиях за нарушение общественного порядка.

В КоАП РФ Статья 7.3 предусматривает административную ответственность за такие составы правонарушений, как: пользование недрами без лицензии на пользование недрами либо нарушение условий, предусмотренных лицензией на пользование недрами, и (или) требований утвержденных в установленном порядке технических проектов.

В КНР, сохранившей конституционный принцип государственной собственности на недра, заложенный в период социалистического этапа развития государства, нормы об уголовной ответственности за правонарушения в сфере недропользования строятся на несколько отличных от Российской Федерации правовых основаниях. Китайское право при установлении уголовной ответственности в сфере горного права, не применяя прямо данного термина, используя модели уголовно-правового регулирования, не бланкетный, а казуистический способ определения состава данного вида преступлений.

Вопросам уголовной ответственности за правонарушения в сфере горного права китайский законодатель посвятил некоторые нормы § 6 главы 6 Уголовного кодекса КНР. В том числе статью 343 «Незаконная добыча полезных ископаемых; добыча полезных ископаемых с применением разрушительных способов». Несмотря на общее название, состав данного преступления включает уголовное наказание и за безлицензионную эксплуатацию месторождений полезных ископаемых. В качестве отягчающего обстоятельства китайский законодатель устанавливает незаконную добычу, нанёсшую вред месторождению полезных ископаемых, в том числе в виде уничтожения части залежей, невозможности дальнейшей добычи [7]. С учётом планового характера

китайской экономики, в данной норме уголовного закона установлена ответственность за безлицензионное или без соответствующего разрешения производство любых видов работ, включая разведку и добычу, на месторождениях, включённых в китайский государственный план, или на месторождениях, имеющих особо важное значение для КНР. Уголовной ответственности также подлежат самовольные горные работы третьих лиц на месторождениях, переданных эксплуатантам на основе лицензий или разрешений, а равно и отказ от выполнения предписаний компетентных государственных органов по приостановке горных работ.

В 2015 г., во исполнение решений XIX съезда КПК КНР, Глава 6 УК КНР была дополнена нормами об установлении ответственности за нарушения, связанные с ущербом для окружающей среды. В 2017 г. в судебной системе КНР появились экологические суды, предметом рассмотрения которых стали уголовные преступления, связанные с экологическими правонарушениями.

Заключение. Вопросы административной, уголовной ответственности за правонарушения при разведке, добыче энергоресурсов в КНР регулируются посредством норм природоресурсного, природоохранного законодательства, не предусматривающих отдельного правового регулирования ответственности при добыче различных видов полезных ископаемых.

Вместе с тем анализ нормативного регулирования ответственности за нарушения в сфере недропользования свидетельствует, что китайское законодательство подробно регулирует как вопросы стимулирования иностранных инвестиций в горнодобывающие отрасли, так и меры юридической ответственности за нарушения, особенно при добыче нефти и газа. В КНР также более эффективно решены вопросы уголовной ответственности за нарушения непосредственно в области недропользования, включая незаконную добычу полезных ископаемых.

Список литературы

1. Конституция Китайской Народной Республики от 4 декабря 1982 г. (ред. по сост. на 11.03.2018) [Электронный ресурс]. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 20.09.2023).
2. Закон КНР «О вещных правах» (ред. по сост. на 16.03.2017) [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_real_right (дата обращения: 20.09.2023).
3. Пан Чжицзянь, У. Ди, Дун Яньхуэй, Формирование и развитие рыночных механизмов в промышленности Китая. М.: МАКСПресс, 2009. С. 114.
4. Логинов Л.Н. Особый путь развития экономики Китая. М.: Дело, 2013. 110 с.
5. Закон КНР о минеральных ресурсах. Принят на 15-м заседании ПК ВСНП шестого созыва 19 марта 1986 года с поправками, принятыми на 21-м заседании ПК ВСНП восьмого созыва 29 августа 1996 г.
6. Закон РФ «О недрах» от 21.02.1992 N 2395-1 (посл. ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/ (дата обращения: 20.09.2023).

7. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общей ред. проф. А. И. Чучаева и проф. А.И. Коробеева, пер. с китайского проф. Хуан Даосю. 2-е изд. – М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2021.— 312 с. ISBN 978-5-6045252-3-4

УДК 349.6

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Барбашова Н. В., д-р юрид. наук, проф., ***Рахимова В. М.***
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.barbashova@donnu.ru, victoria.rahimova2001@mail.ru

Введение. Вопросы обеспечения экологической безопасности, регуляции антропогенного воздействия человека на природу, ведущего к деградации природных систем и дестабилизации качеств окружающей среды, необходимых для жизни, требуют всеобъемлющего правового регулирования. В таких условиях на первый план выходит цель создания эффективного механизма, который позволил бы не только минимизировать причиняемый природе ущерб, но и предупредить совершение экологических правонарушений. Роль такого механизма в нашем государстве выполняет институт юридической ответственности за эколого-правовые нарушения. Рост экологических проблем в обществе делает обоснованным вывод о недостаточной эффективности норм этого института. Требования полного возмещения экологического вреда, причиняемого окружающей среде, и обеспечения экологической безопасности делают актуальными исследования в области совершенствования института юридической ответственности, в частности, путем выделения специализированной, эколого-правовой ответственности за экологические правонарушения.

Цель публикации: проанализировать проблему необходимости выделения специализированной эколого-правовой ответственности в рамках экологического права.

Основная часть. Межотраслевой институт юридической ответственности в настоящее время включает в себя традиционные виды ответственности за правонарушения (в том числе экологические): административную, уголовную, дисциплинарную и гражданско-правовую. Конечно, юридическая ответственность – это не единственный инструмент, с помощью которого реализуется государственное принуждение в сфере обеспечения соблюдения требований экологического законодательства: указанная цель достигается путем проведения и таких

мероприятий как экологическая экспертиза, лицензирование, экологический контроль, экологическая сертификация и другие функции управления природопользованием и охраной окружающей среды [1, с. 245–250]. Однако именно институт юридической ответственности является, по нашему мнению, тем самым базисом, за счет которого обеспечивается стабильное экологическое благосостояние. Юридическая ответственность за нарушение природоохранного законодательства представлена в доктрине права совокупностью норм, регулирующих правоотношения, возникающие между государством в лице специально уполномоченных органов и физическими/юридическими лицами, совершившими экологическое правонарушение, которые обеспечивают наложение на последнего специфической обязанности претерпевать неблагоприятные последствия за совершенное экологическое правонарушение в установленном законом порядке. Специфика взаимоотношений человека и окружающей среды обуславливает необходимость поиска такой конструкции, которая способствовала бы не только полному возмещению экологического вреда, но также укреплению и охране экологического правопорядка. Говоря иначе, в современном праве возникает естественная потребность во введении нового вида юридической ответственности – эколого-правовой ответственности.

Делая такой вывод, авторы считают необходимым указать, что они не разделяют в целом идею дифференциации видов ответственности по отраслевому принципу. Специфические свойства предмета и метода правового регулирования, которые позволяют определить систему юридической ответственности, ее связь с системой права, отраслевую принадлежность не являются достаточным основанием для введения новых видов юридической ответственности (например, семейной, муниципальной, финансовой и т.п.). Как указывают авторы работы [2, с. 216], такое деление «не совпадает с отраслевой структурой права уже по той причине, что видов ответственности меньше, чем отраслей права, причем за нарушение норм права различных отраслей может применяться ответственность одного и того же вида. Отраслевая классификация не объясняет также, почему в пределах одной отрасли права могут существовать различные виды ответственности».

Проблемы непосредственно эколого-правовой ответственности за экологические правонарушения стали предметом пристального научного анализа сравнительно недавно. Связывается это с тем, что юристами-экологами в большинстве своем отрицается самостоятельность рассматриваемой категории. Так, по мнению А. П. Анисимова и С. А. Чаркина, концепция «специальной эколого-правовой ответственности», несмотря на все свои положительные стороны, носит дискуссионный характер, и в данном случае обоснованным будет говорить не об отдельном виде «экологической» ответственности (представляющей

собой, по сути, прямо не поименованный в Гражданском кодексе Российской Федерации частный случай специальных деликтов), а о формировании межотраслевых институтов юридической ответственности, включающих в себя нормы различной отраслевой принадлежности [3, с. 13].

Вместе с тем идею установления эколого-правовой ответственности в качестве специального вида ответственности за экологические правонарушения разделяют целый ряд известных специалистов экологического права: М. М. Бринчук, В. И. Ивакин, А. А. Иванов и др. Так М. М. Бринчук, выступающий наиболее последовательным сторонником концепции самостоятельности эколого-правовой ответственности, считает, что в связи с преимущественно публично-правовым характером закономерно охраняемых экологических интересов, а также причинения вреда находящимся преимущественно в публичной собственности природным объектам, – при нарушении указанных публичных интересов целесообразным представляется применение не гражданско-правовой (имущественной), а эколого-правовой ответственности [4].

Укажем, что анализируемая концепция нашла свое практическое воплощение в Директиве ЕС № 2004/35/СЕ от 21.04.2004 г. «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий» [5], которая на уровне ЕС создает стандарт публично-правовой ответственности за экологический ущерб.

Разработчики директивы объясняли такой подход тем, что принадлежность какому-либо лицу экологического блага, которое по своей природе является публичным, недопустимо. Поэтому положения классического деликтного права здесь, в публичных правоотношениях, не могут подлежать применению. Кроме того, сами методы оценки причиненного вреда не в полной мере вписываются в гражданско-правовые механизмы.

Следует согласиться с мнением А. А. Иванова о том, что в рамках юридической ответственности присутствуют все необходимые для выделения специальной экологической ответственности признаки:

– наличие специфических общественных отношений, подлежащих правовой охране, под которыми выступают общественные отношения в области охраны природы и природных ресурсов;

– наличие специального субъекта экологической ответственности, коим выступает физическое или юридическое лицо, причинившее вред окружающей среде;

– особый характер санкций за экологические правонарушения, когда основополагающей целью становится восстановление природных качеств до того состояния, в котором они находились до причинения им ущерба; наказание же виновного приобретает второстепенное значение [6, с. 110].

Заключение. Анализ действующего российского законодательства и правовой доктрины позволил нам прийти к выводу, что существующие юридические меры обеспечения экологического благополучия не в полной мере реализуют цели природоохранного механизма государства, в связи с чем возникает необходимость разработки нового подинститута в институте юридической ответственности – эколого-правовой ответственности. Именно она сможет стать наиболее эффективным инструментом, который, вкупе с перечисленными ранее иными экологическими мерами, позволит обеспечить не только собственную полноту и внутреннюю завершенность экологического права, но и, главным образом, необходимое укрепление и охрану экологического благополучия.

Список литературы

1. Барбашова Н.В. Экологическое право: Монография. Авторский учебник. – Курск: ЮЗГУ. – 2019, Изд-во ООО «Планета +». – 464 с.
2. Формирование новых видов ответственности в российском праве / Майоров В.И., Данилова Н.В., Геймур О.Г., Краснова Т.В. // Вестник Томского государственного университета. – 2018, № 428. – С. 216-229. DOI: 10.17223/15617793/428/30.
3. Анисимов А.П., Чаркин С.А. Эколого-правовая ответственность за экологические правонарушения: дискуссионные вопросы // Экологические правонарушения и юридическая ответственность: состояние и эффективность охраны окружающей среды в России. Сб. науч. статей. – Саратов, Издательство «Саратовский источник». – 2016. – 199 с.
4. Бринчук М.М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид ответственности // Lex Russica. – 2016, № 6(115). – С. 26-47.
5. Директива n 2004/35/CE Европейского парламента и совета ЕС «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий. (Страсбург, 21.04.2004 г.). – URL: https://e-ecolog.ru/docs/Vme5a_iuVBcdosBRNyBtc/5?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 20.09.2023).

УДК 342.9

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВОПОРЯДКА И ЗАКОННОСТИ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ РЕЖИМА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Гарькавенко Л. В., Змаженко В. В.

Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Донецк, РФ
gorkayL7@gmail.com

Введение. Обеспечение правопорядка и законности является одной из главных задач, для любого правового государства, в период действия режима чрезвычайного положения.

В переходной период, основным направлением развития Донецкой Народной Республики Российской Федерации является построение гражданского общества в рамках демократического, социального, правового государства. Конституции РФ устанавливает и закрепляет права и свободы человека и гражданина, обязуясь, эти права и свободы не только не нарушать, но и обеспечивать их защиту, в частности, в период введения режима чрезвычайного положения [1].

Необходимо отметить, что основной целью введения чрезвычайного положения в государстве или в отдельных его регионах, могут послужить следующие условия, такие как: восстановление и обеспечение законности и правопорядка; устранение угрозы человеку, обществу и государству, нормализация обстановки и другое [2].

Основная часть. Чрезвычайное положение (далее – ЧП) является особым правовым режимом деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающий установление отдельных ограничений прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей [2].

Введение чрезвычайного положения является временной мерой, применяемой исключительно для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя Донецкой Народной Республики Российской Федерации [2].

Время от времени, происходят стихийными бедствиями, техногенные катастрофы и другие чрезвычайные ситуации, которые влекут за собой масштабные разрушения, человеческие жертвы, причинение значительного имущественного ущерба, что требует повышения эффективности деятельности органов исполнительной власти, обеспечения правопорядка и законности в период действия чрезвычайного положения.

Так, в период действия режима чрезвычайного положения непосредственно затрагиваются права и свободы человека и гражданина, поэтому в основе должен лежать принцип законности. Это означат, что закон, а не подзаконные нормативные акты является источником правового регулирования обеспечения законности и поддержания правопорядка в обществе в чрезвычайных ситуациях. Но при этом, чрезвычайное положение вводится Указом Президент Российской Федерации на всей территории страны или же на отдельно взятых местностях. Данный Указ, также должен быть утвержден законом. Все органы, организации, учреждения и граждане должны строго и неукоснительно соблюдать закон в период действия режима чрезвычайного положения.

Так, для более точного понимания, приведем некоторые основания для введения чрезвычайного положения на территории ДНР РФ, ими могут быть следующие: попытка насильственного изменения конституционного строя, захват или присвоение власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты; чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, и прочие [2].

Отсюда следует, что основанием для введения чрезвычайного положения является, некая внутренняя угроза, устранение которой, невозможно без применения чрезвычайных мер государственного административно-правового регулирования.

В период действия режима чрезвычайного положения, также важной задачей является определить и характеризовать функциональную структуру системы обеспечения законности и правопорядка.

Так, рассматривая функциональную структуру системы обеспечения законности при ЧП, отметим, что она включает субъектов, которые могут быть сгруппированы по желанию руководителя. Так, по этому критерию первую группу субъектов составляют органы, возглавляемые Президентом Российской Федерации (Администрация Президента Российской Федерации, Совет Безопасности Российской Федерации). Установлено, что в этой сфере полномочия президента РФ сбалансированы с полномочиями остальных органов власти, создавая систему взаимодействия и взаимного противовеса, чтобы не допустить одностороннего авторитарного решения. Вторую группу составляют органы, которые возглавляет Государственная Дума (Комитеты и Комиссии). Третью группу представляют органы, деятельность которых возглавляет Правительство Российской Федерации (федеральные министерства). К четвертой группе субъектов, отнесены – Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации.

Правовой базой для обеспечения правопорядка и законности в период действия режима чрезвычайного положения являются: Конституция РФ, также в этой сфере принятые законы, среди которых можно выделить такие как: ФКЗ «О чрезвычайном положении»; ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»; ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»; ФЗ «О полиции»; ФЗ «О Федеральной службе безопасности»; ФЗ «О противодействии терроризму» и т.д. Как ранее отмечалось, в случае возникновения чрезвычайной ситуации, органам, которые ответственны за его ликвидацию, предоставляются дополнительные обязанности, частью которых являются ограничения прав и свобод граждан.

Заключение. Подводя итог, следует сделать следующие выводы.

В период действия режима чрезвычайного положения возрастает воспитательная роль права, так как оно является универсальным

инструментом государства по обеспечению законности и правопорядка в период действия режима чрезвычайного положения, поддержания стабильной обстановке и пресечению паники в обществе. Отметим, что любая чрезвычайная ситуация несомненно, увеличивает потребность в четко определенном поведении.

Таким образом, на сегодняшний день достаточно актуальным остается вопрос становления и развития законодательства о чрезвычайных ситуациях регулирующих обеспечение законности и правопорядка в период действия режима чрезвычайного положения.

Также следует отметить, что целесообразно рассматривать развитие и преобразование чрезвычайного законодательства, которое регулирует сферу предупреждения возникновения социально-политических, природных, техногенных и других чрезвычайных ситуаций.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации:[принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020г.]. – Текст: электронный // Официальный интернет – портал правовой информации. – <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.09.2023).
2. О чрезвычайном положении: Федеральный Конституционный Закон от 30 мая 2001 г. №3-ФКЗ. – Текст: электронный // Официальный интернет – портал правовой информации. – <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.09.2023).
3. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный Закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ.- Текст: электронный // Официальный интернет – портал правовой информации. – <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.09.2023).

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС РАБОТНИКОВ ОВД ДНР

Каблов Д. С., канд. юрид. наук, *Ткаченко Д. А.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kablv.denis@rambler.ru

Введение. Для того чтобы противодействовать преступности эффективно и в соответствии с законом, необходимо повышать мастерство личного состава органов внутренних дел, комплектовать их надлежащим образом подготовленными кадрами, обеспечить нормативно-правовое регулирование их деятельности.

Целью статьи является изучение административно-правового статуса работников ОВД.

Основная часть. Исследуя категорию «правовой статус личности» целесообразно определить последующих подходов ученых к выяснению сущности данного общественного явления.

М.И. Матузов: рассматривая данную категорию указывает, что «правовой статус личности представляет собой совокупность прав, свобод, обязанностей и законных интересов лица, определяемых и гарантируемых государством» [1, с. 221].

По мнению Н.В. Витрука, категория «правовой статус личности» более узка, поскольку выступает частью (ядром) понятия «правовое положение личности» [2, с. 152]. В то же время большинство авторов считают эти термины аналогичными.

Большой энциклопедический словарь определяет статус (от лат. status – состояние, положение) как социальное, соотносительное состояние (позицию) индивидуума или группы в социальной системе, определяемое по ряду признаков, специфичных для данной системы (экономических, профессиональных, этнических и других) [3].

Категория правового статуса государственного служащего происходит от более общей категории «правовой статус личности», являющегося центральным элементом правового института государственной службы, так как все остальные элементы призваны «обслуживать» функционирование государственной службы и служащих.

Правовой статус работников ОВД закреплен в Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] в котором также выделены права, обязанности, ответственности и др.

Для четкого определения статуса государственного служащего, в том числе работника ОВД, целесообразно выделить среди элементов его статуса общие и особые (основные, неосновные или дополнительные) права, обязанности и ограничения, гарантии, экономическое обеспечение и ответственность. Статус государственных служащих зависит от условий, в которых проходит государственная служба. Работники органов внутренних дел представляют собой особую разновидность государственных служащих. Они выполняют управленческие и правоохранительные функции, имеют отличный от других служащих правовой статус, осуществляют от имени и по поручению государства исполнительно-распорядительные полномочия правоохранительного характера.

Лица рядового и начальствующего состава осуществляют свою трудовую деятельность непосредственно через институт государственной службы в органах внутренних дел. В то же время, работники органов внутренних дел не просто служащие аппарата управления – они являются лицами, которые занимают определенную законодательством социальную

и государственно-правовую позицию и поэтому наделяются специальными правовым статусом.

В научной литературе выделен общий, специальный и индивидуальный статус. Общий статус личности определяется Основным Законом государства. Он обобщен и одинаков для всех независимо от национальности, религиозных убеждений, социального положения, а также базовым для других разновидностей правового статуса; характеризуется стабильностью и определенностью; предполагает равенство прав и обязанностей граждан, равенство всех перед законом; служит основным для приобретения конкретных субъективных прав и обязанностей, и реализации ответственности. Специальный статус характеризует представителя той или иной социальной группы, который, согласно законам и другим нормативным актам, наделен специальными, дополнительными правами, обязанностями, ограничениями и ответственностью. Особый правовой статус дополняет или ограничивает общий правовой статус. В отличие от общего статуса, специальный статус носит изменчивый характер. Индивидуальный статус представляет собой совокупность персонифицированных прав и обязанностей в их конкретных, естественных и обретенных способностях и особенностях (пол, возраст, семейное положение, религиозные убеждения). Он также носит более подвижный, чем общий статус, характер: меняется в соответствии с теми изменениями, которые происходят в жизни человека [5, с. 48].

Особый правовой статус имеют также государственные служащие, занимающие должности в органах внутренних дел. Правовой статус работников органов внутренних дел выступает проявлением их правового статуса как граждан РФ в отраслевом разрезе, который характеризует их как лиц, проходящих службу в органах и подразделениях системы МВД ДНР. Данная проблема чрезвычайно многоаспектна и комплексна, ее можно разрабатывать в различных направлениях и аспектах: общая характеристика правового статуса, гарантии его осуществления, механизмы и способы защиты, соотношение с обязанностями, пути дальнейшего развития статуса, место и роль в механизме правового регулирования и соотношение с социальным статусом.

Правовой статус работника ОВД – это определенная в нормативных актах система прав, свобод, обязанностей, ограничений, морально-правовых требований и гарантий профессиональной деятельности отдельной категории работников служб и подразделений системы МВД ДНР, выполняющих задачи в сфере обеспечения охраны общественного порядка, общественной безопасности и борьбы с правонарушениями.

Относительно определения статуса, государственного служащего органов внутренних дел существует четыре основные позиции:

а) юридическое положение работника как гражданина в области публичных отношений (общее положение);

б) положение работника как сотрудника аппарата, лица, занимающего определенную должность и находящегося на государственной службе (специальное);

в) обще-специальное положение (объединение двух вышеперечисленных);

г) правосубъектность.

Заключение. Таким образом, правовое положение работника органов внутренних дел зависит от того, как регулируется правовая сфера его служебной деятельности. Особенности статуса разных категорий работников органов внутренних дел в основном определяются возложенными на них обязанностями, характером служебных полномочий и спецификой деятельности определенных служб и подразделений.

Список литературы

1. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М., 2001. – 776 с.
2. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук ; Российская акад. правосудия. – Москва : Норма, 2008. – 447 с.
3. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – 1008 с.
4. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 2011 г. N 49 (часть I) ст. 7020
5. Аброкова, О.А., Гукешоков, М.Х. Правовой статус личности / О.А. Аброкова, М. Х. Гукешоков // Научные известия. – 2020. – № 19. – С. 47-50

УДК 340

РЫНОК КРИПТОВАЛЮТ КАК ЧАСТЬ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Карнов К. А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина», г. Москва, РФ
karpov.moscow@gmail.com

В настоящее время в экспертных кругах Российской Федерации продолжается дискуссия о легализации операций посредством использования виртуальных валют. В нашей стране вопрос о легитимации цифровых валют и соответствующих площадок, осуществляющих сделки клиентов посредством криптовалют, происходит достаточно

продолжительное время. Ранее ряд федеральных органов государственной власти выразили свое мнение относительно использования цифровых валют. Так, в письме Федеральной налоговой службы России от 03.10.2016 года № ОА-18-17/1027 [1]. указано на отсутствие запрета по использованию криптовалют на территории государства. Затем, в 2017 году Минфин России предлагал рассматривать виртуальные валюты как один из различных видов иного имущества – финансовый актив [2]. Позднее 1 января 2021 года вступил в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», впервые определивший понятия цифровые финансовые активы (далее – ЦФА) и цифровая валюта (далее – ЦВ) [3]. Также упоминаются сделки, которые могут быть совершены с данными средствами, включая их обмен и куплю-продажу. Отметим, что Федеральным законом от 14 июля 2022 года №324-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» устанавливается порядок налогообложения операций с ЦФА [4]. Фактически данный порядок имеет схожие черты с налогообложением сделок с ценными бумагами [5] из чего можно сделать следующий вывод: рынок криптовалют является составной частью рынка ценных бумаг России.

Принято считать, что ЦВ обладают полным и бесконтрольным обращением, что связано с их анонимностью и отсутствием единого эмитсионного центра [6]. В связи с тем, что ЦВ не контролируются центральными банками большинства государств мира, то злоумышленники используют их для продажи оружия, финансирования терроризма, работорговли, наркоторговли и иных преступлений. Согласимся с А. А. Ситником, который отмечает, что относительно криптовалют отсутствует не только необходимый механизм контроля, но также у регуляторов нет и представления о том, как осуществлять этот контроль [7].

В то же время в условиях санкционных войн XXI века повышается интерес как у государств, так и организаций в использовании криптовалют для проведения международных расчетов в обход односторонних действий (санкций) [8].

Проведя анализ функционирующего в современных условиях рынка ЦВ, можно сделать вывод, что он является «копией» организованно-сложившегося за много столетий фондового рынка. Так, на этом рынке присутствуют розничные инвесторы, приобретающие токены через посредников на определенных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», которые, в свою очередь, являются прототипами фондовых бирж. К примеру, с 2017 года в Японии легитимированы участники этого рынка: операторы, которые осуществляют обмен криптовалютами, провайдеры по обмену

виртуальных валют, включая иностранных провайдеров, клиенты и надзорный орган – Агентство финансовых услуг Японии [9].

В России среди представителей государственных органов, научных сообществ нет единой точки зрения о возможности легализации криптовалютного рынка. Против легитимации ЦВ выступает Центральный банк Российской Федерации. Мегарегулятор считает, что придание правового статуса криптовалютам позволит участникам этого рынка разработать необходимые условия для ухода от уплаты налогов, а также для совершения запрещенных сделок [10].

Противоположной точки зрения придерживается Правительство Российской Федерации и Минфин России, которые считают, что в современном обществе легализация виртуальных валют является необходимостью. В феврале 2022 года Правительство РФ опубликовало «Концепцию законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют» (далее – Концепция) [11]. В Концепции отмечено, что за последние несколько лет возрастает количество физических лиц, совершающие операции с криптовалютами. Также возрастает объем средств на криптокошельках: населением страны открыто около 12 млн. кошельков, на которых хранится около 2 трлн. рублей. Следовательно, Правительство РФ исходит из того факт, что отсутствие или запрет регулирования криптовалютной отрасли приведет к увеличению доли теневой экономики. В том числе увеличится количество случаев мошеннических действий, что в будущем приведет к дестабилизации экономики. В то же время как регулирование упомянутой отрасли и установление нормативов контроля приведет к минимизации угроз для стабильности финансовой системы Российской Федерации.

Также в Концепции отмечено проведении систематизации участников криптовалютного рынка (субъектного состава), предлагаемый состав которых, их права и обязанности, реципированы из законодательства иностранных юрисдикций, включая нормы Японского правовой системы, рассмотренные ранее в исследовании. В определенной степени круг участников схож с рынком ценных бумаг.

В Концепции предложен следующий перечень участников рынка:

- 1) организатор системы обмена цифровых валют;
- 2) оператор обмена цифровых валют;
- 3) иностранная биржа цифровых валют;
- 4) клиенты.

Говоря о финансовом контроле на криптовалютным рынке, Правительство РФ указывает, что органами надзора могут стать Минфин России, Росфинмониторинг, ФНС России, Минцифры России, Генпрокуратура Российской Федерации и Банк России.

С нашей точки зрения, операции с виртуальными валютами должны осуществлять кредитные организации, которые будут получать

разрешение (лицензию) от мегарегулятора на проведение операций с ЦВ как на Отечественных, так и на иностранных площадках. Считаем, что полномочия по финансово-правовому регулированию рынка криптовалют должны быть исключительно у Банка России, что может быть аргументировано положительным десятилетним опытом мегарегулятора по осуществлению объективного и беспристрастного надзора на финансовом рынке. Также особый статус ЦВ, как «денег XXI века», позволяет отметить, что контроль за проведением операций с криптовалютами должен быть в исключительном ведении мегарегулятора, который в соответствии со ст.75 Конституции Российской Федерации осуществляет защиту и обеспечивает устойчивость российского рубля. Однако, для розничных инвесторов из-за низкой правовой грамотности целесообразно ввести запрет на операции с ЦВ. В то время как для квалифицированных инвесторов возможно предусмотреть право на осуществление данных сделок.

Считаем, вносимые на общественное обсуждение изменения, направлены на формирование легального рынка криптовалют с установлением правил оборота и круга субъектов – участников операций с криптовалютами, а также требований к ним, что в дальнейшем позволит заложить основу для криптовалютного рынка, который будет аккумулировать доходы в виде налоговых отчислений для российского государства.

Таким образом, можно утверждать, что законодателю не стоит игнорировать развитие рынка виртуальных валют, потому что в ближайшее время их использование будет многократно увеличиваться. Данное решение позволит привлечь значительные инвестиции в экономику России, увеличив товарооборот внутри государства, а также будет способствовать улучшению внешнеэкономических связей с дружественными юрисдикциями.

Список литературы

1. Письмо ФНС России от 03.10.2016 № ОА-18-17/1027 // СПС Гарант
2. Минфин выступил за запрет свободной продажи криптовалюты. // URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2017/08/28/731258-minfin> (дата обращения: 20.01. 2022).
3. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». СЗ РФ. 2020. №31. Ст. 5018.
4. Федеральный закон от 14 июля 2022 года №324-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» устанавливается соответствующий порядок налогообложения операций с цифровыми финансовыми активами. // СПС Гарант.
5. Налог на токены: что новый законопроект даст инвесторам в цифровые активы. // URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/471047-nalog-na-tokeny-cto-novyj-zakonoproekt-dast-investoram-v-cifrovye-aktivy> (дата обращения: 15.07. 2022).

6. Правовое регулирование денежного обращения (Денежное право): М./ Н. М. Артемов, И.Ю. Лагутин, А.А. Ситник, М.Н. Урда. – М.: Норма: ИНФРА- М, 2016. С. 76.
7. Ситник А.А. Виртуальная валюта: проблемы правового регулирования и контроля. Юридическая наука в Китае и России. Ежегодник. № 1 2016. С. 130.
8. Криптовалюта El Petro подорожала 2 2,5 раза. Так решил Николас Мадуро. // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5c0521ca9a7947c626d961b1> (дата обращения: 28.03. 2022).
9. Cabinet Office Order on Virtual Currency Exchange Service Providers No.7 of March 24, 2017.
10. Банк России подготовил законопроект о запрете криптовалют. // URL: <https://rg.ru/2022/02/20/bank-rossii-podgotovil-zakonoproekt-o-zaprete-kriptovaliut.html> (дата обращения: 28.03. 2022).
11. Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют. // СПС Гарант.

УДК 342.9

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Котляр А. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
axa_anna@mail.ru

Введение. С давних времен в правовых нормах как обычного, так и писаного права определялось особое место военных людей в обществе и особое отношение к ним государства.

Специфичность правового статуса лиц проходящих военную службу в том, что его права и свободы, обязанности и ответственность определяются с учетом возможностей их реализации в условиях Вооруженных Сил или других военных формирований, которые тянут за собой определенные ограничения военнослужащего в названных правах и свободах.

Цель. Изучение и правовой анализ нормативного закрепления административно-правового статуса военнослужащих.

Основная часть. Исходя из анализа научных взглядов ученых, теоретических исследований проблем правового статуса человека, правового статуса лиц проходящих военную службу позволяет нам сделать вывод, все ученые и военные юристы сходятся во мнении об особом правовом статусе данной категории лиц, который состоит из прав, свобод, обязанностей, ответственности и их гарантий.

На данное время в мире сложилась практика нормативного упрочнения правового статуса лиц проходящих военную службу отдельными нормативно-правовыми актами.

В нынешних условиях вопрос нормативно-правового регулирования правового статуса военнослужащих набирает чрезвычайно важное значение и оказывает непосредственное влияние на ход, темпы, качество и конечные результаты оборонительной сферы государства, и как итог – на состояние боеготовности Вооруженных Сил, других военных формирований и вообще безопасности РФ.

Независимо юридической силы того или другого нормативного правового акта, который закрепляет положение, непосредственно связанные с правовым статусом лиц проходящих службу в рядах ВС, все они выполняют одну и ту же функцию – официально удостоверяют признание государством определенных особенностей правового статуса данной категории лиц и в связи с этим возникает необходимость законодательного закрепления их прав, а также возможных ограничений отдельных прав и предоставления определенных льгот, преимуществ и компенсаций, обеспечение гарантий их реализации, средств юридической и индивидуальной защиты служащих.

Конституционное регулирование правового статуса лиц, проходящих службу в ВС осуществляется на основе Конституции РФ. Конституция РФ является основным законом государства который определяет основу правового статуса человека и гражданина, в том числе и лиц проходящих военную службу. Конституция РФ имеет наивысшую юридическую силу. Законы и другие нормативно-правовые акты принимаются на основе Конституции РФ и должны отвечать ей [1].

Законы являются основными правовыми актами, которые регулируют права и свободы, правовой статус человека и гражданина, включая и лиц проходящих военную службу.

После вхождения ДНР в состав РФ специальный правовой статус, права и свободы и обязанности, ограничение прав, а также вопрос социальной защиты лиц проходящих службу регулируются ФЗ, «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. N 53-ФЗ, «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» от 6 февраля 1997 г. N 27-ФЗ, «О федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 г. N 40-ФЗ, «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ, «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. N 1495 и другие законодательные акты.

Следует сказать, что основным законом в вопросе регулирования правового статуса рассматриваемой категории лиц является ФЗ «О статусе военнослужащих» [2]. В нем определены основы правового статуса лиц, проходящих службу в ДНР, также рассмотрены вопросы относительно обеспечения их прав и свобод, социальной и правовой защиты лиц проходящих военную службу, членов их семей и ограничения некоторых прав, связанных с исполнением военной службы.

Правовой статус лиц проходящих военную службу также регулируется различными подзаконными нормативными актами.

Особое место среди таких актов принадлежит Указу Президента РФ от 10 ноября 2007 г. N 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» [3], который определяет военно-специальные права и обязанности лиц, проходящих военную службу, непосредственно увязывании с военной службой.

Еще одним немаловажным актом является Указ Президента РФ «Вопросы прохождения военной службы» от 16 сентября 1999 г. N 1237 который определяет особенный порядок службы в ВС, в том числе и в мирное время как гражданами государства, так и другими лицами которые не имеют гражданства (подданства) иностранного государства или вида на жительство или какого-либо иного документа, который бы подтвердил право на постоянное проживание на территории иностранного государства, как в ВС РФ, так и других формированиях согласно законодательства [4].

Следует также обратить внимание на нормативные акты издаваемые Правительством органом исполнительной власти. Таким нормативным актом является Постановление Правительства РФ от 11 ноября 2006 г. № 663 «Об утверждении Положения о призыве на военную службу граждан Российской Федерации». Данным положение определяются порядок как порядок прохождения призыва на военную службу граждан, которые состоят или обязаны состоять на учете (военкомате) и не пребывающих в запасе, так и лиц, которые окончили государственные, муниципальные или негосударственные образовательные учреждения ВПО и которые зачислены в запас с присвоением им специального воинского звания офицера [5].

Заключение. Итак, в настоящее время в Донецкой Народной Республике как субъекте РФ сложилась система нормативно-правовых актов, разной юридической силы, которые регулируют вопрос административно-правового статуса, прав и свобод военнослужащих и гарантии их реализации. Эта система характеризуется большим количеством как законодательных, так и подзаконных нормативно-правовых актов, их непоследовательностью, дублированием правовых норм, в правовых актах как одинаковой, так и разной юридической силы, отсутствием единой терминологии.

На основе закона о правовом статусе необходимо разрабатывать другие нормативно-правовые акты с учетом особенностей и условий прохождения службы разными категориями военнослужащих на основе современных реалий социально-экономического развития нашего государства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями и дополнениями от 6 октября 2022 г.) [Электронный

ресурс] – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10103000/> – Дата обращения: 09.03.2023 – Загл. с экрана.

2. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 июня 1998 г. N 22 ст. 2331
3. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. N 1495 // Собрание законодательства Российской Федерации от 19 ноября 2007 г. N 47 (часть I) ст. 5749
4. Вопросы прохождения военной службы Указ Президента РФ от 16 сентября 1999 г. N 1237 // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 сентября 1999 г. N 38 ст. 4534
5. Об утверждении Положения о призыве на военную службу граждан Российской Федерации Постановление Правительства РФ от 11 ноября 2006 г. N 663 // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 ноября 2006 г. N 47 ст. 4894

УДК 336.2

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ НАЛОГАМИ

Новак А. Ю.

ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет», г. Мелитополь, РФ
anovak83@mail.ru

Введение. В соответствии с Налоговым кодексом РФ уплата налогов заявляется обязанностью каждого гражданина и правом каждого члена общества [1]. Роль налогового регулирования особенно возрастает в настоящее время под воздействием процессов глобализации и макроэкономической нестабильности. В связи с этим актуальной проблемой является анализ теоретико-правовые аспекты сбора и управления налогами.

Основная часть. Налогообложение зародилось в период перехода от позднего первобытного общества к рабовладельческому обществу и сформировалось в период перехода от позднего рабовладельческого общества к феодальному. Оно прошло длительный процесс развития и эволюции от неполной формы к полной, и на его формирование ушло более 1600 лет.

Эволюция налоговой системы – это процесс непрерывного реформирования и совершенствования налоговой системы государства. История эволюции налоговой системы показывает, что переход от децентрализации к централизации налоговой системы является неизбежной тенденцией социально-экономического развития. На основе изменений налоговой системы в разные периоды можно сделать вывод, что налоговая система России постоянно совершенствуется.

С точки зрения положений об элементах налогообложения они варьируются от простого к сложному; от единого вида налога до

постоянного совершенствования налоговой системы; от преимущественно сельскохозяйственных налогов до преимущественно промышленных и коммерческих налогов; от преимущественной опоры на административные средства до сбора налогов до сбора налогов законным путем.

Теоретическая основа вопросов сбора и управления налогами в основном включает в себя следующие аспекты:

а) основные принципы налогообложения. Основным принцип сбора налогов и управления ими заключается в том, что налогоплательщики должны платить налоги в соответствии с законом, а сбор налогов и управление ими должны быть организованы. Осуществляется в соответствии с законодательством для обеспечения законности и справедливости налогообложения.

Правовой основой для сбора и администрирования налогов является налоговая правовая система, включая правовые документы, такие как Конституция, налоговые законы, правила налогового администрирования и судебные толкования налоговых органов.

Управление налогами с населения предполагает использование определенных льгот и прогрессивных налоговых ставок. Во время экономического процветания увеличение налоговой базы заставляет людей автоматически применять более высокие налоговые ставки.

Вопреки общему мнению, что прогрессивно высокие налоговые ставки для богатых уменьшают их стимулы усердно работать и инвестировать, считается, что ставка налога для лиц с высокими доходами должна быть увеличена, поскольку богатые фактически тратят свой капитал для конвертации обычного дохода в доход венчурного капитала. Переход к рискованным проектам;

Чтобы стимулировать рост частных инвестиций и тем самым способствовать экономическому развитию, подоходный налог, взимаемый с инвестиционных доходов, должен быть снижен или освобожден от него, тем самым стимулируя инвестиционный спрос; большое внимание следует уделять научно-техническим исследованиям и разработкам, а также соответствующей преференциальной политике. должны быть сформулированы с точки зрения налогообложения; необходимо разрешить капитальные вложения. Убытки должны быть включены в корпоративные расходы для выравнивания корпоративных прибылей и налогового бремени; снизить ставки корпоративного налога для стимулирования инвестиций; изучить текущую экономическую ситуацию, сформулировать и реализовать льготные налоговые меры.

Содержание управления налогами определяется исходя из самого понятия налога. Принудительное изъятие и обязательный характер налогового платежа составляют важнейшие его признаки. Внеэкономическое принуждение позволяет налоговой системе осуществлять крупномасштабную мобилизацию денежных ресурсов и

обуславливает обязательное законодательное оформление налогового изъятия.

При том, что налог взимается принудительным образом, это не означает, что он ограничивает свободу предпринимательства самостоятельно хозяйствующих субъектов и личную свободу граждан: правосудие и охрана общественного порядка поддерживаются также принудительно, но именно это и делает возможным развитие свободы граждан.

Система сбора и управления налогами, которая находит отражение в государственных актах о налогообложении, оказывают существенное влияние на процесс взимания налогов и их администрирование. Сбор налогов и администрирование также предполагают использование информационных технологий, таких как электронные счета, онлайн-уплата налогов и т. д., для реализации налоговой информатизации, создания сетей и сбора данных, а также международные налоговые правила.

Она выполняет макроконтролирующую функцию, и позволяет реализовать дискреционные решения с целью устранения несправедливого распределения социальных доходов, стимулирования роста частного потребления и содействия росту инвестиций. В частности, когда экономика впадает в депрессию, для снижения дефляционных факторов налогообложение, с одной стороны, играет роль автоматического стабилизатора, позволяющего корректировать распределение доходов, замедлять снижение потребления и стремиться повысить эффективный социальный спрос, чтобы стимулировать восстановление экономики;

С другой стороны, за счет увеличения расходов на государственные закупки государственные инвестиции используются для компенсации сокращения частных инвестиций и стимулирования инвестиционного спроса; при перегреве экономики в целях подавления инфляционных факторов используется функция автоматического стабилизатора налогообложения, замедлить рост доходов, увеличить налоговую нагрузку на потребление и инвестиции и охладить экономику.

Принципы налогового управления определяются характером, особенностями и задачами налогообложения в РФ. В сфере налогообложения тщательное и правильное следование принципам способствует полному осуществлению налоговых функций; обеспечению централизованных бюджетных доходов государства и правильному учету соотношения интересов государства, граждан и общества. Они представляют собой руководящие начала, которым следует следовать в работе по налоговому управлению. Они определяются налоговой политикой нормами законодательства.

К принципам управления налогами могут быть отнесены следующие: а) принцип эффективного управления; б) принцип единого руководства и иерархического управления; в) принцип единства экономического и финансового управления; г) принцип действия в соответствии с законом и

расчета налогов по ставке; д) принцип сочетания профессионального управления и общественного контроля [1].

Заключение. Подводя итог, следует отметить, что теоретическая основа вопросов сбора и управления налогами многогранна.

В современных условиях важный элемент управления налогами – изменение налоговых ставок, постепенный переход от фиксированного налога и пропорциональной системы налогообложения к установлению новой налоговой системы, основанной на прогрессивном подоходном налоге, для стимулирования инвестиционного и потребительского спроса.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть 1 и 2. – М.: Омега-Л, 2022. – 880 с.
2. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов" (утв. Минфином России) / Консультант Плюс – надежная правовая поддержка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429950/ (дата обращения: 01.09.2023). – Загл. с экрана.

УДК 342.92

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ «ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ»

Пашков С. Н., канд. юрид. наук, доц., *Борухов Е. В.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
pashkovv@yandex.ru

Введение. Вопросы, связанные с реализацией законных интересов налогоплательщика, являются непростыми как в теории, так и в практике. Объясняется это сложной природой самого законного интереса и дефицитом фундаментальных комплексных исследований в данной области. Усугубляет проблему отсутствие актов судебных органов, разъясняющих единичное упоминание в ст. 22 Налогового кодекса РФ (НК РФ) термина «законные интересы налогоплательщика». [1] Имеющиеся у субъектов налоговых отношений знания о законных интересах, как показывает опыт, опираются в большей мере на интуицию, что, в свою очередь, несёт угрозу стабильности правопорядка, образует неконтролируемые риски для государства и налогоплательщиков, которые, в конечном итоге, перекладываются на последних.

Целью исследования является построение финансово-правовой концепции законного интереса налогоплательщика, разработка и обоснование ее обеспечительных и правозащитных компонентов.

Основная часть. Реализация законного интереса налогоплательщика возможна только в форме налогового правоотношения, в основе которого лежит правовая связь между налогоплательщиком и органом публичной власти. Законный интерес является структурной частью налогового правоотношения. Выделяют пять основных типов проявления законных интересов в налоговом правоотношении, а именно в связи с: 1) реализацией налогоплательщиком своего субъективного права; 2) исполнением налогоплательщиком своей юридической обязанности; 3) реализацией налогоплательщиком законных интересов, не опосредованных субъективным правом; 4) реализацией органом публичной власти своих прав и обязанностей; 5) соблюдением органом публичной власти ограничений и запретов [3, с. 83].

Законный интерес налогоплательщика, как обособленное от субъективного права правовое дозволение с собственным содержанием, является самостоятельным объектом правового регулирования и защиты. По форме выражения законные интересы, в отличие от субъективного права, в большинстве случаев не позитивированы. Они выводятся из естественных прав человека, действующих субъективных прав налогоплательщика, обязанностей, ограничений и запретов противоположной стороны отношения. Доказано, что отсутствие правовой формализации не делает законные интересы налогоплательщика юридически менее значимыми в измерении с субъективными правами.

Законные интересы налогоплательщика выступают не только предпосылкой возникновения субъективных прав, но и следствием их существования. Под воздействием внутренних (потребность в стимулировании деловой активности, развитии какого-либо сегмента или отрасли экономики и т.п.) и внешних (глобальный финансовый кризис, пандемия, ограничительные меры и т.п.) факторов и проявлении политической воли законный интерес налогоплательщика может трансформироваться в субъективное право и найти свое место в тексте закона. Данное преобразование сопровождается содержательным наполнением притязания с последующей детализацией его реализации: уточняются административные процедуры, формализуются условия предоставления благ, разрабатываются соответствующие формы документов и т.п. Законодательное закрепление законного интереса в форме субъективного права придает дозволению устойчивый характер, добавляет правовой определенности и снижает конфликтный потенциал [4, с. 34].

Неоднородность налоговых отношений позволяет выделить классификационные критерии и виды законных интересов налогоплательщиков. По критерию формализации в нормах права законные интересы налогоплательщика подразделяются на позитивированные и непозитивированные; по субъекту-носителю – на общие

(неперсонифицированные) и специальные (индивидуальные); по месту, занимаемому в налоговом правоотношении, – на связанные с: а) реализацией налогоплательщиком своих прав, законных интересов и исполнением обязанностей; б) реализацией налоговым органом своих полномочий, соблюдением им ограничений и запретов; по связанности (взаимодействию) налогоплательщика с налоговым органом – на абсолютные и относительные; по степени конкретизации – на общерегулятивные и конкретно-регулятивные; по сфере действия – на материальные и процессуальные; по объекту отношений – на имущественные и неимущественные; по виду налогоплательщиков – на законные интересы организаций, индивидуальных предпринимателей, физических лиц; по функциональной роли – на выполняющие регулятивную и охранительную функции; по соответствию действующему законодательству и (или) сложившейся правоприменительной практике – на коллизионные и неколлизионные [5, с. 77].

Законные интересы налогоплательщика в отношениях по установлению и введению налога реализуются в модели общерегулятивных, а не абсолютных правоотношений, что допускает со стороны налогоплательщика возможность притязания. Представительный орган власти в этих отношениях выступает как правообязанный субъект. Дискреционные полномочия законодателя ограничены общеправовыми требованиями и конституционными принципами, концентрированно выражающими законные интересы налогоплательщика и выступающими противовесом фискальным амбициям. Методологической основой защиты законного интереса налогоплательщика являются методы балансирования и пропорциональности. Искомое равновесие между двумя правомерными, но разнонаправленными интересами (ценностями) предполагает отказ от исходной доминации любого из интересов и механического правоприменения.

Достижение компромисса возможно лишь при эгалитарном подходе, согласно которому и частному, и публичному интересу изначально придаются равноценное значение и взаимное уважение. Оптимальное равновесие достигается тогда, когда каждый из интересов сохраняется, учитывается и получает соответствующую степень удовлетворения. При этом менее весомый интерес не умаляется, а получает уравниваемую компенсацию на основе принципов справедливости, разумности, пропорциональности, законного ожидания и др.

Вместо модели абстрактного гарантирования законных интересов с широкой дискрецией органов публичной власти предложена принципиально новая парадигма обеспечения законных интересов налогоплательщиков на основе функционального подхода и методов экономического анализа права. Ключевыми элементами этой парадигмы являются соответствующая обязанность и ответственность должностных лиц налоговых органов – инструменты, целенаправленно воздействующие

на поведение налогового органа и призванные изменить безразличное отношение властного субъекта к риску ошибочной деятельности.

Заключение. Теория законных интересов нужна не только самой науке налогового права, но и прежде всего практике налоговых отношений. Она призвана снизить правовую неопределенность и конфликтность в налоговой сфере. Воплощение в жизнь концепции законных интересов налогоплательщиков задаст принципиально новую правозащитную парадигму в налоговом праве.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч.1 от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – ст. 3824.
2. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 19. – ст. 2060.
3. Алексеев С. С. Теория права. – М.: БЕК, 1995. – 320 с.
4. Налоговое право: учебник / под ред. И.А. Цинделиани. – М.: Проспект, 2019. – 704 с.
5. Березин М. Ю. Региональные и местные налоги: правовые проблемы и экономические ориентиры. – М.: Волтерс Клувер, 2016. – 640 с.

УДК 342.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Пашков С. Н., канд. юрид. наук, доц., *Човпан С. А.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
s.pashkov@donnu.ru, chovpan@live.ru

Введение. Институт административного наказания, способствующий воплощению в жизнь социально-превентивной функции административного права, является одним из важнейших институтов административного права. Именно наказание выступает основной формой реализации административной ответственности и главным способом воздействия на правонарушителей. Однако, несмотря на многочисленные отечественные и зарубежные исследования, посвящённые административным наказаниям, данный правовой институт всё ещё имеет множество проблем, которые проявляют себя при его реализации на практике. Одна из таких проблем, являющаяся достаточно злободневной и препятствующая эффективной реализации административно-правовой ответственности, рассматривается в данной работе.

Основная часть. Административное законодательство гласит, что административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами [1]. Правила назначения таких наказаний и обстоятельства, которые должны учитываться при их назначении, установлены Главой 4 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ). Тем не менее, целый ряд вопросов, прежде всего, связанных с соблюдением принципов справедливости и индивидуализация наказания, остаётся открытыми в науке.

В идеале, привлечение к ответственности должно гарантировать достижение трех целей:

- 1) удовлетворение установленным наказанием пострадавшей стороны;
- 2) индивидуальную профилактику дальнейшего поведения виновного лица;
- 3) общую профилактику.

Именно при достижении всех трех целей одновременно можно говорить об эффективности системы административных наказаний. Немаловажно также, наряду с достижением этих целей, соблюдать определенный баланс между их реализацией.

Однако, зачастую, очень сложно понять ход мыслей и логику законодателя при установлении той или иной меры наказания. По делам, которые влекут за собой более тяжкие последствия, на правонарушителя налагают меньший объем наказания, чем за те, которые менее опасны для окружающих и общества в целом. В некоторых случаях наказание, по какой-то причине, назначается безальтернативно. Примером могут послужить фиксированные размеры административного штрафа, которые нашли широкое применение законодателем в нормах, определяющих ответственность за административные правонарушения в области дорожного движения. Фактически, в этом случае невозможно говорить о какой-либо индивидуализации наказания.

В целом, законодателем активно используется установление максимальных и минимальных пределов размера административного наказания, однако, на практике чаще всего разница между этими размерами для административных штрафов столь незначительна, что также влияет на оставление принципа индивидуализации наказания без внимания.

В некоторых случаях за, казалось бы, близкие по своим опасным последствиям деяния законодатель устанавливает абсолютно разные по объёму административные наказания. В качестве примера можно привести ч. 1 ст. 12.3 КоАП РФ, где за управление транспортным средством

водителем, не имеющим при себе документов на право управления им, предусмотрены такие виды ответственности как предупреждение или наложение административного штрафа в размере пятисот рублей, а в ч. 3 указанной статьи за передачу управления транспортным средством лицу, не имеющему при себе документов на право управления им, установлен только штраф в размере уже трех тысяч рублей [2].

Аналогичную ситуацию мы можем наблюдать и при анализе ч. 2 ст. 12.5 КоАП РФ, согласно которой за управление транспортным средством с заведомо неисправными тормозной системой, рулевым управлением или сцепным устройством законодатель предусматривает наложение административного штрафа в размере всего лишь пятисот рублей, а за предусмотренное ч. 4.1 указанной статьи управление транспортным средством, на котором незаконно установлен опознавательный фонарь легкового такси, предусматривает административное наказание в виде штрафа в размере пяти тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения [1].

Ещё один изъян в действующем правовом регулировании – несоизмеримость некоторых вариантов наказаний за одно и то же деяние как альтернативных, а также вытекающая из этого коррупциогенность отдельных статей. Например, ч. 2 ст. 12.7. КоАП РФ за управление транспортным средством водителем, лишённым права управления транспортными средствами, предусмотрена ответственность в виде наложения административного штрафа в размере тридцати тысяч рублей, либо административный арест на срок до пятнадцати суток, либо обязательные работы на срок от ста до двухсот часов.

В этой части необходимо сказать, что административный арест, указанный без нижнего предела, представляет собой явно менее жёсткое наказание, чем два других, ставящихся ему в альтернативу; более того, правонарушитель может быть заинтересован в даче взятки сотруднику правоохранительных органов с целью уменьшения срока ареста, например, до одних-двух суток [3]. При этом решение о назначении такого рода наказания будет считаться законным.

Заключение. Для решения проблем, связанных с реализацией принципов справедливости и индивидуализации административного наказания, необходимо в значительной мере переработать действующее законодательство, в частности:

1) по возможности полностью исключить, или хотя бы свести к минимуму количество статей КоАП РФ, предусматривающих в части санкции один безальтернативный вид наказания;

2) привести санкции за разные части одной статьи КоАП РФ, а также за разные статьи КоАП РФ в соответствие с принципом большей ответственности за большую опасность деяния для окружающих и общества в целом;

3) устранить несоразмерность некоторых вариантов наказаний за одно и то же деяние как альтернативных, а также вытекающую из этого коррупциогенность.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // [Электронный ресурс] – URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения 19.09.2023)
2. Гуев А.Н. Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. – М.: ИНФРА-М, 2002. – С. 55 – 56.
3. Варгузова А.А. Субъекты административных правоотношений в сфере обеспечения общественной безопасности // Административное и административно-процессуальное право. – Часть 2. – М., 2014. – 255 с.

УДК 342.9

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Сынкова Е. М., д-р юрид. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

kf.admfinpr.zav@donnu.ru

Введение. По мере постепенного углубления процессов рыночной экономики, особенно быстрого развития новых форм занятости, их влияние на все аспекты экономики и общества и их роль в содействии занятости становятся все более очевидными, что обуславливает необходимость соответствующих корректировок политики занятости.

Столкнувшись с новыми требованиями по совершенствованию политики занятости, государственные ведомства поддерживают развитие новых форм занятости, но они также бросают вызов традиционному надзору с точки зрения трудовых отношений, социальной безопасности и других аспектов.

Основная часть. С исторической и современной точки зрения эффективная реализация политики занятости на всех этапах должна базироваться на комплексном использовании различных средств [1, с. 36]. Использование различных средств политики тесно связано с конкретными целями политики занятости в данных социальных условиях. В любых социальных условиях основным средством обеспечения полной занятости является стремление к развитию экономики.

Нормативно-правовую основу государственной политики занятости населения составляют:

Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [2].

Закон Российской Федерации от 19.04.1991 года № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» [3].

Указ Президента Российской Федерации от 20.07.2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [4].

В соответствии с вышеназванными нормативно-правовыми актами целью государственной политики занятости является создание правовых, экономических и институциональных условий, обеспечивающих развитие гибкого, эффективно функционирующего рынка труда.

Политика занятости представляет собой совокупность мер, разрабатываемых и реализуемых государством и социальными группами для решения проблем занятости работников в обществе. Она является основным средством обеспечения занятости для безработных и новой рабочей силы.

Политика занятости представляет собой совокупность мер, разрабатываемых и реализуемых государством и социальными группами для решения проблем занятости работников в обществе. Она является основным средством обеспечения занятости для безработных и новой рабочей силы.

Цель политики занятости заключается в удовлетворении потребностей организаций и предприятий в квалифицированных кадрах и эффективном их использовании с учетом возможностей самореализации каждого работника. В философии управления человеческими ресурсами трудовые ресурсы являются наиболее ценным капиталом, который необходимо беречь и приумножать. Это предъявляет особые требования к формированию политики занятости в государстве.

Непосредственные цели политики занятости можно свести к двум аспектам: во-первых, решить проблему повторного трудоустройства безработных; во-вторых, решить проблему первоначального трудоустройства новой рабочей силы. Фундаментальной причиной безработицы и трудностей с трудоустройством является низкий уровень социально-экономического развития и неспособность общества обеспечить работникам полную занятость. Таким образом, основным средством обеспечения полной занятости для правительства является содействие быстрому социальному и экономическому развитию. Неоспоримым фактом является то, что экономическое развитие увеличивает занятость, в то время как экономическая стагнация или спад сокращают занятость [5, с. 71]. Поэтому ключом к фундаментальному решению проблемы занятости является содействие социально-экономическому развитию.

Посредством вышеуказанных мер, с одной стороны, обеспечивается полная занятость городской рабочей силы, а с другой стороны, она также

препятствует нормальному потоку городской и сельской рабочей силы, создавая большие препятствия для социального и экономического развития, и эффективного распределения человеческих ресурсов.

Новое поколение трудящихся находит работу и начинает бизнес в новых отраслях и новых бизнес-форматах, представленных «Интернет+». В этот период, чтобы замедлить влияние новых экономических моделей на традиционные бизнес-модели и более своевременно и эффективно регулировать вопросы, возникающие в результате новых бизнес-моделей, появились некоторые отрасли с более новыми формами занятости, такие как мобильные путешествия, индустрия экспресс-доставки и онлайн-заказы на вынос, интернет-медицина и т. д.

Ресурсы и возможности занятости могут быть распределены только в ограниченном времени и пространстве, небольшое количество конкретных групп или отдельных лиц. Механизм распределения ресурсов и возможностей новой формы занятости представляет собой открытый, обменный, плавный и совместный механизм, основанный на современных новых технологических условиях, таких как мобильный Интернет. Роль знаний и навыков в обеспечении занятости значительно возросла.

Трудовые отношения, основанные на гибкой форме занятости, требуют разработки новых форм трудового договора, которые бы учитывали разнообразные формы трудовой активности.

Заключение. В такого рода работе, основанной на задачах, платформах (подрядчики, франчайзи, поставщики и т. д.), посредники, работники, потребители и т. д. образуют взаимосвязанную и тесно скоординированную сеть.

Политика занятости также должна способствовать конкуренции за трудоустройство в рамках рыночного механизма. Для этого необходимо, в частности:

- совершенствовать законы и правила, уточнить функции государственных органов, координирующих вопросы занятости;
- продвигать активную налогово-бюджетную политику для стимулирования экономического роста и создания рабочих мест;
- продвигать услуги по трудоустройству на рынке труда;
- создать систему подготовки кадров для решения проблем занятости с разных сторон.

В новой форме занятости преобладают молодые, высокообразованные и квалифицированные работники. Ресурсы занятости в основном опираются на собственные знания и навыки для открытия новых сфер производства и обслуживания. Возможности трудоустройства формируются на основе технологий мобильного Интернета.

Новые формы занятости представляют собой новые внешние формы труда. Больше автономии, свободы, гибкости и гибкости – вот наиболее легко идентифицируемые извне характеристики новой формы занятости.

Список литературы

1. Аранжин, В. В. Формирование политики эффективной занятости в условиях трансформации рынка труда / В. В. Аранжин, Е. В. Нехода // Социально-трудовые исследования. – 2022. – № 1(46). – С. 36-54
2. Закон РФ от 19 апреля 1991 г. N 1032-1 "О занятости населения в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // Бюллетен, нормативных актов РСФСР, 1992 г., N 1, с. 4 – 18
3. Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» //СЗ РФ 4 января 2021 г. N 1 (часть I) ст. 28
4. Указ Президента Российской Федерации от 20.07.2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ от 27 июля 2020 г. N 30 ст. 4884
5. Мельниченко, Н. Ф. Основные направления государственной политики занятости в Российской Федерации / Н. Ф. Мельниченко, О. В. Маркова // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 71-73.
6. Балтина, А. М. Финансирование мероприятий активной политики занятости населения / А. М. Балтина, О. С. Штырхунова // Вестник Академии знаний. – 2022. – № 53(6). – С. 316-320

УДК 342.9

О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Сынкова Е. М., д-р юрид. наук, проф., *Гуров Н. И.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kf.admfinpr.zav@donnu.ru, yara-200@mail.ru

Введение. Регулирование общественных отношений в сфере организации и деятельности исполнительных органов власти и иных органов государственной администрации в процессе реализации публичной власти невозможно без административных процедур. Ими буквально «прошито» административное право.

Основная часть. В целях регулирования, обеспечения и надзора за осуществлением административных полномочий административными органами в соответствии с законом, повышения уровня управления, содействия защите законных интересов и прав граждан, юридических лиц и других организаций вводится понятие административной процедуры [1].

Без надлежащей правовой процедуры административные органы не могут предпринимать административные действия, ущемляющие законные права и интересы граждан, юридических лиц или других организаций либо увеличивающие их обязанности. Административные органы при осуществлении своих административных полномочий следуют принципам

открытости, справедливости и беспристрастности и одинаково относятся к гражданам, юридическим лицам и другим организациям [2].

Осуществление дискреционных полномочий административными органами должно соответствовать цели законодательства, а принимаемые меры или средства должны быть необходимыми и целесообразными; для достижения административных целей административные органы должны выбирать административные меры или средства таким образом, чтобы это было наиболее способствует защите законных прав и интересов граждан, юридических лиц и других организаций.

Административные органы осуществляют свои административные полномочия в соответствии с законами, постановлениями и правилами в пределах своих юридических полномочий и в соответствии с юридическими процедурами. Если эти законы, постановления и правила четко не предусматривают разделение полномочий между высшими и подчиненными административными органами, вышестоящие административные органы должны действовать таким образом, чтобы способствовать обеспечению административной эффективности, соизмерять полномочия с расходами, согласовывать полномочия с обязанностями и соответствующим образом сместить фокус управления вниз и т. д.

Административные органы могут поручить другим административным органам или организациям функции управления государственными делами для осуществления своих административных полномочий в соответствии с положениями законов, постановлений и правил и с учетом фактических рабочих потребностей.

Доверенный административный орган или организация в пределах поручения осуществляет административные полномочия от имени доверительного административного органа, и вытекающие из этого юридические обязательства несет доверительный административный орган.

Административный орган уведомляет заинтересованных лиц об участии в административных процедурах.

Стороны и заинтересованные лица могут поручить одному или двум агентам участвовать в административных процедурах; если законы, положения и правила четко предусматривают, что стороны или заинтересованные лица должны лично участвовать в административных процедурах, они должны делать это лично [3].

При наличии большого количества сторон и заинтересованных лиц для участия в административных процедурах может быть поручено общее доверенное лицо или выбрано от двух до пяти представителей.

Об отборе, увеличении, уменьшении или замене представителей административный орган должен быть уведомлен в письменной форме.

В административных процедурах стороны и заинтересованные стороны пользуются такими правами, как право подачи заявления, право

знать, право заявлять, право на защиту и право на судебную помощь в соответствии с законом.

Когда стороны и другие участники участвуют в административных процедурах, они должны выполнять свои обязательства, такие как предоставление достоверной информации, соблюдение юридических процедур, подчинение административному руководству, содействие в выполнении служебных обязанностей и защита национальных интересов и социальных общественных интересов

Юрисдикция административных органов определяется в соответствии с законами, постановлениями и правилами. Если законы, постановления и правила четко не определяют юрисдикцию, ее определяет местное народное правительство уровня уезда или выше.

Если законы, постановления и правила четко не определяют географическую юрисдикцию, юрисдикцией обладает административный орган, в котором возникают административные вопросы, за исключением одного из следующих обстоятельств:

Если два или более административных органа обладают юрисдикцией в отношении одного и того же административного дела, то административный орган, который первым принимает дело или возбуждает дело, обладает юрисдикцией в соответствии с законом. Если ситуация носит неотложный характер и непринятие своевременных мер нанесет существенный ущерб национальным интересам и общественным интересам либо законным правам и интересам граждан, юридических лиц или других организаций, административный орган, в котором возникает административное дело, должен принять необходимые меры.

Административные органы, совершающие административные действия, ущемляющие законные права и интересы сторон или увеличивающие обязанности сторон в соответствии с их полномочиями, должны заранее информировать стороны об основном содержании, причинах и основаниях предлагаемого административного действия.

Если административный орган инициирует административные процедуры в соответствии со своими полномочиями, он должен осуществлять их в соответствии с законами, постановлениями, правилами и другими соответствующими положениями.

Когда административные органы инициируют административные процедуры, они должны информировать участников об их правах и обязанностях.

Если какой-либо сотрудник административного органа при исполнении своих обязанностей сталкивается с любым из следующих обстоятельств, он должен добровольно отказаться от участия: а) быть стороной административного акта или близким родственником стороны; б) лицо или его близкие родственники заинтересованы в административном акте; в) наличие других отношений со сторонами,

участствующими в административных действиях, которые могут повлиять на справедливое рассмотрение дела административными органами.

Заключение. В наши дни актуализируется изучение административных процедур в связи с тем, что в ходе их осуществления затрагиваются интересы не только органов государственной власти, но и граждан и юридических лиц.

Полагаем, что значение административных процедур настолько велико, поэтому необходимо детальное регламентирование и установление системного характера административных процедур.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения 19.09.2023)
2. Административное право : учебник / Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – 5-е изд., пересмотр. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. – С. 76
3. Роль административных процедур в государственном управлении // [Электронный ресурс]. – URL: <https://articlekz.com/article/7424>

УДК 342.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ВИНЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ

Сынкова Е. М., д-р юрид. наук, проф., *Михайлов Я. А.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kf.admfinpr.zav@donnu.ru, yara-200@mail.ru

Введение. Проблема определения вины юридического лица за совершенное административное правонарушение в настоящее время является весьма актуальной в правовой науке. Этой проблеме и уделяется центральное внимание в данной работе.

Основная часть. Для начала необходимо определиться с дефинициями терминов «вина» и «юридическое лицо».

Так, определению понятия «вина», её формам и признакам уделяется особое внимание в КоАП РФ. Данная категория, будучи основным признаком субъективной стороны правонарушения, отражает психическое отношение лица к деянию и его последствиям, и включает, согласно общей теории права, следующие формы: умысел и неосторожность [1].

Юридическое лицо, в свою очередь, является субъектом права, а в случаях вступления в правоотношения, становится также и субъектом

правоотношений. Однако до сих пор в правовой доктрине существует проблема определения правовой природы юридического лица, причём выделяют два подхода к определению сущности юридического лица:

1. Юридическое лицо является коллективным образованием, в которое объединяются люди для удовлетворения общих интересов и потребностей. Оно представляет собой реально существующий субъект правоотношений и наделяется качеством, присущим только физическим лицам – собственной волей[2].

2. Юридическое лицо – это фикция. В соответствии с данным подходом, юридическое лицо существует только в рамках правового поля. [2]. Достоинством данного подхода выступает то, что юридическое лицо в таком случае наделяется правосубъектностью, выступает как самостоятельный участник гражданского оборота.

Среди учёных преобладает второй подход и он же положен в основу законодательства.

Проблема же определения вины юридических лиц проистекает из того, что в правовой науке нет единого понимания данной дефиниции. При этом существует несколько подходов в административном праве, нашедших своё отражение в текстах различных нормативно-правовых актов, что, в свою очередь, обуславливает трудности в их правоприменении:

1. психологический (субъективный);
2. поведенческие (объективные);
3. поведенческо-психологический (комплексный).

Разберём подробно каждую из концепций:

1. Сторонники психологической концепции вины юридических лиц в административном праве определяют её по вине коллектива организации либо её должностных лиц. Отсюда вина не может быть применена к юридическому лицу в изначальном виде, потому что юридическое лицо – это фикция [3]. Данный подход нашёл отражение в ст. 110 Налогового Кодекса РФ [4]. Основной недостаток этого подхода – это существование организаций, в которых, в связи с особенностями структуры, невозможно установить лиц, ответственных за правонарушение.

2. Ученые, придерживающиеся объективного подхода к определению вины юридического лица, считают, что суть рассматриваемой категории заключается в следующем: вина определяется не из психического отношения участников юридического лица, а как совокупность отрицательных факторов, характеризующихся неприятием юридическим лицом мер для предотвращения нарушений [3]. Таким образом, в соответствии с объективным подходом вина юридического лица – это противоправное поведение, характеризующееся действием или бездействием, которое нарушает установленный законом правопорядок.

Данный подход отражён в ст. 2.1 КоАП РФ [1]. Недостатком его выступает отсутствие перечня обстоятельств, которые исключают вину юридического лица, что, в свою очередь, приводит к злоупотреблениям со стороны правоприменителя. Помимо этого, отсутствие обстоятельств, исключающих вину юридического лица, фактически устанавливает презумпцию виновности в совершении правонарушения.

3. Последний, поведенческо-психологический подход к определению вины юридического лица характеризуется тем, что объединяет субъективный и объективный подходы. Таким образом, вина организации определяется через вину его представителей, действия которых выступили причиной совершения административного правонарушения. Однако в случае установления правоприменительным органом того факта, что работник юридического лица вышел за пределы своих полномочий, либо злоупотребляет своим должностным положением, – вина юридического лица исключается. Данный подход получил нормативное закрепление в ст. 401 Гражданском кодексе РФ [5].

На наш взгляд, целесообразным представляется использование поведенческо-психологической (комплексной) модели определения вины юридического лица, поскольку, на наш взгляд, учитывает интересы как правоприменительных органов, так и юридического лица через возможность исключения его вины, а также не имеет недостатков субъективного и объективного подходов.

Так, вину юридического лица предлагается рассматривать через вину должностного лица, т.е. как вину его должностных лиц и иных работников, а именно тех субъектов, которые в правоотношении выступают от имени данного юридического лица и являются носителями способности психического восприятия событий, в том числе своего поведения.

Заключение. Основные пути решения рассмотренной проблемы – пересмотр существующего законодательства с целью приведения нормативно-правовых актов различных отраслей к единому значению норм регулирующих вину юридического лица.

Учитывая все вышесказанное, заключим, что необходимым выступает изложение ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ в следующей редакции: «Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что совершение административного правонарушения обусловлено действиями (бездействием) должностного лица (лиц) такого юридического лица, и у него (них) имелась возможность для соблюдения установленных законом правил и норм, но юридическим лицом, либо должностным лицом (лицами) юридического лица не были приняты все зависящие от него (них) меры по их соблюдению в рамках правоотношений, за нарушение которых они подлежат привлечению к ответственности.

В целях реализации положений настоящего пункта под должностными лицами следует понимать лиц, поименованных в примечании к статье 2.4 КоАП РФ».

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // [Электронный ресурс] – URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения 19.09.2023)
2. Юрчак Е. В. Вина как общеправовой институт : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Юрчак Екатерина Валерьевна; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. – Москва, 2015. – 276 с
3. Якупов, В. Р. Основные подходы к определению вины юридических лиц в административном праве / В. Р. Якупов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2011. – № 19(236). – С. 102-106. – EDN OEYVKL.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) / [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 19.09.2023).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2023) [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 19.09.2023).

УДК 342.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСТИНИЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сынкова Е. М., д-р юрид. наук, проф., *Моргун Е. А.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kf.admfinpr.zav@donnu.ru, valikova_1985@mail.ru

Введение. Проблема государственного регулирования гостиничной деятельности в настоящее время является весьма актуальной на практике и в правовой науке, в особенности с учетом использования сайтов-агрегаторов как средства продвижения гостиничного продукта и необходимого контроля со стороны государства как сайтов-агрегаторов, так и продвигаемой гостиничной деятельности. Указанной проблеме посвящена данная работа.

Основная часть. Часть 1 статьи 8 Конституции Российской Федерации провозглашает, что «в РФ гарантируется единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств...». Кроме того в конституционных нормах закреплены основные

права и свободы человека и гражданина, в том числе право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства (ч.1 ст. 27 Конституции РФ) и право на отдых (ч.5 ст.37 Конституции РФ) [1]. Именно на этих положениях Конституции РФ основано современное нормативно-правовое регулирование сферы гостиничной деятельности [2, с. 87].

С принятием Федерального закона от 05.02.2018 №16-ФЗ [3] было дополнено содержание ст. 1 Федерального закона от 24.11.1996 №132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [4] определениями таких понятий: «гостиница», «гостиничные услуги», «классификация гостиниц». Кроме того, в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [5] были внесены изменения относительно изложения статьи 14.39 «Нарушение требований законодательства о предоставлении гостиничных услуг» в новой редакции. В настоящее время под гостиничными услугами следует понимать «комплекс услуг по предоставлению физическим лицам средства размещения и иных услуг, предусмотренных Правилами предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации, утвержденными Правительством Российской Федерации, которые предоставляются индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами».

Из приведенного определения следует несколько характерных черт гостиничных услуг:

– субъектный состав сторон правоотношения, возникающего при предоставлении гостиничной услуги, представлен физическим лицом, с одной стороны и юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, с другой;

– гостиничная услуга носит комплексный характер (физическому лицу предоставляется как средство размещения, так и иные сопутствующие его временному проживанию услуги);

– основное назначение гостиничной услуги – предоставление средства размещения. В свою очередь, согласно ст. 1 Федерального закона №132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» услуги по размещению входят в состав туристского продукта, следовательно, гостиничные услуги следует рассматривать как его часть.

В правовой литературе называются и другие признаки гостиничных услуг. В частности, как и любая другая услуга, она не имеет материальной формы, не подлежит хранению, а процесс производства и потребления гостиничной услуги рассматривается как единое целое [6, с. 333]. Говоря о признаках не характерных для других видов услуг, но присущих гостиничной услуге, исследователи указывают на то, что она не может сопровождаться предоставлением каких-либо гарантий и носит потребительский характер [7, с. 178].

Последний признак означает, что гостиничная услуга предоставляется исключительно для удовлетворения личных и других

нужд, которые не связаны с осуществлением предпринимательской деятельности, такой договор должен быть заключен с каждым, кто обратится за этим и что на правоотношения в сфере гостиничных услуг распространяет действие Закон РФ от 07.02.1992 №2300-1 «О защите прав потребителей» [8]. Так, полномочия на утверждение правил предоставления отдельных видов услуг (в том числе и гостиничных) предоставлены Правительству РФ ст. 39.1 этого законодательного акта, а содержание этих правил основано на его положениях.

На практике потребители гостиничных услуг могут столкнуться с недобросовестным осуществлением гостиничной деятельности, то есть нарушением правил предоставления гостиничных услуг. В частности, потребитель осуществил бронирование гостиницы с использованием интернет-агрегатора, однако при заселении ему отказывают в заселении, так как произошел овербукинг, то есть было осуществлено несколько бронирований через различных интернет-агрегаторы.

Заключение. В случае недобросовестного осуществления гостиничной деятельности, то есть нарушения правил предоставления гостиничных услуг, должна наступать не только гражданско-правовая ответственность, но и административная ответственность должностных лиц и юридических лиц, что подразумевает внесение изменений в содержание статьи 14.39 «Нарушение требований законодательства о предоставлении гостиничных услуг». Кроме того, потребитель должен иметь пожаловаться в доступной форме как на сайт-агрегатор, так и на саму гостиницу, хотя и сайт-агрегатор не является непосредственным субъектом, осуществляющим гостиничную деятельность, но это не означает, что государство не должно контролировать осуществление такой посреднической деятельности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (с поправками от 01.07.2020) Текст: электронный // Консультант Плюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 19.09.2023).
2. Сотникова, А.Н. Анализ нормативно-правового регулирования деятельности гостиничных предприятий / А.Н. Сотникова, Т.А. Мирошниченко // Аксиома: актуальные аспекты гуманитарных наук. – 2017. – № 2 (6). – С. 86-91.
3. О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации" и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в целях совершенствования правового регулирования предоставления гостиничных услуг и классификации объектов туристской индустрии: Федеральный закон от 05.02.2018 №16-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2018. – №7. – Ст. 976.
4. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1996 №132-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №49. – Ст. 5491.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от

- 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 04.08.2023) Текст : электронный // Гарант : сайт. – URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения 19.09.2023).
6. Беленко, А.С. «Гостиничная услуга»: теоретический аспект / А.С. Беленко // Менеджмент предпринимательской деятельности. Материалы XVII международной научно-практической конференции преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов. – 2019. – С. 332-335.
 7. Кремнева, Е.А. Правовое регулирование гостиничных услуг / Е.А. Кремнева // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – 2014. – № 6-4. – С. 177-179.
 8. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 №2300-1 (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №3. – Ст. 140.

УДК 342.9

ИНСТИТУТ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Сынкова Е. М., д-р юрид. наук, доц., ***Панибратец Д. О.***
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kf.admfinpr.zav@donnu.ru, panibratec2000@mail.ru

Введение. Проблема административно-правовой ответственности и ее совершенствования чрезвычайно актуальна для Российской Федерации в виду необходимости кардинального обновления института административной ответственности и принятия нового Кодекса об административных правонарушениях. Ряд изменений может быть внесен на основе сравнительного исследования зарубежного опыта административно-правовой ответственности.

Основная часть. В Республике Азербайджан законодательство об административных правонарушениях состоит из Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках (КоАП Азербайджана) [1], основанном на конституционных положениях. Не допускается применение законов, определяющих административную ответственность, до их включения в КоАП Азербайджана. Однако в Алятской свободной экономической зоне особенности административной ответственности определяются нормами Закона Азербайджанской Республики «Об Алятской свободной экономической зоне» (ст. 1 КоАП Азербайджана). В Российской Федерации нормы об административной ответственности действуют, как на федеральном уровне [2], так и на уровне субъектов федерации. Общее направление для регулирования административно-правовой ответственности задается именно на центральном уровне, а местное регулирование может содержать дополняющие федеральное законодательство нормы, например, как статья

2.1. Кодекса Республики Татарстан об административных правонарушениях [3], предусматривающая ответственность за нарушение законодательства Республики Татарстан о языках.

Испанское законодательство об административной ответственности предусматривает разделение правонарушений на очень серьезные, серьезные и мягкие [4]. Действующее российское законодательство об административной ответственности не предусматривает разделения на категории по степени тяжести административных правонарушений, однако такое разделение было характерно для отклоненного Проекта федерального закона № 703192-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)» (внесен 20 января 2015 г. депутатами ГД А.А. Агеевым, Д.Ф. Вяткиным, В.Н. Плигиным) (ст. 3.2.) [5], где было предложено разделение административных правонарушений на грубые административные правонарушения, значительные административные правонарушения и менее значительные административные правонарушения

Аналогичное разделение предусмотрено Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП Беларуси) [6], где ст. 2.2 КоАП Беларуси разделяет административные правонарушения от характера и степени общественной опасности на три вида (административные проступки, значительные административные правонарушения и грубые административные правонарушения). Кроме того, данная норма содержит предельный размер взысканий для административных проступков и значительных административных правонарушений для различных категорий правонарушителей (физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц), а также устанавливает, что «к грубым относятся административные правонарушения, за совершение которых предусмотрено наложение административного взыскания в виде общественных работ, административного ареста, лишения права заниматься определенной деятельностью, а также повторное совершение которых влечет уголовную ответственность» (ч. 3 ст. 2.2 КоАП Беларусь).

Исследователь И.С. Бабкин, что вид административного правонарушения в зависимости от тяжести причиненного вреда (ущерба) является важным компонентом количественного показателя, используемого для определения категории риска причинения вреда (ущерба), от которого зависят объем и периодичность проведения надзорно-контрольных мероприятий контролирующим органом. «Критерии отнесения объектов контроля к категориям риска учитывают тяжесть потенциальных негативных последствий возможного несоблюдения объектом контроля административно-правовых норм и вероятность их несоблюдения». В то же время оценка деятельности этих объектов контроля должна проводиться с учетом серьезности возможных

негативных последствий возможного несоблюдения требований действующего законодательства [7]. Кроме того, такое распределение характерно для уголовно-правовых правонарушений (то есть преступлений) [8], что влияет на назначаемое виновному наказание. Такой же принцип мог бы характерен для института административно-правовой ответственности и административных правонарушений.

Заключение. Реформирование института административно-правовой ответственности на основе принятия нового кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации должно происходить с учетом положительных моментов в регулировании административной ответственности как в зарубежных странах (например, разделение административных правонарушений по степени тяжести и соответственно административной ответственности в зависимости от тяжести причиненного вреда (ущерба)), так и на уровне субъектов федерации.

Список литературы

1. Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках (утв. Законом Азербайджанской Республики от 29 декабря 2015 года № 96-VQ «Об утверждении Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках») (с изм. и доп. по сост. на 06.07.2023) Текст : электронный // Юрист : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36865427&doc_id2=36865427#pos=5;-98&pos2=737;-80 (дата обращения 20.09.2023).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 04.08.2023) Текст : электронный // Гарант : сайт. – URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения 20.09.2023).
3. Кодекс Республики Татарстан об административных правонарушениях от 19 декабря 2006 г. № 80-ЗРТ (с изм. на 21.07.2023) // Республика Татарстан. – 2006. – № 256. – 26 декабря.
4. La prescripción de las infracciones administrativas Текст : электронный // Administrativando: сайт. – URL: <https://administrativando.es/la-prescripcion-de-las-infracciones-administrativas/> (дата обращения 20.09.2023).
5. Проект федерального закона № 703192-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)» Текст : электронный // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/703192-6> (дата обращения 20.09.2023).
6. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06.01.2021 года № 91-З (с изм. и доп. по сост. на 09.12.2022) Текст : электронный // Юрист : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38043824&doc_id2=38043824#activate_doc=2&pos=5;-98&pos2=536;-108 (дата обращения 20.09.2023).
7. Бабкин, И.С. Классификация административных правонарушений и категорий риска причинения вреда (ущерба) в свете проведения административной реформы: проблемы взаимосвязи / И.С. Бабкин // Вестник ННГУ. – 2021. – №2. Текст : электронный // Киберленинка: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-administrativnyh-pravonarusheniy-i-kategoriy-riska-prichineniya-vreda-uscherba-v-svete-provedeniya-administrativnoy> (дата обращения: 20.09.2023).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАЗНАЧЕЙСКОГО ИСПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цыба Е. В., канд. юрид. наук, доц., *Мороз Д. С.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
dahka2200@mail.ru

Введение. Исполнительная функция государственного бюджета является важнейшим элементом управления страной и оказывает мощное влияние на социально-экономические процессы.

Процесс перехода к рыночной экономике привел к реформированию бюджетной и банковской систем во всех современных государствах. В ситуации, когда важнейшей задачей государства стала оптимизация управления государственными финансами и усиление контроля за их движением, возникла необходимость создания системы, обладающей свойствами эффективности и единообразия. Эти принципы реализованы в государственной казначейской системе исполнения бюджета.

Основная часть. Сегодня государственный бюджет является экономической основой для реализации ключевых функций государства, таких как поддержание обороноспособности, социально-экономического развития и правопорядка.

Важнейшим этапом бюджетного процесса является исполнение бюджета, в рамках которого реализуются на практике сформулированные долгосрочные планы и программы развития. Эффективное управление государственными средствами является главным условием реализации приоритетных направлений развития государства в целом и, в частности, субъектов и муниципалитетов.

Прежде чем рассматривать роль и сущность исполнения бюджета государственным казначейством, необходимо остановиться на понятии «исполнение бюджета». Исследователи определяют этот термин следующим образом:

– «Исполнение бюджета – это процесс обеспечения полного и своевременного поступления доходов в целом и, в частности, по каждому источнику финансирования, а также распределения их между органами государственной власти в пределах утвержденных сумм в течение финансового года»;

– важный этап процесса планирования и исполнения бюджета, в рамках которого соответствующие органы государственной власти и местного самоуправления фактически формируют и используют финансовые ресурсы в виде государственных средств;

– управление денежными потоками, выполнение нормативных показателей и выполнение задач организациями, финансируемыми из государственного бюджета.

Представленный подход к определению рассматриваемого термина наряду со своими преимуществами, такими как рассмотрение исполнения бюджета в контексте процесса и его краткость, имеет недостаток, заключающийся в недостаточном рассмотрении основных аспектов этого процесса. В этом отношении наиболее приемлемой представляется формулировка И.В. Назаровой, которая определяет исполнение бюджета как совокупность финансовых, денежных и информационных отношений между участниками бюджетного процесса, формирующих доходы и расходы центрального фонда государства (муниципалитета) в пределах бюджетных ассигнований, выделяемых в течение определенного периода времени на основании соответствующих законодательных актов органов власти (муниципальных решений).

В настоящее время в мире в практике государственного бюджетирования используется несколько моделей исполнения бюджета. В России на современном этапе используется казначейская модель исполнения бюджета, которая предшествует банковской модели.

Значение, особенности и сущность системы казначейского исполнения бюджета можно найти в трактовке самого термина «казначейское исполнение бюджета». В настоящее время в научной литературе представлен ряд подходов к определению данного термина, а отсутствие законодательно закрепленного определения означает отсутствие единообразия в подходах исследователей к трактовке данного термина.

В исследованиях специалистов-практиков в области бюджетного управления не дано четкого определения понятия «казначейское исполнение бюджета» с акцентом на функции, принципы и задачи этого процесса. В частности, государственное исполнение бюджета можно определить следующим образом:

– система, в которой исполнение государственного бюджета основано на отражении всего перечня операций и государственных средств в системе балансовых счетов казначейского учреждения [1];

– система, при которой движение государственных средств всесторонне учитывается с момента поступления государственных средств в орган государственного казначейства [2];

– система, при которой государственное казначейство принимает на себя обязательства государственных органов и осуществляет платежи по ним непосредственно на счета поставщиков и производителей. В этом случае органы государственного казначейства имеет возможность четко регулировать и контролировать расходы и т.д.

Казначейская система исполнения бюджета основана на принципе «единства кассы», который регламентирует зачисление всех доходов

бюджета и осуществление всех расходов с единого казначейского счета. Внедрение принципа функционирования единого счета в Федеральном казначействе обеспечивает определенный порядок в движении доходов бюджета, их учет и распределение между различными уровнями бюджетной системы РФ, позволяя оперативно распределять их по источникам расходования бюджетных средств.

Заключение. Успешное развитие экономики страны понимается как дальнейшее поступательное развитие общества в целях совершенствования существующей бюджетной системы эволюционным или революционным путем и предполагает в качестве обязательного элемента наличие институциональных основ для проведения изменений в бюджетной сфере. Институциональной основой бюджетного управления в России являются Министерство финансов и Федеральное министерство финансов. Поэтому целью создания национальных казначейских учреждений является обеспечение непрерывного финансирования бюджетной сферы и государственного контроля за исполнением бюджета.

Список литературы

1. Рыбакова Р. Ю. Переход на казначейское исполнение бюджета // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2003. – № 8. – С. 16-19.
2. Федоров В. В. Переход на казначейскую систему исполнения обязательств местного бюджета // БиНО: Бюджетные учреждения. – 2001. – № 4. – С. 5-13.

УДК 342.9

О ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РЕКЛАМЫ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ

Цыба Е. В., канд. юрид. наук, *Полешко О. Н.*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kf.admfinpr@donnu.ru

Введение. Поддержка нормального порядка на рынке юридических услуг, оптимизация легализованной бизнес-среды и повышение удовлетворенности общества юридическими услугами,

Цель статьи состоит в том, чтобы раскрыть особенности государственном регулировании рекламы юридических услуг в соответствии с Федеральными законами «О рекламе» и «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [1; 2].

Основная часть. Законодательство РФ о рекламе и адвокатской деятельности предусматривает, что рекламные объявления юридических услуг не должны содержать ложного или вводящего в заблуждение

содержания и не должны обманывать или вводить в заблуждение потребителей. Рекламодатели должны нести ответственность за подлинность рекламного контента.

Не допускается также размещение рекламы юридических услуг в том случае, если реклама:

- на причинение вреда достоинству или интересам страны и разглашение государственной тайны;

- препятствует социальной стабильности и наносит вред общественным интересам.

- создает угрозу личной и имущественной безопасности, утечку личной жизни;

- нарушает общественный порядок;

- содержит контент о терроре и насилии, расовый или гендерно-дискриминационный контент;

- препятствует защите окружающей среды, природных ресурсов или культурного наследия;

- реклама содержит другие аспекты, запрещенные законами и административными правилами [3, с.63].

Законодательство предусматривает, что юридические фирмы должны честно конкурировать, и не имеют права заключать сделки путем клеветы на другие юридические фирмы. Юридическая фирма должна усиливать надзор и управление практической деятельностью сотрудников, оказывающих юридические услуги, а также не одобрять следующее поведение своих юристов в отношении размещения искаженной и вводящей в заблуждение рекламу и комментарии о делах, которыми занимается фирма.

Юридические фирмы и адвокаты не должны заключать сделки, вводя в заблуждение клиента о деятельности других юридических фирм или адвокатов, или выплачивая вознаграждение за рекомендации, или другими неправомерными способами.

Если юридическая фирма совершает подобное действие, на нее налагается ответственность в виде предупреждения, приостановления деятельности или штрафа. В том случае, если благодаря этим действиям юридическая фирма получила незаконный доход, незаконный доход, он может быть конфискован в том случае, если обстоятельства являются особенно серьезными.

Юридическая фирма может быть привлечена к ответственности за:

- изменение имени, ответственного лица, устава, договора о партнерстве, места жительства, партнеров и т. д.;

- за рекламу иной предпринимательской деятельности, кроме юридических услуг;

- за заключение деловых контрактов путем клеветы на другие юридические фирмы, адвокатов или уплату вступительных взносов и другими неправомерными способами;

– за предоставление СМИ и административным органам ложных материалов или совершение иных неправомерных действий; пренебрежение управления действиями юристами фирмы, что повлекло за собой серьезные последствия.

Юристы должны выполнять свои обязанности в соответствии с законными процедурами, и не должны использовать следующие неправомерные методы рекламы юридических услуг, чтобы повлиять на ведение дел в соответствии с законом:

– распространять искаженную и вводящую в заблуждение рекламу и комментарии о делах, которыми они или другие юристы занимаются, и злонамеренно раздувать эти дела;

– нарушать правила раскрытия или распространения информации и материалов, не подлежащих рассмотрению в судебных делах, или важной информации и доказательных материалов по делу, которые они или другие юристы узнали в ходе ведения дела.

Юристы также не должны рекламировать своим клиентам, что у них есть семейные или дружеские отношения с должностными лицами правоохранительных органов и соответствующим персоналом, обладающим юрисдикцией, а также они не могут использовать такие отношения для ведения бизнеса.

Юристы и юридические фирмы могут представлять свою сферу деятельности и профессиональный опыт путем популяризации законодательства, публикации научных статей, ответов на специальные темы и популяризацией права. Они не должны участвовать в недобросовестной конкуренции путем использования средств массовой информации или других средств для предоставления ложной информации или преувеличения своих профессиональных способностей. На визитной карточке юристов не допускается размещение различных академических, академических званий, профессиональных званий, не связанных с юристами, социальных должностей, полученных наград и т.п. [5].

Юристы могут участвовать в различных социальных мероприятиях от имени себя или юридической фирмы, в которой они работают.

Реклама лиц, занимающихся юридической профессией, может публиковаться от имени отдельного юриста или от имени юридической фирмы. В рекламных объявлениях юриста-практика указывается название учреждения практики, в котором он работает, и указывается номер свидетельства о практике адвоката. Содержание рекламы юридической фирмы должно ограничиваться названием, адресом, номером телефона, номером факса, почтовым индексом, адресом электронной почты и веб-сайтом юридической фирмы; ассоциацией адвокатов, к которой она принадлежит; практикующими юристами в фирме и юридические услуги, которые могут быть оказаны обществу в соответствии с законом.

Заключение. Юристы и юридические фирмы не должны осуществлять рекламу способом, противоречащим миссии адвоката или наносить ущерб имиджу адвоката, а также не должны использовать художественное преувеличение общей коммерческой рекламы для производства рекламы.

Они не имеют права осуществлять рекламу, которая искажает факты и законы или может вызвать у общественности необоснованные ожидания в отношении юристов. Им также не разрешается проводить сравнительную рекламу между юристами или юридическими фирмами.

Список литературы

1. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №12. – Ст. 1232.
2. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" // СЗ РФ от 10 июня 2002 г. N 23 ст. 2102
3. Семенов, В. И. Реклама услуг юридической клиники с применением информационных технологий / В. И. Семенов // Роль юридической клиники в системе оказания бесплатной юридической помощи : Сборник статей по материалам Межвузовского круглого стола, Санкт-Петербург, 03 апреля 2023 года / под общ. редакцией Е.А. Низамовой, Ю.О. Хоршевой, Л.А. Гавриловой-Петровой. – СПб.: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2023. – С. 63-68.
4. Доброхотова Е.Н. Профессиональные навыки юриста: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 326 с.
5. Рекомендации по взаимодействию со средствами массовой информации (Протокол № 5). – URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/recommendations-for-interaction-with-the-media/> (Дата обращения: 20.03.2023 г.)

УДК 342.57

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЯ

Швец А. В., Варавка Е. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
shvets.dmp@mail.ru

Введение. Большинство отношений, которые регулируются нормами права, рассчитанные на положительное, естественное поведение субъектов во всех сферах социальной и управленческой деятельности государства. Вместе с тем, как показывает практика, не все субъекты права совпадают своим поведением требованиям законодательства, отдельные действия субъектов административной деятельности противоречат требованиям нормативно-правовых актов. Если такие действия подпадают под

юридическую ответственность, ответственное (должностное) лицо может быть привлечено к ответственности. Привлечь к ответственности означает, считать лицо виновным, и возможным требовать от него отчета за его поступки (перед судьей, органами власти и т.д.).

Целью статьи является анализ законодательства по привлечению лиц к ответственности за нарушение прав граждан на обрушения.

Основная часть. О возможности привлечения к юридической ответственности лиц за нарушение законодательства в сфере реализации права граждан речь идет в ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [1].

В зависимости от области права, которым регламентируется юридическая ответственность, последняя, как известно, делится на: дисциплинарную, административную, гражданско-правовую и уголовную.

Мы же сосредоточим свое дальнейшее внимание на анализе дисциплинарной и административной ответственности за нарушение законодательства в сфере реализации права граждан на обращение.

Переходя к рассмотрению ответственности должностных и служебных лиц за нарушение законодательства в сфере реализации права граждан на обращение, следует отметить, что общественная важность задач, которые поставлены перед этими лицами, обязывает их к надлежащему исполнению своих полномочий. Институт дисциплинарной ответственности должен быть тем механизмом, который побуждает должностных и служебных лиц соблюдать правила трудовой дисциплины и других, установленных законодательством, требований.

Целью привлечения к дисциплинарной ответственности является наказание должностных и служебных лиц за виновное противоправное деяние (действие или бездействие), которое состоит в невыполнении или нарушении ими дисциплины (трудовой) и служебных обязанностей [2, с. 68].

Выделяется общая и специальная дисциплинарная ответственность. Так общая ответственность наступает на основании норм Трудового кодекса РФ и внутренних правил (трудового распорядка) и распространяется на большинство должностных и служебных лиц. Специальная установлена для узкого круга должностных лиц. Ее субъектом являются должностные лица, которые несут дисциплинарную ответственность по специальным нормативно-правовым актам: уставам, положениям, законам; которая предусматривает применение специфических мер дисциплинарного воздействия.

Основанием дисциплинарной ответственности является совершение дисциплинарного проступка, сущность которого заключается в невыполнении или ненадлежащем выполнении должностными и служебными лицами возложенных на них трудовых или служебных обязанностей [3, с. 38].

Анализ ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» не даёт нам точного определения, к какой ответственности можно привлечь должностное лицо виновные в нарушении настоящего Федерального закона. А лишь констатирует, что виновные несут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации[1].

Считаем необходимым внести изменения в ст. 15 ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и изложить в следующей редакции «Должностные лица, за нарушение законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан несут дисциплинарную, административную и иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации».

В соответствии со ст. 10 ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [1] на должностных лиц возложено выполнение определенных полномочий, по обеспечению объективного всестороннего рассмотрение обращения; возможность запрашивать необходимые для рассмотрения обращения документы и материалы в различных органах, а также у должностных лиц, исключением являются судебные органы, органов дознания и следствия; так же уполномоченные лица должны принимать меры, направленные как на восстановление так и на защиту нарушенных прав, свобод и законных интересов гражданина; в обязанности таких должностных лиц так же входит давать письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов; уведомлять о направлении обращения на рассмотрение в другой орган или иному должностному лицу в соответствии с их компетенцией.

Следовательно, именно за неисполнение или ненадлежащее исполнение указанных служебных обязанностей должностные лица привлекаются к дисциплинарной ответственности.

Как было отмечено выше, вместе с дисциплинарной ответственностью должностные лица за нарушение законодательства об обращениях граждан могут быть привлечены и к административной ответственности.

Следует напомнить, что под административной ответственностью понимается отрицательная реакция государства на противоправные действия в отношении неисполнения или ненадлежащего исполнения установленных законодательством норм в различных сферах жизнедеятельности государства [4, с. 543].

Основанием для привлечения к административной ответственности является совершение субъектом административного правонарушения, определенного КоАП РФ.

Так ст. 5.59. КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан в виде штрафа в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей.

Однако считаем целесообразным дополнить норму данной статьи следующим содержанием «Повторное на протяжении года совершение нарушения из числа предусмотренных частью первой этой статьи, за которое лицо уже подвергалось административному взысканию, – влечет наложение штрафа на должностных лиц в размере от пятнадцати до тридцати тысяч рублей». Этот шаг, помимо прочего, будет способствовать также улучшению уровня реализации гражданами РФ права на обращение.

Исходя из анализа литературы и нормативных правовых актов материальный ущерб, нанесенный незаконными решениями должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления при осуществлении ими своих полномочий, возмещается за счет государства.

Заключение. Подытоживая изложенное необходимо отметить, что, несмотря на очевидные теоретико-правовые и нормативные достижения, вопросы юридической ответственности должностных лиц за правонарушения в сфере реализации права граждан на обращения решаются неполно и противоречиво.

Список литературы

1. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 8 мая 2006 г. N 19 ст. 2060
2. Тимонина, Е.В. Дисциплинарная ответственность государственных служащих в Российской Федерации / Е.В. Тимонина // Вестник науки. – 2020. – №8 (29). – С. 66–70.
3. Лещина, Э.Л. Дисциплинарная ответственность в административном праве / Э. Л. Лещина // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 2 (40). – С. 34-43
4. Козлов, Ю.М. Административное право: учебник / Ю.М. Козлов. – М.: Юристъ, 2005. – 554 с.

Конституционное и международное право

УДК 340

КАЗУС ПРОКОФЬЕВА (ОТ РОСТОВА ДО ДОНЕЦКА, ОТ РАХМАНИНОВА ДО ПРОКОФЬЕВА)

Артамонов А. Н.¹, канд. юрид. наук, *Артамонова Д. А.²*

¹ Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации
по Ростовской области, г. Ростов-на-Дону, РФ

² Ростовская государственная консерватория им. С.В. Рахманинова,
г. Ростов-на-Дону, РФ
artamonov_mj@mail.ru

Введение. Воздействие на умы, поведение человека, возможность и предсказуемость изменения его настроения, мотивации, которые отражаются на общественных отношениях или взаимоотношениях в таком сложном, разнонаправленном организме, как человеческое сообщество, интересует людей давно, точнее, интересовало всегда и будет интересоваться, не давать покоя, заставлять проявлять настойчивость в этих вопросах. Волнует это как представителей творческих профессий, реализующих это через цвет, звук, форму, так и, например, юристов, разрабатывающих нормативные предписания при помощи гипотезы, диспозиции, санкции, т.е. общеобязательные правила поведения.

В наше время меняются ставшие привычными реакции людей на различные события, состояния общественных отношений, особенно в нашей стране, как эпицентре общемировых преобразований или их зачатков. Яркие проявления таких изменений, как положительных, так и отрицательных, неприятных, с точки зрения представлений о добре и зле, можно наблюдать, изучать и делать собственные выводы на примерах отдельных личностей. Внимание к этим непростым вопросам заставляет заглядывать и в прошлое, ища рецепты их разрешений, перспективы человеческих поступков и собственное к ним отношение. Вспоминается, что, например, «испугавшиеся патриоты» были всегда, с удивлением вспоминаешь или узнаешь, в высказываниях или поступках соотечественников столетней давности современные новостные сюжеты.

Основная часть. Поводом для рассмотрения в качестве таких примеров, как с точки зрения юридической науки и последствий принимаемых управленческих решений государством, так и морально-этических поступков отдельного человека, явились изменения нашего государства, увеличение состава Российской Федерации, а значит и обогащение всех нас культурными объектами, личностями, примерами.

Конец 2022, текущий 2023 годы знаменуются расширением всевозможных взаимоотношений между государственными структурами, организациями различных форм собственности и направлений деятельности, отдельными личностями всех российских субъектов, особенно соседних, с новыми нашими согражданами. Для авторов данной статьи это время связано с участием в создании, например, территориальных органов Минюста России в новых субъектах Российской Федерации, в том числе в Донецкой Народной Республике, с регулярными встречами, общением в различных аудиториях, как с управленцами новых субъектов, так и культурной общественностью, в том числе студенческой, Донецкой Народной Республики, Ростовской области и некоторых других субъектов России.

Главным управлением Минюста России по Ростовской области проводились занятия со студентами Ростовской государственной консерватории по вопросам противодействия экстремистским проявлениям в различных ее возможных формах, приводились примеры, что в двухстах километрах от здания Ростовской консерватории расположено здание Донецкой государственной музыкальной академии, преподаватели и студенты которой не могут посещать занятия из-за опасности обстрела, риска быть раненым или убитым, что нет возможности у себя дома проводить концерты, другие публичные мероприятия.

Эти встречи и общение со студентами, как юридических, так и творческих вузов проходили и проводятся в разгар миротворческой операции, которую проводит наша страна, и юные сограждане не остаются безучастными, есть среди них примеры добровольцев, многие проявляют себя, например, сборами помощи, участием в концертах в госпиталях, пошивом маскировочных сетей и т.д., но они задают и вопросы: почему, зачем, может можно было переждать? И когда начинаешь вместе с ними рассуждать, почему мы должны брать на себя такую ответственность и непростую задачу по защите, оказанию помощи, какое эти люди (граждане Донбасса) имеют отношение к нам, выясняется, например, что Сергей Прокофьев родился в селе Сонцовка, Бахмутского уезда, Екатеринославской губернии, Российской Империи, что эти места являются и чеховскими местами, в которых Антон Павлович часто и подолгу гостил у своих друзей, что, судя по всему, эти места описаны в «Вишневом саде», и что безнаказанно эти земли нельзя осквернять фашистской свастикой, бомбить, мечтать о строительстве на них чужих и чуждых военных баз.

Студентам Ростовской государственной консерватории им. Сергея Васильевича Рахманинова становится понятным и то, почему Донецкая государственная музыкальная академия носит имя Сергея Сергеевича Прокофьева, а нам интересно пристальней к этим двум гениям

присмотреться, чтобы постараться разобраться в современных событиях и судьбах.

Прокофьев сразу после Октябрьской Революции, в конце 1917 года, начал готовиться к отъезду из России, в своем дневнике восторженно высказывался о Западе, особенно о Соединенных Штатах, противопоставляя их российской действительности, которая его совсем не вдохновляла (здесь – жалкие концерты в Кисловодске, а там – Нью-Йорк, Чикаго)¹. Для отъезда был снабжен наркомом просвещения А. В. Луначарским командировочным удостоверением и в 1918 году отбыл из страны.

До своего возвращения в 1936 году успел жениться (брак с испанской певицей Линой Кадиной (после регистрации – Прокофьевой) был зарегистрирован в Германии в 1923 году, жил вместе с семьей во Франции, там же родились сыновья, Святослав и Олег, много гастролировал в качестве пианиста, режиссера в Америке, Европе несколько раз был в СССР, создавал и произведения как композитор. Прокофьев и его супруга имели и советские паспорта, хотя сам Сергей Сергеевич утрачивал советское гражданство, паспорта были необходимы и получены ими для первых 1927 года гастролей в Советском Союзе. Одновременно композитор сохранял и нансеновский паспорт, выдаваемый Лигой Наций для лиц без гражданства, при том, что наличие двух паспортов противоречило тогдашним законам, он и супруга и после возвращения в 1936 году в Советский Союз использовали нансеновские паспорта для зарубежных поездок вплоть до их отмены в 1938 году.

В 1938 году Прокофьев знакомится со студенткой Литературного института Мирой Мендельсон, уходит с ней из семьи, в 1948 году с ней же, без расторжения брака с Линой Прокофьевой, регистрирует другой брак. Регистрация данного брака стала возможной после выхода в 1947 году Указ Президиума Верховного Совета СССР «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами», на основании которого заключенный в Германии брак был признан недействительным, так как он не был оформлен в консульстве СССР. В дальнейшем, уже после смерти композитора, в судебном порядке оба брака были признаны действительными, что и послужило поводом для поколений юристов изучать этот случай, как «казус Прокофьева».

После возвращения в Россию Сергей Сергеевич был обласкан властью, неоднократно награждаем (одних Сталинских премий шесть), все это он принимал, в том числе, например, звание Народного артиста РСФСР, однако, по воспоминаниям его коллег, биографов, фигу из кармана в адрес Советской власти он не убирал.

Похожая судьба после революции складывалась у Сергея Васильевича Рахманинова, который воспользовался возможностью для

¹ Прокофьев С. С. Дневник. 1907–1918.

проведения концерта выехать в Стокгольм, вместе с женой и двумя дочерьми, бросив все имущество, без средств покинул свою Родину.

Это был не Верхний Ларс, не обмен автомобиля на велосипед и не 2022 год, а 1918, да и масштабов личности и талантов Рахманинова или Прокофьева сегодня нигде не наблюдается, но все это очень схоже.

Перемены в судьбе Сергея Васильевича отразились на возможностях сочинять, до 1926 года он не создавал больших произведений, при этом имел мировой успех в качестве пианиста. В основном проживал в США, гастролировал в Европе, в годы Великой Отечественной войны зарабатывал и анонимно (информация подтверждается различными источниками) отправлял средства в фонд Красной Армии, через который на эти средства, например, был построен боевой самолет. По некоторым воспоминаниям, незадолго до смерти (скончался в марте 1943 года, в возрасте 69 лет) совершал попытку возвращения на Родину, для чего посещал советское посольство, хотя никогда не скрывал свое негативное отношение к советской власти.

Заключение. Казус – сложное запутанное дело, неприятный, странный инцидент или случай в полной мере применим к оценке таких непростых исторических периодов страны и мира и отдельных личностей, которые в силу своей одаренности, работоспособности, результатов творческих усилий выходят из круга обыденности, привлекают к себе внимание и способны это внимание передавать многим будущим поколениям.

Но как относиться к творчеству таких людей, «испугавшихся патриотов», к ним самим, может ли и должно ли меняться наше к ним отношение, в зависимости от их высказываний поступков, каких-либо, например, раскаяний, деятельных или вербальных, от того вернулся он домой или остается «там» и т.д.? Сейчас мы, да и весь Мир, как бы он не кривился, не представим без творчества Прокофьева и Рахманинова, но как воспитывать молодых граждан? Возможно ли и нужно отделять творчество от личности автора, когда этим стоит заниматься, и какие специалисты должны в этом сказать свое слово? Должна ли отличаться оценка личности искусствоведа и юриста, психолога и политического деятеля?

Мы вспомнили эти две личности, две судьбы с целью предложения на такие сложные темы порассуждать на разных площадках и в различных форматах, каждый будет формировать свое к ним отношение, при этом, у авторов данного материала, несмотря на разницу в возрасте, жизненном опыте, профессиональных и творческих увлечениях, однозначных ответов или рецептов нет.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МИНЮСТА РОССИИ КАК ПОВОД СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Артамонов А. Н.¹, канд. юрид. наук, *Артамонова М. А.²*

¹ Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации
по Ростовской области, г. Ростов-на-Дону, РФ

² Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА) Минюста России», г. Ростов-на-Дону, РФ
artamonov_mj@mail.ru

Введение. Во всех четырех новых российских регионах в конце 2022 года были созданы территориальные органы Минюста России – управления по соответствующим субъектам Российской Федерации. В полномочия каждого управления входят все задачи, которые стоят перед каждым управлением Министерства юстиции Российской Федерации, до 13 января 2023 года в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации», после утверждения нового Положения – с момента издания Указа от 13.01.2023 № 10, а также Положением об Управлении Минюста России по субъекту (субъектам) Российской Федерации, утвержденным приказом Минюста России от 03.03.2014.

Так, Минюст России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики в сфере юстиции, а также ее нормативному правовому регулированию, к которой относится и государственная регистрация нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации – это полномочие центрального аппарата Министерства; государственная регистрация некоммерческих организаций, включая отделения международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций, политические партии, иные общественные объединения и религиозные организации – эти полномочия, в зависимости от уровня организации, относятся к центральному аппарату или к территориальным органам (управлениям и главным управлениям). Также Минюст России и его территориальные органы обеспечивают граждан бесплатной юридической помощью, осуществляют правовое информирование и правовое просвещение населения; к их полномочиям относятся нотариат, адвокатура, арбитраж (третейское разбирательство), государственная регистрация актов гражданского состояния.

Через свои подведомственные службы Министерство юстиции обеспечивает установленный порядок деятельности судов, исполнение судебных актов, деятельность по возврату просроченной задолженности физических лиц, а также деятельность уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Руководство деятельностью Минюста России осуществляет Президент Российской Федерации.

Основная часть. Год прошел с момента получения нами предложения принять участие в Донецких чтениях 2022 года, мы выражали свои сожаления о невозможности принять личное участие в том мероприятии, что ограничиваемся лишь направлением статьи, выражали надежду, что на следующий год постараемся изменить такой формат и подготовить для этого актуальный и достойный материал.

За это время была выполнена задача по созданию Управления Минюста России по Донецкой Народной Республике, подобран и принят в штат Управления высококвалифицированный состав государственных гражданских служащих, укомплектованы все отделы, которые приступили к выполнению задач Министерства юстиции Российской Федерации, возложенных на его территориальные органы. Какие-то задачи выполнялись самостоятельно с самого начала (конец января-начало февраля 2023 года), отдельные вопросы взял на себя центральный аппарат Минюста России (например, проведение правовой и антикоррупционной экспертиз нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики и включение их в федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации), что-то было поручено Главному управлению Минюста России по Ростовской области (еще в декабре 2022 года готовили документы для регистрации региональных отделений политических партий, других представителей некоммерческого сообщества, например, Адвокатской палаты Республики).

Причины несамостоятельного выполнения региональным Управлением некоторых полномочий: на начальном этапе – отсутствие специалистов, т.е. не было штатных сотрудников, затем – отсутствие доступа к информационным ресурсам, особенно закрытого типа (в настоящее время эти задачи, в основном, решены).

Задачи по созданию управлений Минюста России перед нами стоят не впервые, интересно в этой связи обращаться к описанию уже имевшегося опыта [1, с. 17–19], что подчеркивает важность опубликования таких результатов, практики их достижения, обсуждения их, в том числе в научном сообществе.

В этой связи, обращаясь к уже опубликованным предложениям по совершенствованию российского законодательства по вопросам полномочий Минюста России и их территориальных органов, можно вспомнить предложения по ограничению или запрету на дублирование

нормативных положений документами, имеющими меньшую юридическую силу, например, воспроизведение уставами муниципальных образований действующих положений федерального и регионального законодательства [2].

Приведем еще один пример итогов прошедшего года, как результат мониторинга законодательства и правоприменительной практики, которые проводят территориальные органы Минюста России.

По результатам запрошенных в 2022 году по инициативе Минюста России в Управлении ЗАГС Ростовской области данным по регистрациям, связанным с переходом в иной пол (из мальчика в девочку и наоборот), нами были опубликованы материалы и выводы по совершенствованию действующего российского законодательства [3; 4]. В наших предложениях было обращено внимание, что наши действия, принимаемые решения, которые позволяют защищать и укреплять суверенитет, традиционные ценности, что об этом недавно еще раз было напомнено всем нам в Указе Президента Российской Федерации [5], мы обратили внимание на то, что в Указе были даны соответствующие поручения, например, Минкульту России, а Минздраву нет, между тем мы приводим информацию, напрямую, на наш взгляд, связанную с сохранением и защитой традиционных ценностей, высказываем критику в адрес приказа Минздрава России 2017 года [6], посвященного процедурным вопросам изменения пола, что именно этот приказ федерального министерства позволяет по упрощенной процедуре менять пол и, как следствие, регистрировать в нашей стране однополые браки.

В результате с 16 августа 2023 года приказ Минздрава России «Об утверждении формы и порядка выдачи медицинской организацией документа об изменении пола» утратил силу.

Заключение. Приведенные примеры и результаты работы, как практической, так и участия в публицистической, научно-практической деятельности, можно рассматривать в качестве отчета и надеяться, что они позволяют лучше понять полномочия территориальных органов Минюста России, а также предложить действующим сотрудникам и студентам юридических вузов, которые размышляют над своими перспективами, строят планы на воплощение своих трудовых свершений, выбирать такой же путь, доказывают, что в любом деле возможен успех, и усилия не проходят даром. Даже если понимать, что в приведенном примере по отмене нормативных правил нет прямой зависимости от твоих усилий, их автор всегда будет вдохновлен как правотой своих выводов, так и результатами изменений общественных отношений.

Список литературы

1. Артамонов А.Н., Морозова Г.М. «Время разбрасывать камни, и время собирать камни» К вопросу создания управлений Минюста России по субъектам Российской Федерации

- Федерации // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. – М.: Спарк, 2008. – № 11 (131). – С. 17-19.
2. Артамонов А.Н. Причина искажений и дефектов законодательства в дублировании правовых норм (запрет на дублирование правовых норм, как способ обеспечения единства правового пространства государства) // Вестник Российской правовой академии. 2010. № 4. С. 61-65; Артамонов А.Н. Обеспечение единства правового пространства Российской Федерации в соблюдении иерархии нормативных правовых актов // Сборник научных трудов: РЮИ РПА Минюста России. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН, 2008; Артамонов А.Н., Морозова Г.М. Вопросам обеспечения единства правового пространства РФ необходимо придать системный характер // Юстиция. Научно-практический журнал. – М.: Юрист, 2009, № 3. – С. 51-55.
 3. Артамонов А.Н. Изменение традиционных способов коммуникации как благо и традиционных ценностей как путь в бездну // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 6. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – С. 42-48.
 4. Артамонов А.Н. Решимость и возможности обеспечения суверенитета и своей идентичности или неизбежность растворения в общей массе (взгляд из провинции на медицинско-правовые вопросы) // Медицинское право. – 2023. – № 2. – С. 12-17.
 5. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 09.11.2022.
 6. Приказ Минздрава России от 23.10.2017 № 850н «Об утверждении формы и порядка выдачи медицинской организацией документа об изменении пола».

УДК 342.7

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ЭВТАНАЗИИ

Кулакова Е. В., канд. юрид. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
Kulakova@donnu.ru

Введение. Современная правовая система закрепляет множество личных неимущественных прав, которые принадлежат каждому человеку, однако главным и фундаментальным среди них, бесспорно, является право на жизнь. Содержание конституционного права на жизнь, помимо иных правомочий, включает возможность свободы распоряжения своей жизнью, что можно толковать как возможность принятия решения о ее прекращении. Вопросы правового регулирования и применения эвтаназии или права на смерть являются предметом дискуссий как юристов, медиков так и общества в целом. Представляется целесообразным

проанализировать зарубежный опыт применения эвтаназии, что позволит обозначить перспективы развития этого института в России.

Основная часть. Конституциями большинства государств предусмотрено право на жизнь, однако не закреплено право на смерть. Под словами «право на смерть» подразумевается эвтаназия.

Эвтаназия (греч.) – это «хорошая смерть». Первый раз термин был упомянут в XVI веке английским философом Френсисом Бэконом. Он означал легкую, без боли и каких-либо страданий смерть [1, с. 268]. Однако позже, в XIX веке, под эвтаназией стали понимать «умерщвление пациента из жалости». До начала Второй мировой войны она широко использовалась в ряде стран Европы.

Эвтаназия – это намеренное прерывание или сокращение врачом жизни неизлечимо больного пациента по его настоятельной, явно выраженной просьбе, а также по просьбе его близких родственников, если сам пациент не в состоянии явно выразить свою волю. Согласно указанному определению Гюлишанова И.А. сформулировала достаточно детально признаки эвтаназии:

1. Больной должен испытывать непрекращающиеся, непереносимые страдания, вызванные неизлечимой (по медицинским показателям) болезнью.

2. Прервать жизнь или ускорить смерть может не любой человек, а только медицинский работник.

3. Пациент должен настойчиво и несколько раз выразить свое желание уйти из жизни, либо если он не в состоянии явно выразить свою волю, то просьба должна исходить от его ближайших родственников [2].

В зависимости от поведения медицинского работника принято разграничивать активную и пассивную эвтаназию. Первая связана с действиями медперсонала с введением инъекций, провоцирующих смерть пациента. Вторая связана с отказом от продолжения лечебных мероприятий для больного по его личной просьбе или же по просьбе родственников.

С точки зрения роли волеизъявления пациента эвтаназия может быть классифицирована на добровольную и принудительную. Добровольная эвтаназия основана на свободном волеизъявлении дееспособного, вменяемого пациента. Принудительная эвтаназия заключается в возможном воздействии на волю пациента путем обмана, угроз, подкупа и т.д., а также склонение пациента или его родственников к принятию соответствующего решения.

В настоящее время в таких странах, как Бельгия (с 2002 г.), Нидерланды (с 1980 г.) и штат Орегон США (с 1994 г.) эвтаназия разрешена законом, но только при определенных условиях и неукоснительном соблюдении определенных правил.

Что касается России, то согласно ст. 41 Конституции РФ каждый человек имеет право на медицинскую помощь (ст.41 Конституции) [3].

Если проанализировать нормативные акты, то можно констатировать, что у государства сложилось отрицательное отношение к институту эвтаназии.

Так, в соответствии с Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а именно ст. 45 вводится запрет для медицинских работников на осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента.

Также необходимо обозначить и норму Уголовного кодекса РФ, согласно которой в России убийство, то есть *умышленное причинение смерти другому человеку*, квалифицируется как преступление, а именно – умышленное убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) [5]. Соответственно, лицо, которое осуществляет эвтаназию, будет привлекаться к уголовной ответственности. Но с другой стороны, Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ст. 20) дает право пациенту или его родственникам отказаться от медицинского вмешательства. В зарубежных странах такой отказ фактически называется пассивной эвтаназией. Но в России эвтаназия запрещена.

Что касается пассивной эвтаназии, то необходимо уточнить, что пациент может, как требовать оказания ему квалифицированной медицинской помощи, но также может и отказаться от нее. А у медицинского учреждения возникает обязанность по оказанию медицинской помощи только после того, когда пациент выразит свое добровольное согласие на медицинское вмешательство.

В подтверждение этому Министерством здравоохранения принят 12.11.2021 г. Приказ № 1051н «Об утверждении порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства, формы информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и формы отказа от медицинского вмешательства» [6].

Таким образом, разобраны разрешена или нет законодателем эвтаназия достаточно сложно. Так как одна статья вступает в противоречие с другой. Однако, в России, по сути, разрешается пассивная эвтаназия, другими словами «добровольный отказ от медицинского вмешательства».

Противники эвтаназии отмечают, что негуманно лишать жизни человека, даже если он сам этого хочет, что человек должен бороться за жизнь, а врачи должны помогать ему.

Сторонники же эвтаназии утверждают, что итог очевиден, пациент хочет уйти из жизни спокойно, а медицина, отказывая больному в его воле, проявляет жестокость.

Анализ зарубежного законодательства также позволяет классифицировать эвтаназию на криминальную, за которую предусмотрено уголовное наказание; и легальную эвтаназию, которая

допускается при соблюдении установленных законом условий. Например, в Голландии осуществление врачом эвтаназии без соблюдения установленных законом условий (добровольный запрос пациента и т.д.) влечет уголовную ответственность.

Анализ зарубежной практики применения эвтаназии, позволяет сформулировать основные условия, при соблюдении которых эта процедура может быть осуществлена законным способом:

– сознательность и настойчивость просьбы полностью дееспособного гражданина;

– невозможность облегчения страдания лица известными медицине способами;

– доказанность невозможности облегчения страдания пациента известными медицине способами, установленная коллегией докторов при обязательном единогласии;

– наличие согласия близких родственников пациента;

– наличие предварительного согласия органов прокуратуры или суда.

Заключение. Правомерность проведения эвтаназии остается спорным как морально-этическим, так и правовым вопросом, поскольку одной стороны, это личное право каждого человека, неотъемлемое, как и право на жизнь, с другой же, это поощрение разновидности убийства. Эвтаназия – это сложная проблема, она далека от разрешения. Ее введение в государстве требует как минимум зрелости к этому шагу общества.

Список литературы

1. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Сочинения: в 2-х т. М.: АН СССР, 1971. Т. 1.
2. Гюлишанова Ирина Анатольевна Понятие и виды эвтаназии // ЮП. 2009. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-evtanazii> (дата обращения: 20.09.2023).
3. Конституция Российской Федерации. Федеральные конституционные законы. С новыми поправками. – Москва : Мартин, 2020. – 64 с.
4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011. – № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ, № 48. – 28.11.2011, ст. 6724.
5. Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г., № 25. – ст. 2954.
6. Об утверждении порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства, формы информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и формы отказа от медицинского вмешательства: приказ министерства здравоохранения от 12.11.2021 г. –№ 1051н //Официальный интернет-портал правовой информации, 25.11.2021.

ОСОБЕННОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНСТИТУЦИИ ДНР

Кулакова Е. В., канд. юрид. наук, доц., *Букренева В. В.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kulakova@donnu.ru, bukrenevav@mail.ru

Введение. В настоящее время продолжается анализ вопросов конституционного строя РФ как сложной системы, поскольку каждое государство характеризуется определенными чертами, в которых выражается его специфика. Принятие Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации поставило перед новым субъектом и новые условия, связанные с необходимостью осуществления собственного правотворчества, в том числе и в исследуемой сфере. При этом субъекты РФ не обязаны копировать федеральные акты, а могут сохранять определенную самостоятельность, в пределах конституционных предписаний, в собственном законотворчестве. Субъекты РФ, в том числе и новые, должны с одной стороны, соблюдать общие федеральные конституционные принципы, а с другой должны учитывать свои национальные, исторические, социально-экономические и иные региональные особенности. Конституция ДНР должна соответствовать и не противоречить Конституции РФ, прежде всего, на уровне основ конституционного строя.

Цель исследования – проанализировать особенности закрепления основ конституционного строя в Конституции ДНР.

Основная часть. Донецкая Народная Республика считается принятой в состав Российской Федерации с даты подписания Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта как закрепляет Федеральный Конституционный закон Российской Федерации от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики [1].

Следует отметить, характеризуя особенности закрепления конституционного строя в Конституции ДНР, что согласно ст. 1 Конституции ДНР, Донецкая Народная Республика является равноправным субъектом РФ, а также обладает всей полнотой государственной власти вне пределов ведения РФ и полномочий РФ по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ. Территория ДНР представлена в качестве единой (унитарной) и неделимой, составляя

неотъемлемую часть территории РФ [2].

Статья 11 Конституции ДНР предусматривает, что положения главы 1 Конституции ДНР составляют основу конституционного строя Донецкой Народной Республики, и другие положения Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Донецкой Народной Республики.

Конституционный строй ДНР основывается на базовых принципах, определяющих основы общественного устройства и государственной системы ДНР. Среди них: принцип народовластия, принцип верховенства права, принцип суверенитета и территориальной целостности ДНР, принцип разделения властей, принцип светского государства и другие. Отдельные положения Конституции ДНР и ее общие положения об основах конституционного строя следуют положениям Конституции Российской Федерации и определяют правовое содержание основ конституционного строя Российской Федерации на республиканском уровне.

Согласно Конституции, источником власти ДНР является ее народ, который представляет часть многонационального народа Российской Федерации. Согласно ст. 8 Конституции ДНР, Донецкая Народная Республика признает и гарантирует местное самоуправление. Учреждения местного самоуправления не включены в систему органов государственной власти. Органы местного самоуправления и государственной власти ДНР являются частью единой системы публичной власти в Российской Федерации.

Закон ДНР «О структуре и наименовании органов местного самоуправления, численности, сроках полномочий и дате проведения выборов депутатов представительных органов муниципальных образований первого созыва в Донецкой Народной Республике» [3] был принят Постановлением Народного Совета от 31 марта 2023 года, в рамках реализации норм статьи 11 Федерального конституционного закона от 4 октября 2022 года №5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» законом устанавливаются срок полномочий и численность депутатов представительных органов вновь образованных муниципальных образований.

Принимая во внимание политическую основу конституционного строя Российской Федерации и ее закрепление в Конституции ДНР, признается разнообразие идеологий, и закрепляется, что никакая идеология не может быть установлена в качестве государственной или обязательной. В демократическом государстве признается, что политические партии выражают интерес основных социальных групп населения. В соответствии с этим конституционным принципом

государство гарантирует, что политические партии равны перед законом, независимо от целей и задач, изложенных в учредительных программах.

Заключение. Исследование особенностей закрепления конституционного строя в Конституции ДНР во многом идентичны основам конституционного строя Российской Федерации. ДНР также провозглашается демократическим правовым государством с республиканской формой правления и с другими характеристиками, рассмотренными применительно к основам конституционного строя Российской Федерации. Для воспитания нравственности и ограничения деструктивной идеологии, под которой в работе понимается согласно п. 14 ч. 2 Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 идеологическое и психологическое воздействие на россиян, ведущее к насаждению чуждых и разрушительных систем идей и ценностей. Предлагаем внести изменения в ст. 9 Конституции ДНР: «Никакая деструктивная идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а также осуществляться на территории ДНР».

Государство должно защищать граждан от деструктивных мыслей и нравственно воспитывать граждан. Данные граждане не будут причинять вред себе, другим и окружающей среде, а будут создавать для себя, других и окружающей среды посредством совместных действий в составе образовательных, научных, производственных и других профессиональных групп, объединенных той или иной нравственной идеологией.

Список литературы

1. Федеральный Конституционный закон Российской Федерации от 4 октября 2022 г. «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.10.2022, «Собрание законодательства РФ». 04.10.2022, N 5.
2. Конституция Донецкой Народной Республики (принята Народным Советом 30.12.2022) // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики, 30.12.2022. – №2. – Ст. 83.
3. Закон ДНР «О структуре и наименовании органов местного самоуправления, численности, сроках полномочий и дате проведения выборов депутатов представительных органов муниципальных образований первого созыва в Донецкой Народной Республике» от 31 марта 2023 г. // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.npa.dnronline>, 06.04.2023, "Донецкая Народная Республика: официальный сайт", 06.04.2023, N 439-ПНС
4. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей”. – <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=lmvwlkbgzy630362807> от 09.11.2022. – №809. – ст. 32.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ НАРУШЕНИЯ АНТИДОПИНГОВЫХ ПРАВИЛ

Лapidус О. С.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
o.lapidus@donnu.ru

Введение. В последнее время вопрос применения спортсменами допинга стоит довольно остро для Российской Федерации (далее – РФ). При рассмотрении теоретических аспектов антидопингового законодательства важен вопрос о доказательствах допинга, поскольку ответственность за нарушение антидопинговых правил наступает лишь в том случае, если факт применения запрещенного вещества устанавливается определенными стандартами доказывания. Ряд громких процессов, выигранных российскими спортсменами в Международном спортивном суде в Лозанне, позволяет сделать вывод о том, что предъявляемые обвинения в отношении россиян не являются безупречными.

Основная часть. Статья 3.1 Всемирного антидопингового кодекса Всемирного антидопингового агентства (далее – Кодекс ВАДА) устанавливает бремя доказывания: «На антидопинговой организации лежит бремя доказывания того, что нарушение антидопинговых правил имело место» [1].

Далее определяются стандарты доказывания, в частности, устанавливается, что для предъявления обвинения в допинге достаточно выявления факта нарушения «на приемлемом уровне для осуществления процедуры слушания экспертов» [1]. Этот стандарт доказывания более веский, чем лишь баланс вероятностей, но меньший по доказанности, чем отсутствие обоснованных сомнений. Когда бремя доказывания переходит к спортсмену, то более веским будет именно баланс вероятностей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Кодекс ВАДА и Общероссийские антидопинговые правила, утвержденные Приказом Минспорта России от 24 июня 2021 года № 464 [2] (далее – ОАП) устанавливают три стандарта доказывания по делам о нарушении антидопинговых правил: 1) приемлемый уровень экспертов; 2) баланс вероятностей; 3) обоснованные сомнения.

При этом учитывается серьезность обвинений. Аналог первого из указанных стандартов в российском процессуальном законодательстве – принципы, закрепленные в ст. 67 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) РФ от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ [3] (оценка доказательств судом по внутреннему убеждению) и ст. 88 Уголовно-

процессуального кодекса (далее – УПК) РФ от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ [4].

Баланс вероятностей предполагает, что событие, положенное в основу обвинения спортсмена, могло произойти, но с определенной долей вероятности. В свою очередь, обоснованные сомнения можно сравнить с принципом российского уголовного права, согласно которому любое неустранимое сомнение должно толковаться в пользу обвиняемого (ст. 14 УПК РФ [4]).

Антидопинговые правила определяют методы установления фактов и презумпций и сами презумпции. Так, согласно ст. 3.2 Кодекса ВАДА, факты могут устанавливаться «любыми надежными способами, включая признание» [1]. Однако понятие «надежный способ» не раскрывается, что дает основание отдавать возможность оценки такого способа на усмотрение экспертов, проводящих слушание по делу. Также ст. 3.2.1 Кодекса ВАДА устанавливает презумпцию, согласно которой все «аналитические методы и пороговые значения, утвержденные ВАДА по итогам консультаций с членами соответствующего научного сообщества и независимой экспертизы, являются научно обоснованными» [1]. В связи с этим интересен пример с мельдонием в деле М. Шараповой и ряда других российских спортсменов. Для того, чтобы определить допустимый порог нахождения данного препарата в организме спортсмена, понадобилось проведение ряда экспертиз и консультаций, и появилось правило, согласно которому, если во взятой с 1 января по 1 марта 2016 г. допинг-пробе обнаружено менее 1 мкг/мл вещества, то ответственности за допинг нет [5].

Говоря о презумпциях, следует обратить особое внимание на содержание норм ст.ст. 2.1.1 и 2.1.2 Кодекса ВАДА: «Персональной обязанностью каждого спортсмена является недопущение попадания запрещенной субстанции в свой организм. Спортсмены несут ответственность за любую запрещенную субстанцию... обнаруженную в... пробе»; «Достаточным доказательством нарушения антидопинговых правил... является... наличие запрещенной субстанции... в пробе А спортсмена» [1]. Из смысла приведенных норм вытекает, что для привлечения спортсмена к ответственности и признания его виновным в нарушении антидопинговых правил антидопинговой организации достаточно лишь доказать, что проба А спортсмена положительна. Практика Международного спортивного суда свидетельствует: указание спортсмена на то, что препарат попал в его организм случайно или по назначению врача команды, значения не имеет. Спортсмена в любом случае наказывают. Справедливый вывод по этому поводу сделал С. А. Юрлов: «Некоторые международные спортивные организации принимают решения на основании неподтвержденных фактов, нарушая основополагающие права человека (презумпция невиновности,

справедливость, недопустимость двойного наказания за одно и то же нарушение)» [6].

Показателен процесс в лозаннском арбитраже над российским керлингистом А. Крушельницким. Спортсмен с момента обнаружения у него запрещенного препарата мельдония говорил о том, что ему подсыпали этот препарат в воду, сам он не принимал никаких запрещенных веществ (это подтверждает взятая накануне выезда на Олимпиаду в Корею проба). Однако позже, на втором тестировании, его проба оказалась положительной. Принимать допинг в период стартов, тем более россиянину, абсурдно, поскольку, во-первых, всем известно, что к отечественным спортсменам было повышенное внимание со стороны ВАДА, а во-вторых, по своим свойствам мельдоний не является тем препаратом, который существенно восстанавливает организм. Однако суд не принял указанные доводы и, основываясь на фактическом наличии препарата в пробе А, дисквалифицировал атлета на четыре года [7].

Заключение. Таким образом, антидопинговые правила устанавливают презумпцию виновности спортсмена при рассмотрении фактов нарушения правил о запрещении допинга, а принятые методы доказывания в антидопинговом законодательстве – не что иное, как источники доказательств в общепринятом правовом смысле. К таким источникам относятся результаты анализа проб спортсмена, признание вины, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, заключения экспертов, решения суда или дисциплинарного органа и т. д.

Список литературы

1. Всемирный антидопинговый кодекс Всемирного антидопингового агентства: вступил в силу с 1 января 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/2021_vsemirnyu_antidopingovy_kodeks.pdf
2. Общероссийские антидопинговые правила: утверждены Приказом Минспорта России от 24 июня 2021 года № 464 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusada.ru/upload/iblock/b7b/Приказ%20№%20464%20от%2024.06.2021%20об%20утв.%20Общероссийских%20антидопинговых%20правил.pdf>
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14. ноября 2002 года № 138-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/d70ec545bc657d409c92ce89d801f20ced32e1d2/
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/5234dc161e0a7d376a6cd01b3550f1d7e233a0da/
5. Неизвестный мельдоний: почему WADA готово простить российских спортсменов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/13/04/2016/570e54ea9a7947a11ca58cd0>
6. Юрлов С.А. Разрешение спортивных споров: вопросы теории и практики: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.15 / Юрлов Сергей Алексеевич; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2017. – 24 с.

7. Официальный сайт Международного спортивного суда в г. Лозанна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Media_Release_ADD18-03.pdf

УДК 341.1/8

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ

Одегова Л. Ю. канд. юрид. наук, доц., *Лепшина Е. А.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ealepshina@mail.ru

Введение. В последнее время проблема ликвидации нарушений в области прав детей как на внутригосударственном, так и на международном уровне приобрела особую актуальность. Обязанность государства обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия, закреплена как в национальном законодательстве, так и в международных правовых актах, наиболее значимый из которых – Конвенция о правах ребенка [1]. Именно поэтому защиту прав детей правозащитники во многих странах мира декларируют как одну из наиболее приоритетных задач. В этой связи в некоторых государствах, в том числе в Российской Федерации, существует и успешно функционирует институт Уполномоченного по правам ребенка [3].

Цель – рассмотреть и проанализировать основные аспекты правовых механизмов защиты прав детей в Российской Федерации и других странах.

Основная часть. Для расширения правовой сферы государственной поддержки несовершеннолетних в современных цивилизованных странах юридически оформляются разнообразные национальные правовые механизмы защиты прав детей.

Под правовым механизмом защиты прав детей следует понимать гарантированную законодательством совокупность правовых норм и институтов, направленных на защиту прав несовершеннолетних детей.

Структура механизма защиты прав детей схожа во многих странах и состоит из двух подсистем: нормативной и институциональной.

Нормативная подсистема механизма защиты прав детей – это законодательно-закрепленные нормы, которые обеспечивают защиту прав несовершеннолетних детей.

Институциональная подсистема механизма защиты прав детей выражена в совокупности государственных органов и общественных образований, в чьи функции входит защита прав детей.

Следует отметить, что правовые механизмы защиты прав в зависимости от территории действия могут быть международными и национальными.

К международным правовым механизмам относятся международные органы по правам человека, которые выполняют функции обеспечения прав ребенка наряду с другими правовыми вопросами защиты прав человека, и контрольные органы, которые непосредственно защищают права несовершеннолетних лиц.

Большинство международных контрольных органов и процедур по правам человека (и ребенка, в частности) действует в рамках ООН и её специализированных учреждений (МОТ, ВОЗ, ЮНЕСКО). Из шести главных органов ООН наибольшее отношение к вопросу о контроле над правами ребёнка и их защите имеют Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности и Экономический и Социальный Совет [2].

В свою очередь национальные механизмы защиты прав детей имеют разнообразные проявления и выражаются в деятельности государственных органов, общеизвестных организаций, а также специализированных учреждений. Наиболее популярным и эффективным национальным механизмом защиты прав детей выступает институт специализированного омбудсмена – уполномоченного по правам ребенка [3]. При этом обязательным критерием их успешной работы следует считать реальное уменьшение случаев нарушения прав детей и причинения им вреда.

Однако в действительности ситуация выглядит не так радужно. Более 250 детей погибли и продолжают погибать и получать травмы в результате боевых действий на Донбассе. Подвергаются насилию дети в Сирии, Афганистане, странах Африки. В настоящее время положение детей ухудшилось: похищение, незаконная торговля, сексуальная эксплуатация и другие проблемы стали расти очень быстро. Миллионы детей заняты неподходящим для них трудом, который препятствует их развитию и образованию, а также причиняет физический или психологический вред, а что еще хуже – угрожает их жизни. Всё это является глобальным нарушением прав ребёнка [4].

По данным Международного центра поиска пропавших и эксплуатируемых детей (ИМЕС) ежегодно в США пропавшими без вести числятся более 420 тысяч детей, в Великобритании – более 80 тысяч, в Канаде – более 40 тысяч, в Австралии – около 25 тысяч, в России – около 40 тысяч. Только по официальным данным в 2016-2017 годах в Великобритании было зарегистрировано более 63000 сексуальных преступлений против детей. Дело о сети педофилов в городе Бергши-Гладбах (ФРГ) в октябре 2019 года [5], стало самым крупным в истории страны. В апреле 2021 года операция «Один дома» привела к арестам 10 педофилов в Южной Каролине (США). 17 человек задержаны в августе 2021 года в округе Полк, штат Флорида (США), в связи с сексуальными

преступлениями против несовершеннолетних, среди обвиняемых – сотрудники компании Дисней.

Справедливости ради необходимо отметить, что порой крайне сложно выявлять нарушения прав детей. Этому способствует ряд причин, среди которых не последнее место занимает массовый правовой нигилизм взрослого населения и детей.

В США и странах Западной Европы процесс формирования механизмов защиты прав детей привел к укреплению позиций ювенальной юстиции, это означает, что дети самостоятельно могут принимать решения о выборе своего пола, имени, опекуна, места проживания, приеме гормональных и других препаратов и т.д. и государство обязано поддерживать их в этом выборе, при этом, наделяя ребенка возможностью быть защищенным от собственных родителей, ювенальная юстиция в конечном итоге ущемляет права обеих сторон.

Ухудшение деятельности работы правозащитных механизмов в рамках международных органов и организаций безусловно есть. Например, новеллой международной защиты прав детей стало предоставление несовершеннолетним правомочия за защитой своих прав в Комитет по правам ребенка.

Заключение. Таким образом, современные тенденции убедительно показывают, что правовые механизмы защиты прав детей в той форме, в какой они существуют в настоящее время, несовершенно и нуждаются в доработке.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС КонсультантПлюс.
2. Старовойтов, О.М. Механизмы защиты прав ребенка / Старовойтов О. – Текст электронный // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2001. – № 3. – URL: <http://evolutio.info/content/view/433/52/>. (дата обращения: 20.09.2023).
3. Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка [Электронный ресурс]. – URL: <http://deti.gov.ru/> (дата обращения: 15.09.2023).
4. Тихая, Л.С. О некоторых аспектах защиты прав детей / Л.С. Тихая // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1 (85). – С. 66–70. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-1-66-70.
5. В Германии раскрыта гигантская сеть педофилов – Текст электронный // Независимая газета. – 2020. – 08 августа. – URL: https://www.ng.ru/world/2020-08-17/2_7939_germany.html (дата обращения: 17.09.2023).

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА В СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Одегова Л. Ю., канд. юрид. наук, *Соловьёва Ю. А.*, канд. юрид. наук
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
milaodegova17@mail.ru, soloveva5585@bk.ru

Введение. На официальном сайте ООН отмечается, что развитие цифровых технологий способствует эффективности реализации и защиты прав человека, а также эволюции (трансформации) всех категорий прав (гражданских, политических, культурных, экономических, социальных). С другой стороны цифровые технологии достаточно часто используются для подавления, ограничения и нарушения прав человека (например, посредством слежения, цензуры, притеснений в Интернете и пр.) [1].

В связи с этим целью данного исследования является определение места цифровых прав в системе прав человека.

Основная часть. Общеизвестно, что количество международно-правовых актов, в которых закрепляются права человека, на сегодняшний день достаточно велико (в этой области существует около 300 деклараций, конвенций, хартий, в разное время созданных и определенных мировым сообществом) [2, с. 64]. В тоже время корпус прав человека постоянно расширяется. К примеру, в 1970-х гг. в международной практике была признана концепция «трех поколений» прав человека, а с 1990-х следующее «поколение» – права человека в информационном обществе (в русскоязычной юридической литературе данные права обычно называют информационными, цифровыми, виртуальными).

С. И. Глушкова, рассуждая о поколениях прав человека, указывает на то, что цифровые права требуют принципиально новых способов их признания и регулирования, соблюдения, обеспечения и защиты [3, с. 26].

Действительно, цифровые права человека представляют собой отдельную группу прав человека, связанных с использованием и/или реализуются в сети Интернет с помощью специальных устройств (компьютеров, смартфонов и пр.). Т.е. «цифровые права человека» – все те права, осуществление и защита которых тесно связаны с использованием цифровых инструментов или имеют существенную онлайн-составляющую.

26 января 2022 г. была опубликована Европейская декларация о цифровых правах и принципах цифрового десятилетия. В преамбуле документа выражена сущность цифровых прав – «человеческое измерение цифровой экосистемы с единым цифровым рынком в качестве ее ядра». Декларация признает, что цифровая трансформация затрагивает все

аспекты социальной жизни, улучшает ее качество, но и создает новые проблемы. Исходя из этого, Декларация нацелена на продвижение европейских ценностей в новом цифровом мире. В ней предусматривается набор прав, которые должны обеспечиваться на территории Европейского союза без каких-либо дискриминационных обеспечений.

Указанной декларацией, являющейся, по сути, первым официальным каталогом цифровых прав человека, к последним отнесено следующие: доступ к недорогому и высокоскоростному цифровому соединению; цифровое образование; справедливые, здоровые и безопасные условия труда и надлежащая защита в цифровой среде; доступ ко всем ключевым государственным услугам в Интернете на территории всего Европейского союза; возможность пользоваться преимуществами искусственного интеллекта, делая свой собственный осознанный выбор в цифровой среде; выбор онлайн-сервисов, основываясь на объективной, прозрачной и достоверной информации; возможность честно конкурировать и внедрять инновации в цифровой среде; доступ к надежной, разнообразной и многоязычной онлайн-среде; свобода выражения мнений в онлайн-среде, не опасаясь цензуры или запугивания; возможность получения информации о владельцах (или осуществляющих контроль) используемых медиа-услуг; безопасный, надежный и защищенный доступ к цифровым технологиям, продуктам и услугам; защита своих личных данных в Интернете; конфиденциальность своих сообщений и информации на своих электронных устройствах; определение своего цифрового наследия (в изложении Г. Б. Романовского [4, с. 51]).

Заключение. Считаем, что так называемая Цифровая эпоха оказала существенное влияние на содержание основных прав человека, к примеру: сегодня Интернет рассматривается как существенный аспект свободы человека, которая провозглашена ст. 1 Всеобщей декларации прав человека [5], поскольку блокирование доступа человека к Интернету представляет серьезное вмешательство в его свободу; право на доступ в Интернет рассматривается как составляющая права на свободу выражения мнения и права на доступ к информации, которые гарантированы ст. 10 Европейской конвенции по правам человека [6] и пр.

К основным цифровым правам необходимо относить следующие: 1) право на доступ к информации – включает в себя право на доступ и получение общедоступной информации, а также право на доступ к отдельным видам информации (свободного и ограниченного доступа); 2) право на доступ в Интернет – заключается в том, что каждый имеет право на равный доступ и использование свободного и безопасного Интернета; 3) свобода выражения взглядов онлайн – означает право свободно выражать свои взгляды, искать, получать и распространять информацию онлайн; 4) право на приватность и защиту персональных данных – каждый имеет право на конфиденциальность онлайн и защиту

персональных данных в Интернете (социальных сетях, в заполнении Google-форм и пр.); 5) право на свободу и личную безопасность онлайн – реализация этого права требует выработки механизмов защиты от противоправных деяний, то есть определенных гарантий защиты от физического и психологического насилия или притязаний, дискриминации в онлайн-среде и пр.; 6) право на мирные собрания, ассоциации и/или использование электронных инструментов демократии означает, что каждый должен обладать возможностью использовать любые сервисы, веб-сайты или приложения для создания, присоединения, мобилизации и участия в социальных группах и ассоциациях; 7) право на цифровое самоопределение, а также право на цифровое забвение – человек как пользователь в Интернет-системе (социальная сеть, форум, онлайн обсуждение и пр.) вправе сам, по своему усмотрению, определить имя (идентификатор) или другую информацию, которую он будет использовать в системе, а равно требовать от операторов поисковых сетей прекращения распространения информации о себе.

Список литературы

1. Цифровое пространство и права человека // Оф. Сайт ООН – URL: <https://www.ohchr.org/ru/topic/digital-space-and-human-rights> (дата обращения: 19.09.2023).
2. Кулишенко, Е. А. К вопросу развития международного сотрудничества в области прав человека / Е. А. Кулишенко // *Matters of Russian and International Law*. – 2021, Vol. 11, Is. 3A. – С. 61–68.
3. Глушкова, С. И. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий / С. И. Глушкова, Е. Д. Летунов // *Вестник Гуманитарного университета*. – 2020. – № 4. – С. 11–27.
4. Романовский, Г. Б. Ограничение цифровых прав человека в целях противодействия терроризму / Г. Б. Романовский, В. Г. Романовский // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. – 2023. – Т. 23, вып. 1. – С. 48–59.
5. Всеобщая декларация прав человека: Резолюция 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/hr_bill.shtml (дата обращения: 19.09.2023).
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 11 ноября 1950 года (г. Рим). – URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 19.09.2023).

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОВЕЛЛ

Певцова Н. С., канд. юрид. наук
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва, РФ
natalipevtsova@bk.ru

Введение. В современном мире, характерными чертами которого выступают появление виртуальной реальности, цифровизация, развитие IT-технологий, возникает настоятельная необходимость в переосмыслении перечня прав человека с учетом комплексного преобразования личности первой четверти 21 века. Законотворчество также не стоит на месте, а потому принимаются новые законы, вносятся поправки в действующие нормативные акты, подготавливаются законопроекты, способствующие детальному правовому регулированию современных общественных отношений.

Цель исследования – определить особенности нового поколения прав человека и рассмотреть примеры законодательного регулирования правоотношений с учетом современных реалий.

Основная часть. Концепция «поколений прав человека» возникла в 70-е годы XX века, когда были сформулированы: первое (личные и политические права), второе (социально-экономические и культурные права), третье поколения (права коллективные: право на мир, здоровую окружающую среду, на развитие). Впоследствии многие исследователи предпринимали попытки по-своему сгруппировать и интерпретировать доминантные права и свободы каждой эпохи, в результате чего в науке также было выделено четвертое поколение прав, к которому относят, в частности, информационные права; кроме того, как отдельное самостоятельное поколение обозначают поколение соматических прав [2].

В конце первой четверти XXI столетия наблюдаются тенденции интенсивного развития цифровизации [6] и биоинженерии, возникает потребность в новых медицинских разработках в целях борьбы с современными угрозами (такими как COVID-19, иными болезнями) [5], физическое существование человека приобретает не только новые формы (виртуальный мир), но и актуализируется изучение возможных форм сбережения существования человека (в частности, с помощью технологий криоконсервации) после смерти, а также сохранения доброй памяти о человеке [3].

В теории конституционного права институционализируется новая комплексная и сложносоставная юридическая конструкция – право на

физическое существование [3], которое не тождественно праву на жизнь или праву на физиологическое существование, а в его содержание входят: право на жизнь, право на физиологическое существование, право на виртуальное существование, право на существование в памяти о человеке, право на социальные коммуникации, соматические права и право на криоконсервацию как возможность существовать в будущем. Субъектом права на физическое существование может быть не только человек (индивид, личность), но и будущие поколения [1]. Вместе с тем ключевое значение для формирования таких субъектов имеют социальные коммуникации, которые являются особым связующим звеном в сложносоставном праве на физическое существование.

Виртуальное существование уже сейчас находит свое закрепление на законодательном уровне, в частности, цифровая трансформация определена Президентом РФ как одна из 5 целей развития [6], благодаря нацпроекту «Здравоохранение» реализуются конституционно закрепленные принципы доступной и качественной медицинской помощи (в том числе посредством телемедицины, портала «Мое здоровье» на портале «Госуслуги» и т.д.). Расширились возможности получения образования путем активного применения онлайн образования Ed-Tech, цифровые инструменты помогают также реализовывать и духовно-культурные права граждан (возможности дистанционной покупки билетов в театр, внедрение «Пушкинской карты» и т.д.). В России на стадии разработки находится Цифровой кодекс. В Европе озвучиваются идеи о наделении роботов с искусственным интеллектом статусом электронного гражданина.

Цифровые компетенции требуются в современном мире от представителей различных профессий, в частности от юристов (появляются информационные ресурсы, например, ГАС «Правосудие», «Мой арбитр», широко используются справочные правовые системы «КонсультантПлюс», «Гарант»).

Современные реалии обуславливают актуальность решения проблем «будущего человечества» и будущего индивида. Так, помимо законодательно закрепленного права на криоконсервацию и хранение своих половых клеток, эмбрионов, на практике используются и требуют законодательного урегулирования заморозка тела человека после его смерти с целью последующей разморозки в будущем, когда ученые изобретут способы лечения непосильных для нынешнего времени болезней, в также научатся воскрешать людей после криозаморозки.

Актуализируются (особенно после закрепления на уровне Конституции РФ [4] понятия «исторической правды») проблемы сохранения памяти о человеке, и его существовании в мыслях людей и поколений.

Заключение. Проведенное исследование свидетельствует о стремительном появлении нового поколения прав человека, главным образом обусловленного важностью физического существования человека

и антропоцентричностью закрепления прав индивидов и граждан в тексте Конституции РФ [4]. Вместе с тем масштабы вовлечения общественной жизни в социализацию каждого [1], в том числе в эпоху виртуальной реальности, ускоряют осведомленность людей о новых тенденциях, правах и способах создания лучшего будущего для себя и последующих поколений. Кроме того, как показал обзор законодательных изменений, правовые нормы в большей мере идут в ногу с современными реалиями и стараются соответствовать современным вызовам.

Список литературы

1. Авакьян С. А. Модернизация публично-политических отношений и конституционное реформирование: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 9. – С. 3–6.
2. Лаврик М. А. Соматические права человека в Российской Федерации: конституционные основания, действующее законодательство и практика реализации // Сибирский юридический вестник. – № 2. – 2006. С. 40-54.
3. Певцова Н. С. Право на физическое существование как новое комплексное конституционное право: монография. – Москва: Проспект, 2023. – 208 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм. от 01.07.2020; изм., включающими новые субъекты – ДНР, ЛНР, Запорожскую область, Херсонскую область от 06.10.2022) // <http://pravo.gov.ru>.
5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета, N 263, 23.11.2011.
6. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года».

УДК 342.82

ИНСТИТУТ РЕФЕРЕНДУМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Савченко А. А., Мануйлова С. А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
sonya.manuilova@yandex.ru

Введение. На сегодняшний день особое значение имеет реализация непосредственной демократии в Российской Федерации и зарубежных странах путем референдума, который является одним из способов демократизации общества и повышения ответственности органов государственной власти перед народом. В большинстве европейских стран регулярно проводятся референдумы, которые уже стали нормой политико-правовой демократической практики. В Российской Федерации данный институт представляет собой механизм, который позволяет гражданам

принимать участие в управлении государством и решать местные вопросы путем использования конституционного права на референдум.

Целью исследования является комплексное изучение конституционно-правовых основ референдума, анализ содержания конституционно-правовых норм, регламентирующих процедуру проведения референдума в Российской Федерации и зарубежных странах, а также определение законодательных перспектив повышения уровня эффективности реализации конституционного права граждан на референдум в Российской Федерации.

Основная часть. В соответствии с Конституцией Российской Федерации предусмотрена возможность проведения референдумов на трех уровнях: референдум Российской Федерации, референдум субъекта Российской Федерации и местный референдум. Следовательно, данный институт может быть использован на всех уровнях власти.

При проведении референдума в Российской Федерации необходимо учитывать общепринятые права и свободы человека и гражданина, а также конституционные гарантии их соблюдения. Закон ограничивает круг вопросов, которые могут быть вынесены на референдум, указывая на то, что они не должны противоречить этим основам [1].

В статье 32 Конституции РФ описываются формы, которые позволяют народу непосредственно участвовать в управлении государством. Это референдум и выборы, которые имеют большое социальное значение. Референдум является наиболее полным способом выражения мнения граждан по важным вопросам [2].

Для проведения сравнительно-правового анализа целесообразно рассмотреть институт референдума в федеративных государствах Западной Европы. Так, в Германии референдум не является основным инструментом прямой демократии. Народ, как провозглашенный в Основном законе Германии источник власти, не может напрямую использовать свои конституционные демократические права через форму референдума. Институты прямой демократии на федеральном уровне в Германии тесно связаны с федеративным устройством страны. Они предназначены для максимально эффективного выполнения хозяйственных и экономических задач земель, а также для повышения экономического роста территорий [3].

В свою очередь, в Швейцарии существуют детально проработанные нормы, которые регулируют проведение референдумов. Этот вид всенародного волеизъявления является универсальным инструментом для разрешения вопросов государственного управления. Результаты референдума имеют большой политический и правовой вес и могут повлиять на будущее развитие страны. Важно отметить, что широкая практика проведения референдумов способствует активному участию граждан в жизни общества и формированию демократических ценностей.

Референдум в Австрии является формой выражения всенародной воли, но его применение крайне редко. Нормы Конституции подробно описывают процедуру проведения референдума, однако право инициативы находится у парламента, а не у граждан. Это свидетельствует о том, что в федеративных государствах такой институт используется скорее как способ принятия решений органами власти, чем как самостоятельный механизм народовластия [4].

Современное демократическое конституционное устройство федеративных государств предусматривает базовый комплекс прав и ценностей, в котором народовластию отводится ведущая роль. Одной из форм выражения народного волеизъявления является право на местный и региональный референдумы, которые традиционно закреплены в конституциях. При этом в зарубежных государствах эта форма народовластия имеет свои особенности при применении ее на практике [5].

Заключение. Таким образом, на основании проведенного сравнительно-правового анализа институтов референдума в Российской Федерации и в зарубежных странах можно сформулировать следующие предложения, направленные на совершенствование законодательства Российской Федерации по теме исследования:

1) Провести качественные изменения в законодательстве Российской Федерации для повышения эффективности использования референдума как важного демократического института. Например, одним из таких изменений может стать сокращение количества вопросов, которые не могут быть вынесены на референдум, чтобы граждане имели возможность выразить свое мнение по важным и актуальным вопросам;

2) Улучшить механизмы проведения референдумов. В зарубежных государствах существует развитая система механизмов проведения референдумов, которые гарантируют демократический характер и учитывают результаты при принятии решений;

3) Повысить значимость результатов референдумов. Выявлено, что в зарубежных государствах результаты референдумов имеют большее значение и учитываются при принятии важных решений;

4) Развивать местное самоуправление и активнее проводить референдумы на муниципальном уровне.

Сравнение с зарубежным законодательством показывает недостатки некоторых положений отечественного законодательства, поэтому в Российской Федерации следует продолжать работу над совершенствованием законодательства в этой области и повышением эффективности использования института референдума как одного из инструментов демократического управления. Только так можно достичь максимальной легитимизации политических процессов в государстве и создать условия для развития гражданского общества на основных принципах свободы, равноправия и правосудия.

Список литературы

1. Пархоменко, А. Г. Осуществления населением местного самоуправления в России / А. Г. Пархоменко, Л. Б. Рейдель // Журнал Право и управление. – 2022. – [Электронный ресурс]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/osuschestvleniya-naseleniem-mestnogo-samoupravleniya-v-rossii> (дата обращения: 23.09.2023). – Загл. с экрана.
2. Гавриленко, О. А. Анализ практики применения института референдума на территории Российской Федерации / О. А. Гавриленко // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 6 (46).
3. Городилов, А. А. Конституционное право зарубежных стран: учебник / А. А. Городилов, А. В. Куликов. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2018. – 551 с. – ISBN 978-5-4475-9137-3.
4. Маклаков, В. В. Референдум в зарубежных странах : учебное пособие / В. В. Маклаков. – Москва : ИНИОН РАН, 2017. – 127 с. – ISBN 978-5-248-00717-2.
5. Аксенов, И. В. Институт референдума в ряде стран Восточной Европы и России: сравнительный анализ / И. В. Аксенов // Дискурс-Пи. – 2019. – [Электронный ресурс]. – <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-referenduma-v-ryade-stran-vostochnoy-evropy-i-rossii-sravnitelnyu-analiz> (дата обращения: 23.09.2023). – Загл. с экрана.

Уголовное право и процесс

УДК 327

ЛИЧНОСТЬ ЛИЦА, ПОСЯГАЮЩЕГО НА ПАМЯТЬ НАРОДОВ РФ О СОБЫТИЯХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Азимов Э. М., Блинников Д. В.

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет», г. Петрозаводск, РФ
petrsu_ru@mail.ru

Введение. Памятники истории и культуры народов Российской Федерации представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия. В Российской Федерации гарантируется сохранность объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в интересах настоящего и будущего поколения. Государственная охрана объектов культурного наследия является одной из приоритетных задач органов государственной власти Российской Федерации, органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Именно благодаря памятникам формируется уважительное отношение к прошлому. Особое значение имеют памятники, посвященные Второй Мировой Войне и Великой Отечественной Войне, потому что они, в том числе, помогают формировать стойкое неприятие идеологии нацизма.

Цель. С точки зрения разработки форм профилактики большое значение имеет анализ личности преступников, которые совершают преступления, посягающие на памятники Второй Мировой Войны и Великой Отечественной Войны. Полученные данные позволяют избрать конкретные методы и средства предупреждения преступлений, которые наиболее эффективны именно для этого типа личности. Изучение личности преступника – важная и необходимая предпосылка научно-обоснованной профилактики преступного поведения. Базой для исследования стало 52 дела по факту осквернения памятников, посвященных событиям Второй Мировой Войны и Великой Отечественной Войны.

Основная часть. Личность преступника раскрывается через социальный статус личности, принадлежащий к тому или иному социальному слою и группе с социально-демографической характеристикой. Основными характеристиками, на которые мы уделили

внимание, являются: пол, возраст, наличие состояния опьянения. Изучив практику по осквернению памятников, можно сделать следующий вывод – по гендерному признаку подобные преступления совершаются в большей части мужчинами – 76.9 % (40 случаев), женщины совершают данные преступления довольно реже, чем мужчины, всего 9.6 % (5 случаев). Если изучать данные о преступности в Российской Федерации, то можно увидеть, что в России в целом преобладает мужская преступность по сравнению с женской, так за январь – ноябрь 2022 года уровень женской преступности составил 16.28% от всего показателя преступности, поэтому такое количество преступлений, совершенное мужчинами, не является новшеством. Что касается возраста, то данную категорию преступлений наиболее часто совершают лица в диапазоне возраста до 21 года – 50 % преступлений (17 случаев). Лица в возрасте от 21 года до 35 лет совершили эти преступления в 10 случаях, что составляет 29.4 %, а лица старше 35 лет – 7 случаев, что составляет 20.5 %. Мы можем связать это с тем, что чем старше является человек, тем более он осведомлен об уголовной ответственности, а также он обладает более богатым жизненным опытом, который является методом превенции преступности. Также если сравнивать данную статистику с статистикой женской и мужской преступности по России за 2021 год, то мужчины в возрасте 30-49 лет совершают больше преступлений – 55.72 % (395 933), как и женщины в том же возрасте – 60.15 (82 846).

Граждане в возрасте до 21 года являются более подверженными к совершению этих преступлений, и любого преступления в целом. Связано это на наш взгляд с тем, что данная категория людей желает выделиться, самовыразиться, даже если выделение происходит поведением, противоречащим нормам морали и закона. Чаще всего они не стремятся проявить приверженность нацистской идеологии, но бывают и редкие исключения. Примером желания привлечь к себе внимание будет осуществление этих действий на камеру, так данная возрастная категория наиболее часто снимает свои действия, связанные с оскорблением памяти ветеранов Великой Отечественной Войны, а также направленные на осквернение памятников, увековечивающих память о жертвах населения от нацизма и фашизма о столь значимой победе и подвиге солдат. Исходя из статистики, из 12 случаев записи таковых действий на камеру – 8 (66.6 %) случаев были совершены гражданами в возрасте до 21 года. Совершено преступлений несовершеннолетними – 14. По данной категории дел можно сделать вывод, что детерминантом совершения данных преступлений с использованием камеры будет являться влияние лидеров мнений на поведение и действия их аудитории. Например, один из случаев, когда лидер мнений выпускает короткий видеоролик на развлекательной платформе «ТикТок», где он танцует полуголым. В следствии этого задается некий «Тренд» танцев на фоне скульптуры

«Родина-мать зовёт!». Отсюда и вытекают последующие преступления, оскорбляющие память народов.

Согласно официальной статистике, за период 2021 года было расследовано 31865 преступлений, которые совершались при участии несовершеннолетних. Это составляет 1.59 % от общего показателя преступности. В нашем же случае, приблизительно 41.18 % преступлений были совершены несовершеннолетними, что позволяет нам сделать вывод о том, что значительная часть преступлений по исследуемой нами категории дел совершается несовершеннолетними.

Также мотивационный критерий, который может быть выражен состоянием алкогольного опьянения, играет существенную роль в анализе личности преступника. Из 52 случаев, которые были исследованы нами, наличие или отсутствие опьянения нам удалось установить лишь в 39 случаях. Так, 13 случаев (33.3 %) были совершены в алкогольном опьянении, в то время как 26 (66.6 %) случаев были совершены в трезвом состоянии. Т.е. здесь мы можем наблюдать соотношение 1/3, причем 8 преступлений было совершено в алкогольном опьянении лицами, чей возраст был младше 35 лет. На территории всей Российской Федерации за период 2021 года было расследовано 289 195 преступлений в состоянии алкогольного опьянения, что составляет 14.43 % от общего числа зарегистрированных преступлений. По исследуемой нами категории дел, в алкогольном опьянении было совершено 33.33 % преступлений от общего исследуемого нами числа преступлений. По нашему мнению, граждане совершают данные преступления в силу того, что алкоголь влияет на состояние человека, вследствие чего инстинкты самосохранения приглушаются, последствия действий отходят на задний план, размываются рамки допустимого. Преступления, которые совершаются в алкогольном опьянении, совершаются не в результате заранее обдуманного намерения, а формируются «спонтанно», благодаря внезапно возникшей мотивации, подстрекательства, бесцельного времяпровождения, из-за распития алкогольных или спиртосодержащих напитков и т.п.

В определенных условиях жизни, под воздействием тех или иных обстоятельств, конкретной ситуации эти свойства личности могут привести ее к преступлению – памятники становились объектом посягательства в следствии вспыльчивости, выплескивания гнева, выражения злобы из-за ситуаций личного характера субъекта. Так, например, в 2020 году в Подмосковье 37 летний мужчина вследствие ссоры с девушкой растоптал венки, который был возложен к обелиску воинской славы, за что на него завели уголовное дело по ст. 243.4 УК РФ.

Заключение. Изучив статистику, практику и личность преступника мы приходим к выводу о том, что большинство подобных преступлений совершаются молодежью, а именно гражданами в возрасте до 35 лет. Это

наводит нас на мысль о том, что нынешняя система патриотического воспитания нуждается в усовершенствовании. Нынешняя молодежь относится скептически и легкомысленно к памяти защитников нашей Родины во время Второй Мировой и Великой Отечественной Войн.

Также нынешняя система патриотического воспитания нуждается в усовершенствовании. У молодежи снижаются морально-нравственные устои общества, что сказывается на их деструктивном поведении, выражающемся в совершении оскорбительных и аморальных действий по отношению к памятникам Великой Отечественной и Второй Мировой Войн. Широкий комплекс мер, осуществляется по сохранению и продвижению памяти жертв народов Советского Союза, но эта работа не всегда эффективна. В первую очередь, ряд представителей молодежи относятся скептически на фоне общих психологических аспектов, желают самовыразиться, подчеркнуть собственную значимость, а не проявить нацистскую идеологию.

Список литературы

1. Модельный закон СНГ от 17.05.2012 № 37-18 «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников» / Межпарламентская ассамблея государств – участников содружества независимых государств – URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/290.pdf> (дата обращения: 05.09.2023)
2. Мараева А. В. Вопросы толкования термина «Реабилитация нацизма» применительно к ст. 354. 1 УК РФ / А. В. Мараева // Cyberleninka : официальный сайт. – 2019. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-tolkovaniya-termina-reabilitatsiya-natsizma-primenitelno-k-st-354-1-uk-rf> (дата обращения: 05.09.2023)
3. Червонных Е. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных статьей 354. 1 «Реабилитация нацизма» УК РФ, и отдельные проблемы ее правоприменения / Е. В. Червонных // Cyberleninka : официальный сайт. – 2015. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-harakteristika-prestupleniy-predusmotrennyh-statiej-354-1-reabilitatsiya-natsizma-uk-rf-i-otdelnye-problemy-ee> (дата обращения: 07.09.2023)
4. Поляков Р. А. Проблемы и возможные коррективы статьи 354. 1 УК РФ «Реабилитация нацизма» / Р. А. Поляков, С. А. Кривенко, С. С. Пенкин // Cyberleninka: официальный сайт. – 2020. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-vozmozhnye-korrektivy-stati-354-1-uk-rf-reabilitatsiya-natsizma> (дата обращения: 15.09.2023)
5. Чистяков А. А. Особенности уголовно-правовой охраны памятников советским воинам, павшим во Второй мировой войне / А. А. Чистяков, Л. Р. Клебанов, О. А. Кузнецова // Cyberleninka: официальный сайт. – 2018. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ugolovno-pravovoy-ohrany-pamyatnikov-sovetskim-voinam-pavshim-vo-vtoroy-mirovoy-vojne> (дата обращения: 20.09.2023)

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Бабичев Д. А., канд. юрид. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
Babichev-lavd@inbox.ru

Вопросы организации прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД ОВД являются одними из наиболее дискуссионных в современной юридической науке [1]. К их числу в связи с проведением Специальной военной операции на территории Донбасса примкнула полемика относительно действенности законодательной регламентации вышеуказанной надзорной деятельности в условиях военного положения на освобожденных территориях. В силу ее актуальности изложим свое видение на ряд проблемных аспектов, оценивая как сложившиеся реалии, так и вероятные перспективы.

Так, на момент начала СВО в Донбассе на территории ЛНР действовал закон ЛНР от 24.04.2015 «О военном положении», в котором был закреплён ряд нормативных предписаний, регламентирующих отдельные направления деятельности государственных структур, в том числе правоохранительных органов, в условиях сложившегося правового режима. После исторического события – вхождения ЛНР в состав России в сентябре 2022 года – Республика перешла в правовое поле Российской Федерации. Органы прокуратуры, как, впрочем, и иные правоохранительные структуры Республики, вошли в новую правовую реальность, которая местами существенно отличалась от сложившихся за 8 лет правил осуществления оперативно-розыскного производства, контрольно-надзорной деятельности в данной сфере. И уже с 20 октября 2022 года режим военного положения в ЛНР снова был введен Указом Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» [2].

Какие же закономерности можно отметить для прокурорского надзора за законностью решений в ОРД ОВД в условиях военного положения? На этот счет личный опыт работы в одном из территориальных РОВД МВД ЛНР на освобожденных территориях Луганской области в период с марта 2022 года по февраль 2023 года позволил сделать ряд познавательных выводов. Один из них о том, что норма (п. 3 ст. 16) Федерального конституционного закона от 30.01.2002

№ 1-ФКЗ «О военном положении» [3], определяющая правовое регулирование надзорной деятельности органов прокуратуры в условиях военного положения, никаких особенностей этого правового режима не предусматривает, имеет отсылочно-бланкетный характер к нормам действующего законодательства. И, что примечательно, какие-либо предметно ориентированные указания с акцентом на военное время отсутствуют и на ведомственном уровне регламентации прокурорского надзора.

Анализируя вышеуказанную ситуацию, невольно складывается впечатление, что в сложившейся правовой лакуне правоприменитель оказался не готов к условиям военного времени, к пониманию специфики принятия оперативно-розыскных решений и осуществления надзора за их законностью в обстановке особого правового режима. Как результат, на поверхности оказались не только нарушения установленных законодателем правил и условий проведения ОРД, но и грубые злоупотребления в этой сфере. Причем без должного внимания уполномоченных прокуроров.

К наиболее весомым нарушениям и злоупотреблениям в ОРД можем отнести следующие: не заведение дел оперативного учета; не проведение ОРМ; отсутствие работы по подбору негласных источников оперативной информации; отсутствие внутрикамерных разработок лиц, представляющих оперативный интерес; уклонение от регистрации поступающих заявлений о преступной деятельности лиц либо регистрация поступающей информации с изменением контекста; укрывательство преступной деятельности и др.

Бездействие в оперативной работе оперативных подразделений ОВД крайне негативно отразилось на раскрываемости таких резонансных и наиболее распространенных на освобожденных территориях ЛНР преступлениях, как похищение человека (126 УК РФ), разбой (162 УК РФ), грабеж (161 УК РФ), кража (158 УК РФ), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ), мародерство (ст. 356-1 УК РФ) и др. К концу 2022 года абсолютное большинство указанных преступлений осталось не раскрытым. Адекватные (действенные) меры прокурорского реагирования также не были приняты.

Выход из сложившейся проблемы и связанного с ней коллапса в правоприменительной практике видится в повышении эффективности правового регулирования прокурорского надзора за исполнением законов в сфере ОРД, а именно в принятии межведомственного приказа Генерального прокурора РФ, МВД России, ФСБ России, ФСИН России, Минобороны России, Следственного комитета РФ «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью оперативно-розыскной деятельности в условиях военного положения». В

данном межведомственном приказе, учитывая специфику правового режима военного положения, должны учитываться и раскрываться следующие указания и предписания: установлена искомая цель и задачи межведомственного взаимодействия; определены ответственные лица из числа руководящего состава ведомств-участников, их права и обязанности; закреплены основания для осуществления надзорной деятельности и предмет надзора; обозначены меры ведомственного контроля за законностью и эффективностью принимаемых в ОРД решений; определены правила и порядок обмена между ведомствами информацией, имеющей значение для принятия оперативно-розыскных решений и проверки их законности уполномоченными прокурорами; обозначены и детализированы особенности применения такой утвердившейся в правоприменительной практике формы прокурорского надзора, как выявление нарушений закона при осуществлении ОРД, а также причин и условий, им способствующих; предусмотрена оперативность в устранении нарушений закона при осуществлении ОРД, указаны меры прокурорского реагирования; предусмотрены меры, обеспечивающие защиту от разглашения сведений, содержащихся в материалах оперативно-розыскного характера (например, изучение дел оперативного учета в специальных помещениях МВД по ЛНР); введена особая система отчетности по выявленным нарушениям и злоупотреблениям в сфере ОРД с дальнейшим обобщением и анализом соответствующих сведений; учтена обязательность уведомления ведомств-участников о результатах анализа состояния работы по надзору за законностью ОРД, в том числе типичных нарушениях и ошибках, принимаемых в этой сфере решений, а также об эффективности принятых уполномоченными прокурорами мер реагирования на нарушения законодательства Российской Федерации.

Список литературы

1. Бабичев Д.А. Решения в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография / Д. А. Бабичев; Костром. гос. ун-т. – Кострома, 2019. – 264 с.
2. О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей: Указ Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 756 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190002> (дата обращения: 27.08.2023).
3. О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/7d26c4e1754d86f891581f27b402a422efd344e0/ (дата обращения: 27.08.2023).

ПРЕСТУПНИКОМ НЕ РОЖДАЮТСЯ, А СТАНОВЯТСЯ? АНАЛИЗ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ Ч. ЛОМБРОЗО

Букреева С. С., Кошелева А. М.

АНПОО «Донецкий экономико-правовой кооперативный техникум
имени Н.П. Баллина», г. Донецк, РФ
Svetka-kotenok36@inbox.ru

Введение. Дефект – это физический или психологический недостаток, который образует отклонения от нормального развития человек. По происхождению дефекты бывают прирождёнными и приобретённые.

Основная часть. Теорию «Прирождённого преступника» объяснил итальянский врач-психиатр, профессор судебной медицины Чезаре Ломброзо придя к такому выводу, что преступления совершают люди с определённой внешностью и характером. Как правило, преступники имеют врождённые физические и психологические дефекты. [2, с. 24]

Психологические отклонения играют не мало важную роль в личности преступника. Роль психологических отклонений заключается в том, что:

1. во-первых, психические аномалии провоцируют раздражительность, агрессивность и жестокость, которые способствуют совершению насильственных преступлений;

2. во-вторых, психические аномалии снижают волевые процессы, повышают внушаемость, ослабляют действие контрольных механизмов психики и тем самым облегчают переход к преступному поведению.

Будет человек преступником или нет – зависит только от его врождённой предрасположенности. Ч. Ломброзо выделил ряд физических признаков, которые, по его мнению, характеризуют личность, с рождения наделенную преступными наклонностями (рис. 1).

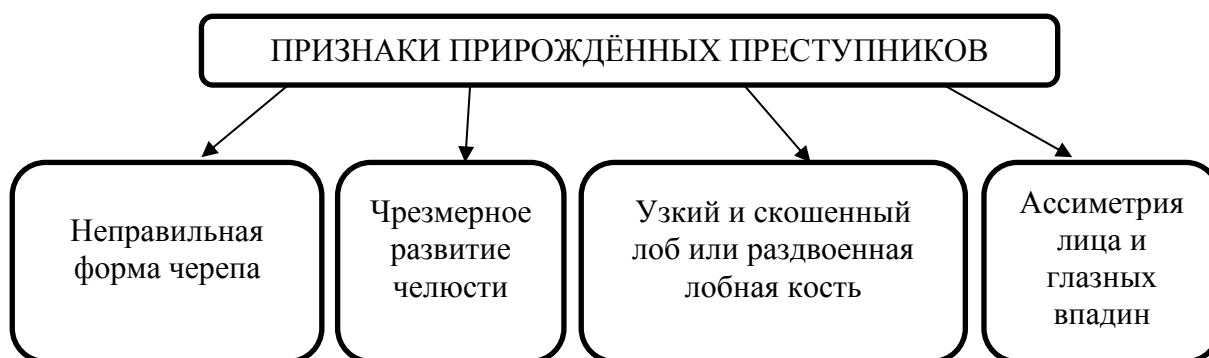

Рис. 1. Признаки прирожденных преступников, по мнению Ч. Ломброзо

Также Ломброзо отметил, что рыжие преступники встречаются крайне редко. Чаще всего преступления совершают брюнеты и шатены.

Брюнеты предпочитают воровать или заниматься поджогами, а шатены склонны к убийствам. Блондины иногда встречаются среди насильников и мошенников. Для каждого человека свойственны свои прирождённые и приобретённые, уникальные свойства и особенности, что свойственно и преступникам [3, с. 157].

Ломброзо разработал концепцию «атавистических», или врожденных, уголовников, основываясь на антропометрических измерениях. Хотя научная обоснованность концепции была поставлена под сомнение другими криминологами, достижения Ломброзо способствовали переключению внимания с правового изучения преступности на научное изучение преступника. Эта новая научная криминология основывалась на экспериментальном методе эмпирического обнаружения и исследования фактов. Получение знаний стало основываться на тщательных длительных систематических наблюдениях и научном анализе.

В своих поздних работах Ломброзо различал врожденных правонарушителей и тех, кто нарушил закон по обстоятельствам. Он отмечал важность разделения этих типов с точки зрения эффективности наказания, выступал за гуманное отношение к преступникам и ограничение применения смертной казни.

Главными факторами, которые влияют на образ жизни преступников, является:

1. Одиночество и отвержение обществом человека. Такой фактор проявляется у человека ещё в раннем детстве, когда ребёнок чувствует ненужность и одиночество, что влияет на дальнейшее общение со сверстниками, а в дальнейшем и на общение уже взрослом возрасте. У человека развивается замкнутость и агрессия, такие люди плохо вливаются в общество и не уважают его законы [4, с. 57].

2. Неуверенность в себе. Неуверенность в себе у личности развивается с раннего детства, под давлением родителей и агрессией сверстников. Что в дальнейшем послужит самоутверждением ребёнка за счёт других, что и приводит к нарушению законов.

3. Определённые психологические мотивы. Иногда люди пытаются вернуть справедливость не совсем правильными методами, такими как месть или же ревность, не осознавая, что таким образом нарушают закон.

4. Психологические болезни. Иногда психические расстройства у человека сложно верифицировать. К примеру, человек страдает kleptomанией и совершает мелкие кражи. Однако подтвердить эту болезнь у человека достаточно трудно. Бывают и тяжёлые психологические болезни, что подталкивают людей на преступления [1, с. 33].

В центр своих исследований Ч. Ломброзо поставил преступника, изучению которого, по мнению ученого, его предшественники уделяли недостаточно внимания. Его слова, которые в последствии стали основой других теорий девиантного поведения: «Изучайте личность этого

преступника – изучайте не отвлеченно, не абстрактно, не в тиши вашего кабинета, не по книгам и теориям, а в самой жизни: в тюрьмах, больницах, в полицейских участках, в ночлежных домах, среди преступных обществ и шаек, в кругу бродяг и проституток, алкоголиков и душевнобольных, в обстановке их жизни, в условиях их материального существования. Тогда вы поймете, что преступление есть не случайное явление и не продукт «злой воли», а вполне естественный и наказанием не предотвратимый акт. Преступником не становятся, а рождаются».

Заключение. Таким образом, установление характерных свойств и особенностей личности конкретного преступника имеет большое практическое значение как на стадии расследования преступления, так и в процессе рассмотрения уголовного дела в суде, что способствует более правильной индивидуализации наказания. Но мое мнение расходится с теорией Ч. Лоброзо, я считаю, что преступниками становятся в результате неправильного воспитания и отношения родителей. Что развивает у ребёнка неуверенность и проблемы в общении со сверстниками, что в будущем сыграет важную роль в развитии личности.

Список литературы

1. Алиев М.К. Преступность как особая форма негативного девиантного поведения // Право и практика. – 2015. – № 4. – С. 4-8.
2. Антонян Ю.М. Изучение личности преступника. – М.: Норма, 2005. – С. 346.
3. Блувштейн Ю.Д. Понятие личности преступника // Советское государство и право. – М.: Наука, 1979. – № 8. – С. 97-102.
4. Долгова А.И. Изучение личности преступника // Советское государство и право. – 1978. – № 6. – С. 257-268.

УДК 343.13

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, УЧИТЫВАЕМЫХ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гапотченко Г. Н., канд. юрид. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
gapot4enko63@mail.ru

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена значительным количеством событий, произошедших за последние несколько лет на территории Российской Федерации, в результате которых имелись множественные человеческие жертвы, и которые вызвали

широкий общественный резонанс и неоднозначную оценку в обществе. По каждому из таких событий были возбуждены уголовные дела по различным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). По многим таким делам уже состоялись судебные рассмотрения, и виновные приговорены к различным видам наказания.

В то же время, отдельные вопросы вызывает правовая регламентация обстоятельств, которые учитываются при избрании меры пресечения в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ). Полагаем, что они требуют дальнейшего усовершенствования и конкретизации.

Цель. Целью данного исследования является анализ уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ по данной теме, и внесение соответствующих рекомендаций в действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ.

Основная часть. Необходимо отметить, что ч. 1 ст. 99 УПК РФ довольно полно регламентирует обстоятельства, которые учитываются при решении вопроса об избрании меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого:

– тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства [1].

Вместе с тем, изучение и анализ конкретных резонансных событий, в результате которых имелись множественные человеческие жертвы, и которые затем были квалифицированы как преступления, показывают, что отдельные обстоятельства, которые учитываются при избрании меры пресечения, требуют дополнения и усовершенствования.

В качестве примеров приведём лишь некоторые из указанных выше событий, данные о которых имеются в свободном доступе, в порядке их хронологии.

5 декабря 2009 г. в результате пожара в клубе «Ночная лошадь» в г. Пермь жертвами стали 156 человек и ещё около 100 человек получили травмы различной степени тяжести. Официально потерпевшими по делу было признано 404 человека. В ходе расследования все 8 фигурантов данного дела (совладелец кафе, пиротехник, инспекторы Госпожнадзора по Ленинскому району г. Перми и другие) были признаны Ленинским районным судом г. Перми виновными по различным статьям УК РФ в зависимости от содеянного: оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц; халатность, и им назначены наказания в виде лишения свободы на различный срок [2].

25 ноября 2021 года на шахте «Листвяжная», принадлежащей компании АО ХК «СДС-Уголь» (Кемеровская область, Россия) произошел взрыв. В результате происшествия погиб 51 человек, 106 человек

пострадали. Среди погибших – 5 спасателей, участвовавших в горноспасательных работах.

27 ноября этого же года решением Центрального районного суда города Кемерово были арестованы директор шахты С. Махраков, его заместитель А. Молостов и начальник участка шахты С. Герасименюк. Также были арестованы государственный инспектор Ростехнадзора В. Семькин и инспектор Ростехнадзора С. Винокуров, которые составили акты о проверке вентиляционного штрека без проведения самой проверки. Впоследствии Беловский городской суд признал их виновными в совершении различных преступлений (дача взятки должностному лицу через посредника за совершение бездействия; получение взяток и др.), несмотря на то, что некоторые из них так и не признали свою вину [3].

14 августа 2023 г. загорелся автосервис на трассе в г. Махачкала, в результате которого пострадали 105 человек, из которых 35 погибли, в том числе дети. 15.08.2023 г. Следственный Комитет России по Республике Дагестан возбудил уголовное дело по данному факту по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, повлекшие по неосторожности смерть двух или более лиц). Суд арестовал одного из обвиняемых по делу – Э.Насрулаева, которому, по версии следствия, принадлежала сдетонировавшая после пожара селитра, которая хранилась в помещении автосервиса [4].

Анализируя все приведенные выше примеры, их можно объединить по тяжести наступивших последствий, которые в соответствии с п. «б» ст. 63 УК РФ признаются отягчающими обстоятельствами. В то же время, анализ самих преступлений свидетельствует о том, что по отдельным из них обвиняемые не имели прямого умысла по отношению к наступившим тяжким последствиям. При этом, практически по всем из них в отношении подозреваемых (обвиняемых) судом была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Учитывая, что все из них имели постоянное место жительства на территории Российской Федерации, не скрывались от органов предварительного расследования и суда (п. 1–п. 4) ч. 1 ст. 108 УПК РФ «Заключение под стражу», полагаем, что именно наступление тяжких последствий в результате совершения указанных выше преступлений, стало одним из определяющих обстоятельств при избрании судом меры пресечения именно в виде заключения под стражу.

В то же время, ч. 1 ст. 99 УПК РФ, о которой мы указывали ранее, не содержит указанное обстоятельство. Полагаем, что норма данной статьи УПК РФ требует конкретизации, и предлагаем ч. 1 ст. 99 УПК РФ изложить в следующей редакции.

1. При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления

и определения ее вида при наличии оснований, дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом.

при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью.

При этом также должны учитываться тяжесть преступления, наступление тяжких последствий в результате совершения преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства.

Заключение.

1. Нормы ч.1 ст.99 УПК РФ содержат исчерпывающий перечень обстоятельств, которые учитываются при избрании меры пресечения. При этом, такое обстоятельство, как наступление тяжких последствий в результате совершения преступления, в ней не указано.

2. Предлагаем конкретизировать нормы ч. 1 ст.99 УПК РФ и изложить её в указанной выше редакции.

Указанные предложения не являются исчерпывающими и требуют дальнейшего научного исследования.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу 11.08.2023) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/9b1573b9df039600cc96814def0c263af0d0f545/ (дата обращения 19.09.2023).
2. Все 8 фигурантов дела о пожаре в «Хромой лошади» признаны виновными. – Текст: электронный. РБК (rbc.ru). – URL: <https://www.rbc.ru/society/30/04/2013/570407d09a7947fcbd448783> (дата обращения 19.09.2023).
3. Взрыв на шахте «Листвяжная» (2021). – Текст: электронный. РБК (rbc.ru). – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B7%D1%80%D1%8B%D0%B2_%D0%BD%D0%B0_%D1%88%D0%B0%D1%85%D1%82%D0%B5_%C2%AB%D0%9B%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%8F%D0%B6%D0%BD%D0%B0%D1%8F%C2%BB_\(2021\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B7%D1%80%D1%8B%D0%B2_%D0%BD%D0%B0_%D1%88%D0%B0%D1%85%D1%82%D0%B5_%C2%AB%D0%9B%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%8F%D0%B6%D0%BD%D0%B0%D1%8F%C2%BB_(2021)) (дата обращения 19.09.2023).
4. В эпицентре пожара оказались дети: хронология взрыва в Махачкале. – Текст: электронный. – URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/27542/4808873/> (дата обращения 19.09.2023).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЖАЛОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ, ОРГАНА ДОЗНАНИЯ, ПРОКУРОРА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Гапотченко Г. Н., канд. юрид. наук, доц., *Безкоровайная А. П.*
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
gapot4enko63@mail.ru, na_na222014@mail.ru

Введение. Право на обжалование в уголовном судопроизводстве имеет особое значение, потому что оно позволяет защитить права и интересы человека, обвиняемого в совершении преступления. Без этого возможны неправомерные действия со стороны органов следствия и суда. Принцип обжалования закреплен в статье 19 УПК РФ и гарантирует, что лицо, чьи права были нарушены в процессе расследования или предъявления обвинения, имеет возможность обратиться в более высшие инстанции с целью восстановления своих прав и исправления ошибок, допущенных в процессе уголовного судопроизводства. Порядок обжалования процессуальных действий и решений органов следствия и должностных лиц регулируется уголовно-процессуальным законодательством РФ. Лицо, чьи права были нарушены, может обратиться в вышестоящий орган, прокурору или в суд с жалобой, где будет рассмотрено обоснованность действий и принятие решений органов нижестоящих инстанций [1].

Цель. Целью данного исследования является анализ института обжалования действий и решений следователя, органов дознания и прокурора при расследовании уголовных дел и определение его сущности и современного состояния. В ходе исследования будет проведен анализ правовых аспектов, регулирующих процесс обжалования. На основе полученных результатов будут разработаны и обоснованы рекомендации по повышению значимости и эффективности института обжалования. Целью этих рекомендаций будет обеспечение справедливого судебного процесса, защиты прав граждан и обеспечение эффективной работы правоохранительных органов. Исследование будет основано на анализе нормативных актов, судебной практики в области обжалования решений следователя и органов дознания.

Основная часть. Понятие «жалоба» и «обжалование» является одним из ключевых аспектов в рассмотрении вопросов о принципе обжалования процессуальных действий и решений на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Принцип обжалования полностью реализуется на всех стадиях уголовного судопроизводства, при этом каждая стадия обжалования имеет

свои специфические особенности, касающиеся предмета жалобы, участников, имеющих право на подачу и разрешение жалобы, порядка обжалования и вопросов обеспечения права участников процесса на жалобу. Изучение аспектов реализации принципа обжалования на досудебном этапе уголовного процесса является необходимым, поскольку это касается и ограничения прав и интересов широкого круга лиц. Отсутствие единых подходов в теории уголовного процесса не способствует единообразному применению норм обжалования на практике органов дознания и предварительного следствия, что часто приводит к необоснованным ограничениям прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

В анализе прав граждан на обжалование, можно выделить следующие признаки:

1. Жалоба всегда имеет официальный характер и представляет собой одну из формы взаимодействия граждан с государственными органами и их представителями.

2. Основной целью жалобы является защита нарушенных прав и интересов граждан, а также выражение неудовлетворенности в связи с этими нарушениями.

3. Жалоба направлена на достижение защиты и восстановления нарушенных прав [2].

В отличие от других форм обращения, жалоба содержит требования граждан по восстановлению нарушенных прав. Указанные выше признаки являются общими для жалобы, возникающих во всех сферах государственной деятельности. Кроме того, следует отметить, что отношения, которые возникают при принятии и разрешении жалоб, связанных с процессуальными действиями, бездействием и принятием решений уголовно-процессуальных органов на предварительной стадии уголовного процесса, регулируются уголовно-процессуальным правом и относятся к сфере уголовно-процессуальных отношений. В связи с этим, выделяются следующие признаки, которые характеризуют жалобу как:

1. Подробное законодательное регламентирование.

2. Возможность обратиться только в случае нарушений, допущенных в рамках уголовно-процессуальных правоотношений.

3. Определенный круг субъектов, которые могут обратиться для разрешения жалоб.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что жалоба в досудебном уголовно-правовом производстве представляет собой законное требование лица, участвующего в уголовном судопроизводстве, к прокурору или суду, о устранении реального или предполагаемого нарушения его прав и законных интересов, допущенного следователем, органами дознания или прокурором при рассмотрении определенных заявлений, а также в процессе расследования уголовного дела.

Подача жалобы представляет собой осуществление права на обжалование в досудебном процессе. Порядок подачи жалобы прокурору, руководителю следственного органа или в суд согласно статье 125 УПК РФ регламентируется статьей 124 УПК РФ. Считаем, что ограниченное законодательное регулирование процедур обжалования в УПК РФ, а также недостаточно четкое разграничение прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля в досудебном процессе оставляют место для злоупотребления правом на обжалование и требуют внимания законодателя для решения этой проблемы.

Заключение.

1. Отношения, которые складываются при принесении и расследовании жалоб на определенные действия, а также решения органов, осуществляющих производство в досудебных стадиях уголовного процесса, являются по своей правовой природе уголовно-процессуальным и регулируется нормами внутриотраслевого уголовно-правового института обжалования.

2. Жалобой в досудебной стадии уголовного процесса является основанное на уголовно законе и обращенное к надлежащим органам уголовного производства требование лица, участвующего в уголовном судопроизводстве, об устранении действительного либо предполагаемого нарушения его прав и законных интересов, допущенного следователем, органами дознания и прокурора при проверке заявлений и сообщений о противоправных деяниях, а также в процессе расследования уголовного дела.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/3911b8a97895714db18d9b21fea27d1667ddfe4e/ (дата обращения 10.09.2021).
2. Хаманева Н.Ю. Обжалование в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан России // Государство и право. – 1993. – № 11.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О КРАЖАХ

Гапотченко Г. Н., канд. юрид. наук, доц., *Зарочинцев Д. Р.*
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
gapot4enko63@mail.ru, fgppdla@mail.ru

Введение. В ходе проведения предварительного следствия по делам о кражах важным является установление каждого обстоятельства, которое в соответствии со статьей 73 Федерального закона от 18.12.2001 № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – УПК РФ) является обязательным для достижения результата предварительного следствия – квалификации совершенного преступления для последующей передачи уголовного дела в суд для разрешения вопроса о виновности лица.

Цель. Целью данного исследования является анализ уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ по данной теме, и внесение соответствующих предложений в действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ.

Основная часть. Как отмечает в своей работе Литовченко Е.Б., кража является тайным хищением чужого имущества, и именно потому проведение расследования кражи является проблематичным, даже если известны подозреваемые лица [1].

Так, при кражах из помещений и автомобилей остаются преимущественно материальные следы преступления (орудий взлома, рук, обуви и др.). Почти не остается следов при совершении краж личного имущества, которые не связаны с проникновением в помещение (карманные кражи). Раскрыть их иногда удается лишь с помощью оперативно-розыскных средств и методов. Значительную часть краж совершают подростки, а также лица, злоупотребляющие алкоголем и наркотиками, чтобы добыть необходимые для этого средства. Характерно, что после возвращения из мест лишения свободы они вновь совершают кражи теми же способами [2].

Как уже было сказано ранее, в ходе производства предварительного следствия по уголовному делу, доказыванию подлежат обстоятельства, перечисленные в статье 73 УПК РФ, а именно:

- 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;

- 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- 5) обстоятельства, исключаящие преступность и наказуемость деяния;
- 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;

Для установления события преступления необходимо установить:

- а) имело ли место в действительности определенное событие;
- б) возникло ли оно в результате деятельности человека или явилось следствием природных сил;
- в) время его возникновения, особенности развития, наступившие последствия;
- г) наличие причинной связи между действиями конкретного лица и наступившими последствиями;
- д) подпадает ли исследуемое событие под признаки конкретного состава преступления, предусмотренного УК РФ [3].

При рассмотрении вопроса о форме вины лица, необходимо учитывать, что уголовная ответственность за кражу наступает только при умышленной форме вины, выраженной в виде прямого умысла.

Отдельного рассмотрения требуют обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

В связи с тем, что к преступлению в виде кражи могут относиться различные причины совершения такого преступления, независимо от того, что само по себе преступление является корыстным, необходимо учитывать множество факторов, предшествовавших совершению указанного преступления, а также, непосредственно, личность обвиняемого.

В своей статье, посвященной вопросу об обстоятельствах, отягчающих и смягчающих наказание указывает Плотникова Э. Д. указывает, что чаще всего при определении смягчающих и отягчающих обстоятельств, как определённых факторов при принятии решения о назначении наказания, Уголовный кодекс Российской Федерации дает правовую возможность не один раз учитывать такие обстоятельства, которые связаны с общественной опасностью преступления, а также личностью лица, и именно это чаще всего приводит к злоупотреблениям, а также субъективизму при вынесении наказания и может нивелировать все требования законности и справедливости закона» [4].

Также, в связи с тем, что кража является преступлением против собственности, не менее важным является правильное определение фактической стоимости похищенного имущества для наиболее правильной квалификации преступления.

Исходя из нормы статьи 158 УК РФ, уголовная ответственность за совершение кражи наступает независимо от размера причиненного

ущерба, однако статья также содержит виды квалифицированных составов преступления, которые включают такие понятия, как «значительный ущерб», который определяется с учетом имущественного положения потерпевшего, но не может составлять менее пяти тысяч рублей, «крупный ущерб», который составляет двести пятьдесят тысяч рублей, «особо крупный ущерб», сумма которого превышает один миллион рублей.

Кочои С.М. в своей статье, посвященной хищению чужого имущества, ссылаясь на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, отмечает, что при определении причиненного ущерба необходимо учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и другие факторы [5].

В связи с этим также хотелось бы отметить, что размер ущерба определяется не только на основании себестоимости похищенного имущества, но и от его духовно-культурных, и иных характеристик, которые могут кратно увеличивать его стоимость в глазах отдельных лиц.

Также, не принимая во внимание предметы отдельных лиц, для которых таковые могут иметь сакральное значение, стоит привести в пример предметы искусства и архитектуры, которые несмотря на свою незначительную себестоимость, при краже, могут претендовать на квалификацию преступления в особо крупном размере. Отдельного внимания также требуют права интеллектуальной собственности на интеллектуальный труд, выраженный в информации, записанной на физическом носителе, которая при определенных обстоятельствах также может иметь кратную высокую денежную оценку относительно носителя, на котором она записана.

Заключение. Таким образом, при расследовании уголовных дел о кражах, необходимо учитывать множество факторов и явлений, которые так или иначе влияют на квалификацию преступления, и которые, в свою очередь, определяют ответственность лиц, совершивших таковые преступления.

Список литературы

1. Литовченко Е.Б. – Особенности доказывания неочевидных краж, науч. статья, Вестник ЮУрГУ № 6, 2011. – С. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dokazyvaniya-neochevidnyh-krazh/viewer> (дата обращения: 24.09.2023)
2. Князькова, Т. С. Типичные следственные ситуации и алгоритм действий следователя на первоначальном этапе расследования краж / Т. С. Князькова. – Текст : непосредственный // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). – Казань : Бук, 2016. – С. 267-269. – URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/181/10471/> (дата обращения: 24.09.2023)
3. Комментарий к Уголовно- процессуальному кодексу РФ. /под ред. А.Я. Сухарева. Изд. 2-е, перераб. М: Норма, 2004. – С.152.

4. Плотникова Э.Д. Обстоятельства, отягчающие и смягчающие наказание в уголовном законодательстве России // Бюллетень науки и практики, науч. журнал. – № 1. – 2016. – С. 11 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obstoyatelstva-smyagchayuschie-i-otyagchayuschie-nakazanie-v-ugolovnom-zakonodatelstve-rossii/viewer> (дата обращения: 24.09.2023).
5. Кочои С.М. – Хищение чужого имущества: значение категорий «размер» и «ущерб» // Вестник Нижегородской академии МВД России. – № 3. – 2017. – С. 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hischenie-chuzhogo-imuschestva-znachenie-kategoriy-razmer-i-uscherb/viewer> (дата обращения: 24.09.2023)

УДК 343.13.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Гапотченко Г. Н., канд. юрид. наук, доц., *Мамунц В. А.*
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
gapot4enkob3@mail.ru, mamunts.aalera@gmail.com

Введение. Правовое регулирование процедуры уголовно-процессуального доказывание постоянно совершенствуется. В то же время, доказывание остается относительно консервативным институтом, однако в нем проявляются особенности модели уголовной юстиции, принципы правосудия, такие как состязательность сторон, роль суда в процессе доказывании и содержание стадий уголовного процесса. Не только право, но и практика его применения, следственная и судебная практика, а также практическое понимание допустимости и достаточности доказательств подвержены изменениям.

Цель. Непосредственно для достижения данной цели будут выполнены следующие задачи: анализ текущего состояния института доказывания, также будут исследованы проблемы, недостатки и ограничения, которые могут снижать его значимость и эффективность. На основе проведенного анализа будут предложены конкретные меры и действия, которые, в свою очередь, могут улучшить работу института, увеличить его значимость и эффективность. В итоге данного исследования ожидается получить понимание сущности и состояния института доказывания, а также разработать рекомендации, которые могут помочь повысить его значимость и эффективность.

Основная часть. Допустимость доказательств в уголовном процессе означает, что данное доказательство получено в соответствии с законом и может быть использовано для подтверждения или опровержения обвинений. Она является основополагающим принципом уголовного

процесса, направленным на защиту прав и свобод граждан, а также обеспечение справедливости процесса.

Однако, уголовно-процессуальный закон РФ не определяет содержание и конкретные критерии допустимости доказательств. Данная проблема требует дальнейшего развития и уточнения в законодательстве и судебной практике.

Одной из основных проблем вопроса допустимости доказательств является вопрос о легитимности получения этих доказательств. Есть методы и приемы сбора информации, которые не отвечают нормам закона, в таком случае полученные доказательства считаются недопустимыми.

Кроме того, судебная практика должна учесть и развивать новые технологии сбора и использования доказательств, например, связанные с использованием информационных технологий и цифровыми данными. В уголовно-процессуальном законодательстве данные свойства только упоминаются в некоторых статьях, которые, в свою очередь, регламентируют оценку доказательств, однако содержание этих свойств не раскрыто. В ст. 74 УПК РФ установлено, что доказательство по уголовному делу должно обладать свойством допустимости [2].

Процессуальный кодекс не определяет сущность содержания данного термина, однако в ч. 1 ст. 75 УПК РФ, а также в ч. 2 ст. 50 Конституции РФ прописано утверждение о том, что допустимость доказательства выступает получением доказательств в соответствии с законом [1].

В ч. 1 ст. 75 УПК РФ сказано, что недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств предмета доказывания.

Таким образом, допустимость доказательств в уголовном процессе является важным свойством, которое обеспечивает справедливость и законность процесса. Но законодательство нуждается в усовершенствовании: требуется дальнейшая разработка норм, которые определяют критерии допустимости доказательств, с учетом современных научных достижений и практики.

Недопустимыми доказательствами являются:

а) протоколы следственных действий, которые непосредственно оформлены с определенными нарушениями требований УПК РФ, а также вызывают сомнения в добросовестности лица, проводившего следственные действия;

б) результаты следственных действий, которые были проведены с грубыми нарушениями принципов уголовного судопроизводства, а также требований ст. ст. 164-166 УПК РФ, в частности, определенные показания, полученные под угрозой психического, либо физического насилия;

в) доказательства, которые были сформированы на основании результатов оперативно-розыскной деятельности, а также иной правовой деятельности, проведенной с нарушением федерального закона;

г) иные доказательства, полученные с нарушением требований федерального закона, которые ущемляют важнейшие права участников уголовного судопроизводства, противоречащие принципам уголовного судопроизводства.

Заключение.

1. Допустимость доказательств в уголовном процессе играет существенную роль в обеспечении справедливости и законности всего судопроизводства. Она гарантирует, что доказательства получены в соответствии с законом, и могут быть использованы для подтверждения или опровержения обвинений.

2. Проблема отсутствия конкретного определения и критериев допустимости в уголовно-процессуальном законодательстве РФ требует дальнейшего исследования и уточнения.

3. Необходимо учитывать и развивать новые технологии сбора и использования доказательств, а также обеспечивать легитимность процесса и законность получения информации. Недопустимые доказательства не могут быть использованы в основе обвинения или для доказывания обстоятельств предмета доказывания.

4. Развитие норм и критериев допустимости доказательств с учетом современных научных достижений и практики является неотъемлемым шагом для обеспечения справедливости уголовного процесса.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (дата обращения 10.09.2021).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/3911b8a97895714db18d9b21fea27d1667ddfe4e/ (дата обращения 10.09.2021).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу 11.08.2023). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/9b1573b9df039600cc96814def0c263af0d0f545/ (дата обращения 19.09.2023).

ОЧНАЯ СТАВКА КАК СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Глизнуца А. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.gliznutsa@donnu.ru

Введение. Принятие в сентябре 2022 года Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации стало новым этапом в реализации государственной функции обеспечения криминологической безопасности общества. В свою очередь последующее развитие в нашем государстве правовой доктрины в целом и научных основ криминалистической тактики, в частности, является необходимым условием повышения эффективности следственной деятельности. Совершенствование криминалистической тактики, как системы научных положений, обеспечивающих получение доказательственной информации, определяет важность разработки тактики проведения отдельных следственных действий. К таковым относится очная ставка – процессуальное действие, направленное на устранение противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц.

Цель – наличие запроса правоприменителей на теоретически-обоснованные рекомендации, которые могли бы способствовать эффективности и повышению качества процесса расследования и раскрытия противоправных уголовно наказуемых деяний, а также разработка системы научно обоснованных предложений по совершенствованию тактико-психологических основ проведения очной ставки.

Основная часть. Генезис института очной ставки как следственного действия представляет интерес с точки зрения выявления ее аксиологического значения и сущностного содержания. Объективное познание действующего уголовно-процессуального законодательства в части регламентации института очной ставки и правоприменительной практики может быть полным и объективным при условии всестороннего изучения вопроса его становления и эволюции.

Понятие «очная ставка», представленное в Советском энциклопедическом словаре можно охарактеризовать как «классическое», воссозданное правотворцем в нормах уголовно-процессуального законодательства [1].

Очная ставка – процессуально-информационный пример получения доказательственных и информационных сведений в различные эпохи.

Изучение памятников права, специальных научных источников, к которым можно отнести тексты монографий, статей, учебников и учебных

пособий – свидетельствует о том, что институт очной ставки развивался во взаимосвязи с возникновением, генезисом, функционированием различных государственно-правовых явлений. К таковым, прежде всего, стоит отнести досудебное следствие и судопроизводство по уголовным делам, а также совершенствование криминалистической тактики.

Догосударственный период характеризуется наличием элементов института досудебного следствия, а значит и очной ставки. Коллективное сосуществование в первобытнообщинном строе требовало от членов такого общества соблюдения определенных правил поведения общего характера. Установлению истины, изобличению виновных в совершении того или иного деяния, которое являлось наказуемым, служили, так называемые, «ордалии».

Первые сведения о применении средств и способов борьбы с преступностью закреплены в законах вавилонского царя Хаммурапи (1752–1750 г.г. до н.э.), в которых предписано использование документов как способа доказывания. В тексте Древнеримских законов XII таблиц (451–449 г.г. до н.э.) была предусмотрена возможность проведения обысков. Законы Ману Древней Индии (II ст. до н.э.–I ст. н.э.) устанавливали требование коллегиального процесса, а в отдельных случаях – вещественных доказательств. Ключевыми источниками доказательств были показания свидетелей и признание обвиняемым своей вины [2].

Во времена Киевской Руси, правовые вопросы решались судебным поединком при помощи ордалий по правилам, прописанным в Русской Правде. Анализ данного источника архаичного права свидетельствует о нормативно-правовом закреплении в нем очной ставки как следственного действия: «...иди на очную ставку, объяви, у кого взял, с тем и стань с очей на очи» [3]. Кроме того, фактическому и безапелляционному установлению вины лица служили физиологические показатели во время допроса и очной ставки: увеличение давления, сухость во рту, покраснение лица – возникающих из-за переживаний по поводу возможного изобличения.

Следует отметить наличие общности между Русской Правдой и Салической правдой. Это, прежде всего, соревновательность процесса, применение показаний свидетелей, ограничение старых обычаев, отсутствие четкого разграничения на материальное и процессуальное право. Досудебное расследование дела не производилось. Процесс велся сторонами, которые осуществляли сбор и предоставление необходимых доказательств, на основании чего дело и подлежало рассмотрению по существу. В качестве доказательств применялись свидетельства послухов (по делам об убийстве – в количестве семи, по другим делами против личности – двух). В качестве средств исследования дела применялся, так называемый, «свод» и «гонение следа». Для настоящего исследования интерес представляет именно применение «свода», ввиду того, что он

являлся очной ставкой между потерпевшим и лицами, через руки которых прошла потерянная им вещь.

Очная ставка – одно из первых процессуальных действий, известных как российскому, так и европейскому судопроизводству, его становление и развитие находилось в тесной связи с насильственными приемами получения показаний, получаемых при помощи пыток. Так, в Древнем Риме уголовный процесс характеризовался карательным уклоном: пытки при производстве допросов, очных ставок были основным средством получения показаний от свидетелей и обвиняемых. При этом, важно отметить, что поводом для применения пыток были факты противоречий, вменяемых в вину допрашиваемому лицу [3].

Увеличение количества нормативных правовых актов, регламентирующих применение приемов и средств борьбы с преступностью, а также правоприменительная практика требовали систематизации действующих норм, более детального описания порядка производства следствия. Это стало объективной предпосылкой необходимости теоретического исследования организации и тактики проведения следственных действий.

Подробный обзор нормативной базы проведения очной ставки в ее историческом развитии изложен в монографическом исследовании А. К. Давлетова [4]. Данная работа представляет интерес в части регулирования института очной ставки в СССР. Так, автор отмечает, что в следственной практике имела место неполнота процессуальной регламентации очной ставки по УПК РСФСР 1922 и 1923 г.г. Вместе с тем такие пробелы в законодательстве были устранены путем принятия УПК союзных республик в период 1959-1961 г.г.

Таким образом, генезис института очной ставки можно условно разделить на два этапа, которые, в свою очередь, закрепляют дуальность ее сущности как следственного действия в рамках уголовного процесса и в рамках криминалистической тактики.

Заключение. Ретроспективный анализ возникновения и развития очной ставки как следственного действия, его законодательного становления свидетельствует об устоявшемся подходе, согласно которому, основания и правила проведения очной ставки сводятся к требованиям о количестве ее участников, об участии определенной категории лиц – ранее допрошенных, наличии в их показаниях существенных противоречий, устранение которых предполагается возможным в ходе ее проведения.

Список литературы

1. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 1633 с.
2. Криминалистика: учебник / под ред. Е. П. Ищенко – изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2006. – 748 с.

3. Омельченко, О. А. Римское право: учебник / О. А. Омельченко. – изд. 2-ое, испр. и доп. – М.: ТОН. – Остожье, 2000. – 208 с.
4. Давлетов, А. К. Очная ставка на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. К. Давлетов. – Ленинград, 1961. – 17 с.

УДК 343.140.02

СУЩНОСТЬ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Гулина С. Н., Новикова И. А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
s.gulina@donnu.ru

Введение. Процесс доказывания, являясь наиболее значимым компонентом, необходимым для решения задач уголовного процесса, предполагает разрешение дела по существу. Такое разрешение возможно только при знании того, что для этого необходимо. Актуальность темы исследования заключается в том, что указанной необходимостью выступает совокупность обстоятельств, именуемая предметом доказывания, без установления которого невозможным будет полное и всестороннее разрешение дела по существу.

Цель данного исследования – выявить сущность предмета доказывания через определение значения его понятия и через характеристику некоторых входящих в него обстоятельств, поскольку предмет доказывания позволяет провести наиболее полное расследование уголовного дела.

Основная часть. Доказывание в уголовном судопроизводстве направлено прежде всего на установление определённого круга обстоятельств. Данные обстоятельства, как мы уже упоминали выше, очень важны для полного разрешения уголовного дела. Собственно, они и являются собой предмет доказывания по уголовному делу в своей совокупности. Стоит отметить, что вопрос о понятии «предмет доказывания» в уголовном процессе является достаточно дискуссионным и высказывает неоднозначные научные мнения. К примеру, такой отечественный учёный-правовед как О.В. Левченко считает, что предмет доказывания представляет собой программу по конкретному уголовному делу состоящую из конкретных фактов и обстоятельств. Другой учёный, например доктор юридических наук – А.С. Кобликов, говорит о том, что предмет доказывания представляет собой совокупность обстоятельств преступления, вменяемого в вину конкретному лицу [1, с. 25-26]. Следует отметить, что предмет доказывания обладает многообразием свойств.

Именно поэтому доказыванию подвергают лишь часть из них. То есть перечень обстоятельств, составляющих предмет доказывания, не может быть разнообразным и постоянно дополняться чем-то новым, поскольку он заранее определен, а соответственно и ограничен законом, в частности Уголовно-процессуальном кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Указанные определение и ограничение предмета доказывания по уголовным делам мы можем найти в статье 73 УПК РФ, где сказано, что при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию: 1) события преступления (куда входят время, место, способ и иные обстоятельства совершения преступления); 2) виновность лиц в совершении преступления, форма их вины и мотивы; 3) обстоятельства, которые характеризуют личность обвиняемого; 4) характер и размер вреда, причинённого преступлением; 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; 7) обстоятельства которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности наказания; 8) обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования организованной группы, терроризма, преступного сообщества.

Предмет доказывания по уголовному делу является общим на всех стадиях уголовного процесса. Мы полагаем верным мнение И. Л. Беднякова, который говорит о том, что «выводы, как результат доказывания на определенной стадии, относительно определенных обстоятельств, входящих в предмет доказывания, не аннулируют необходимость в исследовании этих же обстоятельств на последующих стадиях уголовного процесса» [2, с. 80-81].

Хотелось бы упомянуть, что предмет доказывания обладает своими особенностями, например в: 1) уголовных делах о совершении преступлений несовершеннолетними лицами; 2) уголовных делах о применении к лицу, совершившему противоправное деяние, принудительных мер медицинского характера [3, с. 117]. Особенность предмета доказывания здесь выражается в том, что перечень обстоятельств подлежащих доказыванию в таких уголовных делах будет расширен (установлением возраста несовершеннолетних, уровня психического развития лица и других обстоятельств).

Далее, мы считаем важным охарактеризовать некоторые обстоятельства, входящие в предмет доказывания.

Первое характеризуемое обстоятельство – это событие преступления, под которым понимают, согласно УПК РФ: время, место, способ и иные обстоятельства совершения преступления. Однако, этого недостаточно для

полного понимания сути события преступления. В данный список необходимо включить общественную опасность, виновность и запрещенность уголовным законом преступления, а также наказуемость за преступление [4, с. 90].

Второе характеризующее обстоятельство – это виновность лица в совершении преступления, и ещё форма его вины и мотивы. Понятие виновности выражается в психическом отношении лица к совершенному им деянию, форма вины может выражаться умыслом или неосторожностью, мотив – причина, по которой лицо проявляет преступное поведение.

Третьи характеризующие обстоятельства – такие, которые характеризуют личность виновного. Они делятся на юридические и фактические. К юридическим относятся достижения возраста уголовной ответственности, вменяемость и наличие признаков специального субъекта. Фактические обстоятельства представляют собой обычные данные: ФИО, дата рождения, место рождения, возраст, гражданство лица и так далее.

Четвёртые характеризующие обстоятельства – такие, которые способствовали совершению преступления. Интересен тот факт, что эта группа обстоятельств стоит как бы отдельно от всех остальных, потому что её установление не оказывает прямого влияния на разрешение дела, поэтому её вхождение в общий предмет доказывания говорит о том, что законодатель пытается решить несколько иную задачу – предупреждение преступлений. В эту группу обстоятельств входят разные причины и условия, которые можно сказать помогают совершить преступление (например, это отсутствие камер наблюдения в магазине, что способствует облегчению совершению кражи).

Заключение. Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что предмет доказывания – это базис, на котором строится позиция стороны обвинения и соответственно линия стороны защиты, поскольку доказательства, которые имеются в деле, могут свидетельствовать о виновности лица либо о наличии фактов, которые повлияют на смягчения или отягчение назначенного наказания. К тому же, без установления предмета доказывания невозможно решить ключевые вопросы уголовного процесса, а также полностью и всесторонне разрешить уголовное дело.

Список литературы

1. Караева А. А. Доказывание и доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / А. А. Караева; Оренбургский гос. ун-т. – Оренбург: ОГУ, 2021. – 107 с.
2. Рыжков Д. В. Предмет уголовно-процессуального доказывания: понятие, значение / Д. В. Рыжков // Современная экономика и право: опыт теоретического и эмпирического анализа: Сборник статей II Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 04 июля 2022 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. – С. 79-83.

3. Соркин В. С. Предмет доказывания как уголовно-процессуальная категория / В. С. Соркин // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 116-122.
4. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: учебное пособие / А. А. Давлетов. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. – 348 с.

УДК 343.163

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Гулина С. Н., Руденко В. П.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
s.gulina@donnu.ru

Введение. Актуальность темы данного исследования объясняется тем, что на сегодняшний день имеется достаточное количество проблем, связанных с правильным пониманием сущности и применением правовых средств прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия. Это, мы считаем, существенно влияет на законность деятельности прокурорских работников и вызывает необходимость изучения исходных положений правовых средств надзора.

Цель настоящего исследования – рассмотреть понятие, сущность, классификацию правовых средств прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия.

Основная часть. Прежде всего, правовые средства прокурорского надзора представляют собой объемный массив возможностей, благодаря которому прокуроры, осуществляя свою деятельность по надзору за исполнением законов при производстве дознания и предварительного следствия, могут влиять на законность процессуальных действий по делу. В частности, эти средства предоставляют возможным образом воздействовать на поднадзорных субъектов с целью соблюдения принципа законности при досудебном производстве по уголовным делам.

Стоит отметить, что правовые средства прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия должны применяться прокурорами для обеспечения интересов граждан и государства, для предотвращения, пресечения и выявления нарушений законодательства, определения причин и условий, им способствующих.

В литературе можно встретить различные аспекты понимания дефиниции «правовые средства прокурорского надзора». Как отмечает

Воронин О.В., наиболее распространены взгляды на это понятие как на полномочия прокурора, а также порядок и форму их реализации; установленные законодательством правомочия прокурора по реализации возложенных на него функций; полномочия и акты прокурорского реагирования, формы реализации полномочий прокурора, направленные на выявление, устранение и предупреждение нарушений закона; установленные законом формы деятельности прокурора, с помощью которых он реализует свои полномочия, акты прокурорского надзора и многие другие [1, с. 5]. К тому же, можно также встретить и понятие, которое выделяет Антонова Е.А.: «Это предусмотренные Законом о прокуратуре и иными законами соответствующие решения прокурора, обеспечивающие осуществление его надзорных полномочий» [2, с. 191].

Обобщая изложенное, заметим, что эти понятия сводятся к наличию в структуре правовых средств основных трёх элементов: полномочий прокурора, актов прокурорского реагирования, а также механизмов реализации полномочий прокурора и применения актов реагирования. Но мы считаем, что давать понятие правовых средств путём перечисления его элементов не совсем рационально. Поэтому, проанализировав данную категорию, с учетом исследования правовых средств в области надзора за исполнением законов органами предварительного расследования, мы можем предложить такое понятие: «Правовые средства прокурорского надзора за исполнением законов предварительного расследования – это комплексный институт прокурорского надзора, который представляет собой определённые способы деятельности (или же систему действий) прокуроров при осуществлении надзора за законностью действий органов дознания и предварительного следствия, совершаемые в некоторой последовательности, самостоятельно определяемой прокурором».

Исследовав понятие правовых средств прокурорского надзора в рассматриваемой области, необходимо также определить классификацию правовых средств. Помимо деления средств надзора, упомянутых выше, на основе которого многие ученые сформировали понятие данной категории, можно определить и иные классификационные признаки, виды правовых средств.

Во-первых, в зависимости от целей применения правовых средств надзора, их можно разделить на объёмные группы: 1) средства надзора, применяемые для предотвращения нарушений законов; 2) средства надзора, применяемые для пресечения нарушений законов; 3) средства надзора, применяемые для выявления нарушений законов.

Во-вторых, в зависимости от поднадзорного субъекта в указанной области надзора, мы предлагаем выделять: 1) средства, применяемые при надзоре за исполнением законов органами дознания; 2) средства, применяемые при надзоре за исполнением законов органами предварительного следствия.

В-третьих, по форме осуществления правовые средства можно делить на: 1) действия, направленные на реализацию полномочий прокурора; 2) акты прокурорского реагирования. Приведённая классификация, мы считаем, будет способствовать верному пониманию сущности правовых средств.

В этом исследовании хотелось бы вернуться к элементам правовых средств надзора за исполнением законов органами предварительного расследования и раскрыть их сущность. Нельзя не согласиться с мнением Гречиной С.В., которая определяет полномочия прокурора как объем прав и обязанностей, которыми наделен прокурор для осуществления возложенных на органы прокуратуры функций [3, с. 184]. Важно отметить: полномочия прокурора при осуществлении надзора закреплены как в Федеральном законе «О прокуратуре РФ», так и в Уголовно-процессуальном кодексе РФ.

В отдельном авторском исследовании вопроса, посвященного актам прокурорского реагирования, было определено, что это адресованное уполномоченным должностным лицам органов дознания или следственных органов письменное обращение прокурора, принятое им в пределах своей компетенции при наличии предусмотренных законом оснований, содержащее требование об устранении допущенных в досудебном производстве нарушений закона и обстоятельств, им способствовавших. В области надзора за исполнением законов органами предварительного расследования к ним относятся: постановление, представление, требование об устранении нарушений закона [4, с. 237].

Отметим и сущность механизма реализации полномочий прокуроров и применения актов реагирования. Здесь ФЗ «О прокуратуре РФ» устанавливает две формы реализации правовых средств надзора: 1) общую (это порядок, когда для реализации полномочий прокурора и вынесения актов необходимы наличие информации, указывающей на объективно существующие признаки нарушения закона); 2) специальную (проявляется в реализации полномочий по собственной инициативе, независимо от наличия сигналов или сообщений о правонарушениях) [2, с. 191].

Заключение. Таким образом, рассмотрев характеристику правовых средств надзора за исполнением законов органами предварительного расследования, необходимо отметить, что это институт прокурорского надзора, который представляет собой определённые способы деятельности прокуроров, совершаемые в определяемой ими последовательности. К элементам правовых средств надзора необходимо относить: полномочия прокурора, акты прокурорского реагирования, механизмы их реализации. Было предложено выделять такие классификационные признаки средств надзора, которые, по-нашему мнению, будут способствовать правильному пониманию их сущности: по целям применения правовых средств; в зависимости от поднадзорного субъекта; по форме осуществления.

Список литературы

1. Воронин, О. В. О современном понимании понятий «правовые средства прокурорского надзора» и «формы реализации правовых средств прокурорского надзора» / О. В. Воронин // Вестник ТГУ. Право. – 2021. – № 39. – С. 5-14.
2. Антонова, Е. А. Правовые средства прокурорского надзора и формы их реализации / Е. А. Антонова // Социальное управление. – 2022. – Т. 4, № 4. – С. 189-192.
3. Гречина, С. В. Понятие и классификация правовых средств прокурорского надзора и мер прокурорского реагирования / С. В. Гречина // Крымские юридические чтения. – 2016. – Т. 2. – С. 182-186.
4. Руденко, В. П. Акты прокурорского реагирования на нарушения закона органами дознания и предварительного следствия / В. П. Руденко // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «ДонНУ». – 2023. – Т. 4, № 15. – С. 233-238.

УДК 343.2/7

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ (ОТМЫВАНИЕ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В ЭПОХУ КРИПТОВАЛЮТЫ: АНАЛИЗ РИСКОВ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Карпенко Л.К., канд. юрид. наук, доц., *Солоненко К. М.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
Sol-kriis@mail.ru

Введение. С развитием цифровых технологий и распространением Интернета мир стал свидетелем революции в финансовой сфере. Криптовалюты, такие как биткоин, альткоин, эфириум и другие, предоставили новые возможности для хранения и передачи цифровых активов. Однако, наряду с преимуществами возникли и проблемы, одной из которых является легализация денег с использованием этих активов, и в частности, оценка рисков, связанных с идентификацией личности пользователя криптовалюты, мониторингом ее движения и доходов.

Цель данной работы заключается в анализе вышеуказанных рисков и разработке предложений по противодействию отмыванию, с использованием криптовалюты, денежных средств, добытых преступным путем.

Основная часть. Распространение криптовалют упростило отмывание незаконно полученных доходов, что на сегодняшний день представляет серьезную угрозу для стабильности государства.

Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, представляет собой совокупность методов, приемов и способов, позволяющих совершать финансовые операции и иные сделки с денежными средствами или имуществом, приобретенными лицом в результате совершения им преступления либо приобретенными другими лицами преступным путем, в целях придания

правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом.

Криптовалюта определяется как виртуальная валюта, существующая исключительно в электронном виде и фактически представляющая информацию, записанную на электронном носителе, который зашифрован с помощью криптографии [1, с. 62]. Исходя из предоставленной дефиниции, можно выделить следующие характерные особенности криптовалют: 1) анонимность транзакций с криптоактивами (обеспечивает отсутствие информации о владельце криптовалюты); 2) отсутствие единого цифрового банка (что позволяет преступникам создавать поддельные криптовалюты без ценности и решения проблем, связанных с эмиссией криптовалюты); 3) отсутствие контроля над транзакциями (на сегодняшний день в Российской Федерации не существует органа, ответственного за финансовый мониторинг оборота криптовалюты); 4) децентрализованность (деньги хранятся на криптокошельках различных пользователей). Данный вид цифровой валюты, обеспечивая конфиденциальность операций и пользователей, стал популярным инструментом для быстрого перевода незаконных доходов между различными странами. С 2020 года правовой статус криптовалюты был закреплен Федеральным законом № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]. Это, в свою очередь, привело к широкому использованию криптовалют в преступной среде и вызвало растущий спрос на них. По этой причине, ФАТФ (межправительственный орган, группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег) требует, чтобы в целях противодействия отмыванию денежных средств и финансированию терроризма рынок предоставления виртуальных услуг имел надлежащий уровень регулирования [3]. Так, поставщики виртуальных услуг обязаны зарегистрироваться и получить лицензии, а в отношении них должен быть внедрен соответствующий уровень мониторинга.

Наиболее встречающийся способ отмывания денег заключается в покупке криптоактивов за деньги, полученные от преступной деятельности, и их последующей конвертации через различные сервисы и биржи. Полученные средства обмениваются у дилеров криптовалют или легализуются в качестве инвестиционной прибыли. Таким образом, история транзакций становится сложной для анализа, а идентификация первоначального владельца денежных средств, приобретенных преступным путем, становится практически невозможной. По результатам Росфинмониторинга, в 2023 году зафиксирован значительный рост количества операций с криптовалютами [4]. Некоторые из этих операций связаны с попыткой легализации доходов, полученных незаконным путем или уклонением от уплаты налогов.

Вторым, наиболее встречающимся, способом отмывания денежных средств являются платформы азартных игр, в частности Интернет-казино.

Отмывание денежных средств, приобретенных преступным путем, через крипто-казино происходит следующим образом: пользователь вводит определенную сумму криптовалюты на сайт крипто-казино, затем делает несколько ставок и выводит криптовалюту обратно в легальный оборот. Преимуществом данного способа для преступника является отсутствие необходимости проходить верификацию на сервисе

С недавнего времени, согласно Указу Президента Российской Федерации от 10.12.2020 года № 778 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», государственных служащих Российской Федерации обязали декларировать доходы от виртуальных валют наравне с иными активами [5]. Налоговые правила в данный момент на цифровой доход и любой иной доход аналогичны.

Заключение. Эффективным способом борьбы с вышеуказанной проблемой в Российской Федерации являются меры по профилактике и предупреждению данных преступлений. Таковыми могут рассматриваться специальные программы по финансовому мониторингу пользователей криптовалюты [6, с. 44], о прохождении идентификации и верификации, а также предоставления полной информации о происхождении средств при совершении операций. Необходимым усматривается и введение уголовно-правовых санкций за нарушение декларирования всех операций с криптовалютой.

Список литературы

1. Андрианова, Н.Г. Подходы международных организаций к определению сущности криптовалют /Н.Г.Андрианова // Международное право и международные организации. – 2023. – №2. – С. 61-69. – DOI: 10.7256/2454-0633.2023.2.41023.
2. Российская Федерация. Законы. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон № 259-ФЗ : [принят Государственной думой 22 июля 2020 года : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 года]. – Эксмо : Кодекс, 2022. – 66 с. – ISBN 978-5-04-164710-0. – Текст : непосредственный.
3. ФАТФ (2021): Обновленное руководство по риск-ориентированному подходу к виртуальным активам и обслуживанию виртуальных активов, Париж. – Текст : электронный // FATF: официальный сайт. – 2023. – URL: <http://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecomVASP.html> (дата обращения: 23.09.2023).
4. Росфинмониторинг фиксирует рост отмывания денег через криптовалюту. –Текст : электронный // РИА Новости : официальный сайт. – 2023. – URL: <https://ria.ru/20230724/kriptovalyuta-1885862630.html> (дата обращения: 23.09.2023).
5. Российская Федерация. Законы. О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»:

Указ Президента РФ от 10.12.2020 N 778. – Текст электронный // КонсультантПлюс. – 2023. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370554/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 23.09.2023).

6. Гусева, А.А. Возможные пути решения проблемы легализации денежных средств через криптовалюту. – Текст электронный. / А.А.Гусева // Экономика. Право. Инновации. – 2018. – №5. URL: <https://books.ifmo.ru/file/pdf/2911.pdf> (дата обращения: 23.09.2023).

УДК 343.9

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Карпенко Л. К., канд. юрид. наук, доц., *Шейка Я. А.*
ФБГОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
yakov.sheyka@mail.ru

Борьба с преступностью является одним из важнейших направлений деятельности государства, как субъекта, обеспечивающего безопасность населения. Правоохранительные органы используют различные способы и средства в целях минимизации количества совершаемых преступлений. В условиях существования искусственного интеллекта (далее – ИИ), перспективным является его применение для противодействия общественно опасным деяниям, что обуславливает актуальность данной темы.

Прежде чем приступить к исследованию применения искусственного интеллекта в борьбе с преступностью, целесообразно рассмотреть дефиницию «преступности», под которой понимают множество индивидуальных противоправных деяний, которые в своей массе образуют негативное социальное явление, имеющее обобщенные статистические показатели и закономерности, характерные для всей их совокупности [1]. На сегодняшний день, технологии искусственного разума широко используются в целях предупреждения и противодействия преступности, как в Российской Федерации, так и за рубежом.

1. Примером зарубежного опыта является технология «АСЕ», использующаяся в Англии. Данные автоматизированные алгоритмы способны анализировать по 600 тысяч текстовых файлов в сутки. Так, искусственный разум обработал около 30 миллионов документов, что упростило работу следователям и ускорило процесс расследования преступных деяний [2]. 2. В Нидерландах, при помощи изучения и анализа документации и уличающих обстоятельств, нейронная сеть значительно

содействует Национальной полиции в аспекте сокращения рабочего времени при расследовании преступления, позволяя значительно сэкономить рабочее время субъектов расследования в стадии подготовительного производства [3]. 3. В Китае, компанией DeepGlint Technology была разработана система искусственного разума, с помощью которой правоохранительным органам удалось разыскать преступника, скрывавшегося от правосудия в течение более 20 лет. В свою очередь, в Российской Федерации также применяются автоматизированные технологии, способствующие предупреждению и раскрытию преступлений. В 2019 году в Российской Федерации с помощью системы видеонаблюдения, оснащенной алгоритмами ИИ и использующей биометрическую идентификацию в рамках программного комплекса «Безопасный город», было раскрыто более 3 тысяч преступлений [4].

Кроме видеонаблюдения, правоохранительные органы используют ряд систем, таких как: 1) «Блок», способствующая информационно-криминалистическому сопровождению расследования экономических преступлений; 2) «Маньяк», обеспечивающая получение информации при расследовании серийных убийств; 3) «Спрут», помогающая установить контактные связи преступников; 4) «Сейф», в которой систематизируется информация о хищениях денежных средств из хранилищ; 5) «Зеркало», оперирующая пространственными (фактографическими и статистическими) данными [5], и т.д. Также, в Российской Федерации действует система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы РФ (ГосСОПКА). Ключевыми элементами направления деятельности данной программы являются: выявление уязвимостей; анализ угроз; регистрация, расследование и реагирование на инциденты.

Таким образом, следует подчеркнуть, что интеграция искусственного интеллекта привнесла существенный вклад в деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Технологии ИИ значительно упрощают трудоемкий процесс предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, что позволяет повысить эффективность работы органов дознания и следствия.

Список литературы

1. Криминология. Учебник для вузов / под ред. В. Малкова. – Юстицинформ. – 2008. – 670 с.
2. Британская полиция привлекла ИИ для помощи в раскрытии преступлений. Хабр. Сообщество IT-специалистов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://habr.com/ru/news/t/466471/>
3. Лебедев М. Д., Саввоев С. А. Использование искусственного интеллекта в расследовании преступлений // Скиф. – 2020. – № 7 (47). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-rassledovanii-prestupleniy> (дата обращения: 07.10.2023).

4. Система распознавания лиц в Москве помогла раскрыть 3 тысячи преступлений. Российская Газета // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2019/11/04/reg-cfo/sistema-raspoznaniia-lic-v-moskvepomogla-raskryt-3-tysiachi-prestuplenij.html>
5. Василова Д.И. Искусственный интеллект в криминалистике // Всероссийская научно-практическая конференция «Информационные технологии в науке и образовании». URL: <http://econf.rae.ru/article/11543> (дата обращения: 07.10.2023).

УДК 343.3/.7

ВРАЧЕБНАЯ ОШИБКА КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Карягина О. В., канд. юрид. наук, доц., *Богославская К. Э.*
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог, РФ
o.karyagina@tmei.ru

Введение. Исследуемый вопрос врачебной ошибки имеет важное как научное, так и практическое значение. Ведь в процессе осуществления практической деятельности медицинского работника возможны ошибки, зависящие от ряда объективных и субъективных факторов. Однако в настоящее время трактовка врачебной ошибки еще не имеет общепринятого значения, что связано с разным толкованием этого термина среди врачей и юристов.

Цель данной работы – освещение ряда вопросов, связанных с толкованием понятия «врачебная ошибка» в свете уголовно-правового значения: целесообразность использования в теории уголовного права термин «врачебная ошибка», выделение в аспекте привлечения к уголовной ответственности врачебные ошибки, имеющие объективные и субъективные причины.

Основная часть. Ошибки в медицинской практике – довольно распространенное явление даже в развитых странах. Например, в Великобритании ошибки в работе персонала медицинских учреждений ежегодно становятся причиной смерти около 70 тыс. пациентов. В США, согласно проведенным исследованиям института медицины, жертвами врачебных ошибок ежегодно становятся более 100 тыс. американцев, а сами врачебные ошибки занимают пятое место среди причин смертности в стране. В Германии жертвами врачебных ошибок становятся почти 100 тыс. пациентов. В России ситуация не лучше: статистика врачебных ошибок является закрытой, и только частные случаи становятся известными общественности. Как свидетельствуют данные Всемирной организации охраны здоровья, врачебные ошибки ежедневно уносят жизнь

по меньшей мере 5-7 пациентов и являются причиной инвалидности около 25-30 пациентов, обратившихся за медицинской помощью. Однако отечественная судебная практика этой категории дел не обнародуется из-за отсутствия нормативного определения дефиниции «врачебной ошибки» и остается одной из наиболее сложных проблем уголовной ответственности медицинских работников.

Считается, что термин «врачебная ошибка» впервые применил выдающийся российский хирург М. И. Пирогов, уделявший большое значение анализу ошибок медицинских работников. По словам Ю. Д. Сергеева в медицинской литературе существует не менее 65 промежуточных понятий, описывающих врачебную ошибку [2, с. 94].

Таким образом, сформировались два диаметрально противоположных направления по определению понятия «врачебная ошибка»: медицинское и юридическое. По мнению медиков, врачебная ошибка – это случайное стечение обстоятельств или следствие несовершенства медицинской науки. Она является результатом халатного, безответственного отношения врача к своим обязанностям, невежеству или преступному действию. Юристы связывают врачебную ошибку с нерадивыми, недобросовестными и неосторожными действиями и приемами по оказанию медицинской помощи, результатом которых оказалось телесное повреждение или смерть пациента [1, с. 101].

К ошибкам, вызванным объективными факторами, относятся действия (бездействие) медицинских работников, не нарушающих установленные законом и подзаконными актами правила, но причинившие вред здоровью пациента или его смерть.

К ошибкам, вызванным субъективными факторами, относятся ошибки, допускаемые медицинскими работниками, необоснованно отступающими от установленных медицинских стандартов, которые действуют неосторожно, самонадеянно или допускают необоснованный риск при недостаточности опыта или знаний.

Врачебную ошибку следует отличать от так называемого «несчастливого случая», для которого характерно отсутствие вины и ответственности. Как отмечает И. А. Зайцева, несчастный случай в медицинской практике – это неблагоприятный результат лечения больного в результате случайного стечения обстоятельств, которое, как правило, обуславливается повышенной чувствительностью к некоторым лечебным препаратам или возникает в результате проведения разных диагностических манипуляций. Несчастный случай может также связываться с индивидуальными особенностями организма больного. Наиболее типичными примерами несчастных случаев в медицинской практике являются необычное анатомическое строение или врожденные аномалии строения того или иного органа, атипичное течение заболевания у конкретного пациента, связанное с индивидуальными особенностями

организма, аллергические и токсические реакции на диагностические манипуляции и введение лекарственных средств, внезапные изменения показателей артериального давления в результате индивидуальной психологической или эмоциональной реакции на оперативное вмешательство. В данном случае нельзя говорить о наличии определенной вины в действиях врача, в силу объективных причин, не зависящих от его воли и исключающих, в свою очередь, наказуемость такого деяния.

Интересным будет обращение и к зарубежному опыту установления врачебных ошибок, допускаемых при осуществлении профессиональной деятельности. Так, традиционным для англосаксонского уголовного права есть выделение особого вида «врачебной» необходимости как основы защиты от обвинения в ненадлежащем оказании медицинской помощи и врачебного заблуждения. К примеру, в наше время не останавливаются споры вокруг известного решения по делу доктора Мура (Dr Moor), где говорилось, что, несмотря на то, что врач знает, что лечение приведет к смерти его пациента, ... он не виноват в убийстве, если целью лечения, исходя из понятных им обстоятельств, являлось облегчением боли [3].

Учитывая отечественный и зарубежный опыт, становится возможным свести правовые критерии фактической ошибки, совершенной медицинским работником при выполнении профессиональных обязанностей во время оказания медицинской помощи до следующей формулы:

- 1) фактические обстоятельства, необъятные сознанием действующего лица, не могут быть предъявлены ему в намерение;
- 2) установление невозможности избегания ошибки исключает уголовную ответственность.

Среди причин и условий медицинских преступлений можно выделить слабую подготовку будущих медиков в медицинских учебных заведениях; невозможность повышения квалификации в крупных научных центрах других стран из-за отсутствия средств; недостаточную юридическую регламентацию врачебной деятельности, которая не обеспечивает ответственность врача и медицинского учреждения за результаты своей работы в условиях платной медицины и многое другое.

Заключение. Таким образом, уголовно наказуемыми должны быть врачебные ошибки, имеющие субъективные причины (недостаточность знаний, не проведение или неполное проведение медицинского обследования). Врачебные ошибки, имеющие определенные объективные причины (атипичное течение болезни, кратковременность пребывания или тяжесть состояния пациента), а также, если врач причиняет вред здоровью пациента в условиях крайней необходимости, спасая жизнь последнего, то уголовная ответственность медицинского работника исключается. Однако главной проблемой в разграничении врачебных ошибок и ответственности за их допущение является отсутствие нормативного закрепления определения врачебной ошибки, а это, в свою очередь, влияет и на

классификацию такого рода ошибок и на вид ответственности, который необходимо применять к медицинскому работнику.

Список литературы

1. Глашев, А. А. Медицинское право / А. А. Глашев. – Москва, 2017. – 202 с. – ISBN 978-5-9704-0815-5. – Текст : непосредственный.
2. Сергеев Ю. Д. Ошибка или преступление? / Ю. Д. Сергеев. – М.: «ТИСБИ», 2018. – 295 с. – ISBN 5-466-00030-2. – Текст : непосредственный.
3. Jonathan Herring Dr Noore Case / Criminal Law: Text, Cases and Materials. – URL: <https://archive.org/details/criminallawtextc0000herr/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 13.09.2023).

УДК 343.13

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАЛОГА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Кононенко О. В.

Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Донецк, РФ
olako@inbox.ru

Введение. Залог как мера пресечения в России берет свои истоки достаточно далеко. Изучение истории зарождения и развития залога как меры пресечения имущественного характера в системе уголовно-процессуального принуждения России обозначает курс на демократизацию и гуманизацию уголовного судопроизводства, а также делает акцент на формировании либеральных тенденций в уголовном праве в целом.

В наше время порядок избрания меры пресечения в виде залога определен статьей 106 УПК РФ [1]. Вместе с тем, судебная статистика отражает сокращение доли залога среди всех мер пресечения в РФ год от года, что составляет в среднем менее 0,2% [2].

Цель исследования – изучение истории развития залога как меры пресечения и перспектив применения залога в системе уголовно-процессуального принуждения России.

Основная часть. Институт мер пресечения в системе уголовно-процессуального принуждения зародился в VI – IX вв. одновременно с возникновением российской государственности. В исследованиях юристов указано, что община того времени, как правило, не опасалась побега лица, совершившего преступления, что объяснялось наличием неразрывной связи между ее членами, и за деяния, учиненные вне рода, несла наказание вся община в целом. Правовой анализ Русской Правды также позволяет

углядеть положения, когда община при выяснении факта совершения преступления одним из ее членов, не имеющим возможности оплатить за себя виру в качестве залога, обязана была оказать ему содействие.

Мы разделяем мнение Царевой Ю.В. о том, что право Древней Руси оказало принципиальное влияние на формирование и развитие такой меры пресечения, как залог [3].

Важные изменения в систему мер пресечения в России внесла судебная реформа 1860 года. Ранее, в 1846 г. принят Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС), в котором ч. 4. ст. 416 главы VI «О пресечении обвиняемому способов уклониться от следствия» предусмотрено в качестве меры пресечения взятие залога.

По УСС изучаемая нами мера пресечения могла быть избрана мировым судьей или съездом при осуществлении ими правосудия; судебными следователями при производстве предварительного следствия; судом, а также сотрудниками полиции и иными должностными лицами в тех случаях, когда они заменяют судей и следователей. Залог состоял в деньгах или в движимом имуществе и вносился как самим обвиняемым, так и «всяким другим лицом». Сумма залога определялась индивидуально.

Октябрьская революция 1917 г. изменила правосознание граждан, принявшее по большей части революционный характер. Вместе с тем, Положение о военных следователях 1919 г. также содержало меру уголовно-процессуального принуждения как представление залога.

Относительно широкое применение в уголовном процессе залог как мера пресечения получил в период расцвета НЭПА, с 1921 по 1923 гг., когда залогодателями выступали представители отдельных социальных прослоек. Вместе с тем, в результате изменения социального строя, снизилась практическая значимость залога, а его применение на практике постепенно утратилось. Именно, в 1924 г. ст. 10 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик установила: «Лишение свободы в качестве меры пресечения может быть заменено поручительством... Замена лишения свободы денежным и имущественным залогом не допускается».

Ситуация изменилась в 1958 г. с принятием последующих Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, в ст. 33 которых указывались основания для избрания мер пресечения и конкретный перечень мер пресечения применительно к законодательству союзных республик. Избранием мер пресечения в указанный период являлось способствование установлению истины по уголовному делу и предотвращение новых преступлений. Вместе с тем, критике ученых подверглись нормы УПК РСФСР 1960 г., установившие применение залога. Так, Корнуков В.М. полагал, что избрание залога «в качестве меры пресечения неприемлемо для нашего законодательства с позиций достигнутых социально-экономических преобразований».

Считается, что залог является следующим по тяжести и суровости наказанием после заключения под стражу. Как отмечает Васильева Е.Г., сам факт нахождения лица под залогом, а также большая вероятность, в случае его нарушения, быть лишенным свободы, представляет собой достаточно серьезное психическое принуждение [4, с. 92].

В наше время внести залог может как сам обвиняемый или подозреваемый, его родственники и третьи лица, включая и юридические лица. При внесении залога третьим лицом, согласие подозреваемого (обвиняемого) обязательно.

Залог может быть избран в любой стадии производства по уголовному делу. При избрании указанной меры пресечения, суд в обязательном порядке рассматривает тяжесть совершенного преступления, характеристику личности и имущественное положение залогодателя. При этом, по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести размер залога должен быть не менее 50 тыс. руб., а по тяжким и особо тяжким – не менее 500 тыс. руб. Верхний порог залога не закреплен.

Рекордный в России залог в 55 млн руб. был внесен в октябре 2011 г. в Останкинский суд Москвы за бывшего на тот момент первого заместителя гендиректора Третьяковской галереи Олега Беликова. В 2013 г. он был осужден на 5 лет за мошенничество в особо крупном размере.

Рекордным из отклоненных залогов является прошение защиты совладельца группы «Сумма» Зиявудина Магомедова отпустить подзащитного под залог в 2,5 млрд руб., арестованного в марте 2018 г. В декабре 2022 г. он был осужден к 19 годам колонии строгого режима за создание преступного сообщества и хищение бюджетных средств [2].

На практике решение в пользу залога как меры пресечения во многом зависит от факта возмещения ущерба: 53 % опрошенных судей отнесли его к обязательным условиям избрания залога, а 60 % судей, применявших данную меру, подтвердили, что приняли положительное решение с учетом данного обстоятельства [3].

Таким образом, залог, как правило, применяется по экономическим преступлениям, если у следствия есть основания полагать, что эти денежные средства или имущество, которое было внесено в качестве залога, добыты преступным путем. Принято также считать, что гражданин, которого подозревают в совершении преступления, не будет рисковать своим значительным имуществом и поэтому будет вести себя надлежащим образом. Но, в основном суды в такой мере пресечения отказывают с общим обоснованием о том, что «данная мера не будет способствовать установлению истины при производстве предварительного расследования».

Заключение. По нашему мнению, избрание залога, как меры пресечения, в частности по обвинению в экономических преступлениях, достаточно гуманно. Предполагается, что с помощью переданного в залог

имущества гарантировано возмещение причиненного вреда. В последствии, в случае отмены минимальных сумм залога, может появиться возможность персонализировать условия залога в каждом конкретном случае, а также повысить эффективность указанной меры пресечения.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2023) – URL: <https://www.zakonrf.info/upk/> (дата обращения: 20.09.2023).
2. Под залог в России выпускают менее 0,2% подозреваемых. – Текст: электронный // Ассоциация юристов России – URL: <https://alrf.ru/news/pod-zalog-v-rossii-vyruskayut-menee-0-2-podozrevaemykh/> (дата обращения: 20.09.2023).
3. Царева Ю.В. Залог как мера пресечения в уголовном процессе России: доктрина, юридическая техника, правоприменительная практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Юлия Викторовна Царева // Н. Новгород: ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», 2018. – 36 с.
4. Васильева, Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. Монография / Е.Г. Васильева // Науч. ред.: Еникеев З.Д. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – 137 с.

УДК 34.01(470)

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Левендаренко О. А., канд. юрид. наук, доц., *Петренко Е. В.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e_razumnaya@inbox.ru

Введение. В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством досудебное производство во всех случаях начинается стадией возбуждения уголовного дела. В этой стадии уполномоченные органы государства и должностные лица, получив сведения о совершенном или готовящемся преступлении, устанавливают наличие или отсутствие оснований для производства по уголовному делу и принимают решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела. Однако эти сведения могут оказаться ложными, недостоверными или относиться к событию, которое преступлением не является. Для того, чтобы определить действительную необходимость включения уголовно-процессуального механизма с его мерами принуждения и возможными ограничениями конституционных прав граждан, и предусмотрена стадия возбуждения уголовного дела. Актуальность данного исследования заключается в том, что необоснованное, несвоевременное либо поспешное принятие решения о

возбуждении уголовного дела приводит к прямым нарушениям закона (безнаказанности лиц, совершивших преступления; незаконные обыски и выемки, задержания и аресты, предъявление обвинений; осуждение невиновных и т.д.), поэтому изучение данной стадии уголовного процесса позволяет избежать многих негативных последствий.

Цель работы – рассмотреть сущность и значение возбуждения уголовного дела как одной из стадий уголовного судопроизводства.

Основная часть. В настоящее время, наряду с устоявшейся точкой зрения о важности сохранения в российском уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела, ряд ученых не видят необходимости в выделении данной стадии в качестве самостоятельной, аргументируя свою позицию тем, что на первоначальном этапе уголовного судопроизводства существует большое количество нарушений закона, и исторически уголовный процесс данную стадию не предусматривал. Особенно остро данный дискуссионный вопрос стал после принятия Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1], который наделил правом дознавателя, следователя, орган дознания, руководителя следственного органа получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, назначать судебную экспертизу, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов и т.д., то есть совершать следственные действия, характерные для стадии предварительного расследования. Данные изменения привели к высказываниям ученых о том, что стадия возбуждения уголовного дела подтвердила свою несостоятельность и фактически стала единым целым со стадией предварительного расследования.

В подтверждение мнения о том, что возбуждение уголовного дела – это самостоятельная стадия уголовного процесса, следует сказать, что она обладает обязательными признаками стадии, а именно, имеет: 1) непосредственные задачи; 2) особый круг субъектов; 3) свою процессуальную форму; 4) сроки производства; 5) особые итоговые решения; 6) процессуальные этапы [2]. Кроме того, данная стадия имеет важное значение в уголовном процессе и служит основой для всех последующих стадий – предварительного расследования, судебного разбирательства, так как: обеспечивает своевременное реагирование на все факты совершенных, совершаемых или готовящихся преступлений, по которым имеется соответствующая информация; создает условия для всестороннего и объективного расследования уголовных дел; способствует недопущению необоснованного возбуждения уголовного дела и безосновательного по ним производства; создает условия для защиты от незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина; создает условия для защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, которые претерпели

вред от преступления; создает предпосылки для привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления; способствует недопущению уголовного преследования лиц, непричастных к совершению преступления; обеспечивает своевременное предупреждение и пресечение готовящихся и совершаемых преступлений.

Представляется, что возможны как минимум три подхода, объясняющих правовую сущность стадии возбуждения уголовного дела. Первый подход рассматривает стадию возбуждения уголовного дела как фильтр, отделяющий преступные события от неправомерных. Вторым подходом предполагается, что данная стадия прежде всего определяет границы предварительного расследования. Третьим подходом является то, что стадия возбуждения уголовного дела рассматривается как своеобразный организационно-процессуальный подготовительный этап предварительного расследования.

Так, при наличии повода и основания, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ), орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь обязаны принять процессуальное решение о возбуждении уголовного дела (ст. ст. 146, 147 УПК РФ) [3]. Если же отсутствуют достаточные данные, указывающие на признаки преступления, либо имеют место обстоятельства, исключающие производство по делу, то органом предварительного расследования принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 148 УПК РФ) [там же]. Этими двумя видами решений завершается стадия возбуждения уголовного дела.

Заключение. Возбуждение уголовного дела – это самостоятельная основополагающая стадия уголовного процесса, в которой полномочные государственные органы в установленном законом порядке, получив информацию о деянии, содержащем признаки преступления, принимают решение о начале производства по уголовному делу. Несмотря на мнение некоторых ученых, стадия возбуждения уголовного дела остается важнейшим уголовно-процессуальным институтом, имеющим ключевое значение. Полный отказ от данной стадии и возбуждение уголовного дела по каждому поступившему сообщению о преступлении не будет отвечать назначению уголовного судопроизводства в целом. Подобные изменения существенно снизят гарантированность конституционных прав граждан, так как поспешное начало уголовного производства повышает угрозу нарушения их прав. Кроме того, возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица имеет глубокий социальный смысл, так как такое лицо автоматически приобретает статус подозреваемого, и общество воспринимает его как преступника, несмотря на то что судом его вина еще не установлена. Остается неразрешенным и вопрос, каким образом при отсутствии данной стадии возможно законно и эффективно дифференцировать сообщения, содержащие в себе или добросовестное

заблуждение заявителя при оценке совершенного деяния, или умышленное введение в заблуждение правоохранительных органов, что влечет за собой нарушение или ограничение прав и свобод граждан. Поэтому в российском уголовно-процессуальном законодательстве следует не только сохранить, но и укрепить данную стадию возбуждения уголовного дела, что обусловлено ее уникальным и фундаментальным назначением.

Список литературы

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 N 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142908/ (дата обращения: 29.09.2023).
2. Кутуев, Э. К. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) : учебник для вузов / Э. К. Кутуев. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт – Петербург : Фонд «Университет», 2019. – 583 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023). – Текст : электронный // КонсультантПлюс [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 29.09.2023).

УДК 343.163

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ ПРОКУРОРА В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Левендаренко О. А., канд. юрид. наук, доц., *Строкот П. А.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
paveltakorts@yandex.ru

Введение. Предварительное расследование является важным этапом в уголовном процессе, поскольку именно в этот период происходит сбор и проверка доказательств по уголовному делу. На этом этапе прокурор играет ключевую роль, так как он является гарантом соблюдения законности и прав граждан. Прокурор принимает процессуальные решения, которые влияют на ход расследования и судьбу уголовного дела.

Актуальность избранной темы обусловлена не только изменениями уголовно-процессуального закона, но и состоянием законности в деятельности органов предварительного расследования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Цель работы заключается в комплексном анализе прокурорской деятельности, определении основных процессуальных решений прокурора на стадии предварительного расследования.

Основная часть. Вопрос о сущности процессуальных решений занимает одно из центральных мест в теории уголовного процесса. В течение длительного времени проблемами, связанными с уголовно-процессуальными решениями, занимались А. Ю. Сиднеев, О. Я. Пискорская, В. П. Безфамильная, Н. В. Дружинин и другие.

Понятие «решение» имеет несколько лексических значений, поэтому в многообразии российских изданий толковых словарей можно найти различные определения, в основном они сводятся к тому, что решение означает «обдуманное намерение сделать что-либо, заключение, вывод из чего-либо», в результате обсуждения вынести заключение, принять постановление» для снижения неопределенности или устранения проблемной ситуации [1, с. 140].

Под уголовно-процессуальными решениями следует понимать властные волеизъявления дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и судьи, в целях реализации назначения уголовного судопроизводства, которые определены установленными обстоятельствами, соответствуют требованиям уголовно-процессуального закона и ведомственным установлениям и являющиеся индивидуальными правовыми актами [2, с. 72].

Как правило, процессуальные решения прокурора, следователя и дознавателя в уголовном судопроизводстве оформляются в виде постановлений. Тем не менее, постановление – это не единственная форма, в которой могут быть выражены процессуальные решения прокурора.

Прокурорские решения в стадии предварительного следствия могут быть различными и зависят от конкретных обстоятельств дела. К ним относятся решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении или продолжении предварительного следствия, о возвращении дела на доследование и о направлении дела в суд для рассмотрения по существу.

Одним из основных решений прокурора является решение о возбуждении уголовного дела. Прокурор должен тщательно изучить все материалы дела, прежде чем принять решение. Он должен убедиться, что имеются достаточные доказательства для возбуждения уголовного дела. В ходе данной процедуры прокурор должен следовать принципу законности и равенства перед законом [3, с. 53].

Если же прокурор решает, что доказательств недостаточно, он может отказать в возбуждении уголовного дела. Это может произойти, например, если не было собрано достаточно улик или если доказательства противоречивы. В этом случае прокурор может потребовать от следователя дополнительных доказательств. Важно отметить, что решение прокурора о возбуждении уголовного дела может быть обжаловано в суде.

Прекращение уголовного дела также является одним из возможных решений прокурора. Основаниями для этого могут быть:

- отсутствие состава преступления;
- истечение сроков давности;
- смерть обвиняемого;
- невозможность участия обвиняемого в судебном разбирательстве.

Однако, прежде чем принять такое решение, прокурор должен рассмотреть все возможные варианты и убедиться, что оно является наиболее подходящим. Если в ходе предварительного следствия были допущены существенные нарушения закона или неполнота расследования, прокурор может вернуть уголовное дело следователю для проведения дополнительного следствия [4, с. 202].

Также, важным решением прокурора является и возвращение уголовного дела на доследование. Такое решение принимается в случае существенных нарушений закона или есть основания полагать, что первоначальное расследование было проведено некачественно или неполно. Прокурор обязан указать на конкретные недостатки, которые необходимо устранить, и контролировать ход доследования. Это решение принимается на основе материалов дела и может быть обжаловано в установленном законодательством порядке.

Наконец, по окончании предварительного следствия прокурор решает, направлять ли дело в суд для рассмотрения. Если он считает, что собранных доказательств достаточно для обвинения, то утверждает обвинительное заключение и направляет дело в суд. В противном случае дело прекращается или возвращается на доследование [5, с. 46].

Заключение. Таким образом, предварительное расследование – это важный этап в уголовном процессе. Именно здесь проводится сбор и анализ улик и доказательств, чтобы установить виновного.

Процессуальные решения прокурора принимаются им единолично в ходе осуществления уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и дополняют друг друга, а также направлены на достижение назначения уголовного судопроизводства, а именно на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Процессуальные решения прокурора играют ключевую роль в обеспечении законности и соблюдении прав граждан в ходе предварительного расследования. Они должны быть обоснованными и мотивированными, а также соответствовать требованиям законодательства и интересам правосудия.

Список литературы

1. Безотосная О.С. Место прокуратуры Российской Федерации в системе государственных органов // Проблемы науки. – 2017. – № 1. – С. 140.

2. Нечевик, Д. К. Полномочия прокуратуры по противодействию коррупции в Российской Федерации. Административно-правовые аспекты. Монография: моногр. / Д.К. Нечевик, М.М. Поляков. – Москва: Мир, 2015. – 140 с.
3. Капинус О.С. Прокурорский надзор за исполнением законов: состояние и перспективы развития // Законность. – 2013. – № 7. – С. 53.
4. Осокин Р.Б. К вопросу об организации деятельности органов прокуратуры в Российской Федерации (основные функции, принципы) // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 9. – С. 202.
5. Рохлин, В. И. Прокурорский надзор и государственный контроль. История, развитие, понятие, соотношение / В.И. Рохлин. – М.: Юридический центр Пресс, 2016. – 328 с.

УДК 343.1; 343.2; 343.9

УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА (АДВОКАТА) ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Максименко О. Б., Попов Б. И.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
olgamaksimenko2015@mail.ru

Введение. Защита прав и законных интересов несовершеннолетних это одно из приоритетных направлений в политике правового государства. Несовершеннолетние, находясь в процессе умственного и физического становления, являются самой уязвимой и незащищенной категорией участников уголовного судопроизводства, в частности при осуществлении в отношении них гласных оперативно-розыскных мероприятий.

Цель. Изучить проблемные вопросы участия защитника (адвоката) при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий в отношении несовершеннолетних, злоупотреблений полномочиями должностными лицами, а также предложить пути их решения.

Основная часть. По статистике МВД РФ, количество уголовно наказуемых деяний с участием несовершеннолетних в 2022 г. уменьшилось на 4,4% по сравнению с 2023 г. [1].

Всего же обвиняемыми по уголовным делам в производстве ведомства стали в 2022 г. 10 843 несовершеннолетних в возрасте от 14 лет, когда за преступления наступает уголовная ответственность. Из них каждый четвертый оказался моложе 16 лет.

Еще более 4700 несовершеннолетних, попавших в фокус зрения правоохранителей, не достигли возраста привлечения к уголовной ответственности [2].

Согласно ст. 45 Конституции РФ, государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется и

каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом [3]. В соответствии со ст. 48 Конституции РФ, каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи.

Процессуальное положение несовершеннолетнего лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления имеет свои особенности. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее по тексту – УПК РФ) содержит отдельную главу, нормы которой регулируют специальный правовой подход в отношении несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства – Глава 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» [4].

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 51 и ст. 425 УПК РФ, в случае, если подозреваемый является несовершеннолетним, участие защитника является обязательным.

Одним из следственных действий в отношении несовершеннолетних подозреваемых, при которых участие защитника является обязательным, является допрос.

Согласно ч. 2 ст. 46 УПК РФ, подозреваемый, в том числе и несовершеннолетний, должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания. При допросе он вправе давать показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения либо отказаться от дачи показаний.

Вместе с тем, порядок допроса несовершеннолетнего подозреваемого регламентирован ст. 425 УПК РФ и предусматривает ряд ограничений и дополнительных условий в сравнении с правилами допроса взрослого лица, содержащимися в ст. 46, 47, 76, 77, 164, 173-174, 187-190 УПК РФ.

Например, согласно ч. 2 ст. 425 УПК РФ, допрос несовершеннолетнего подозреваемого не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности более 4 часов в день. С учетом возраста несовершеннолетнего и по его ходатайству, либо ходатайству его защитника или законного представителя, а также по рекомендации педагога или психолога, участвующего в допросе, общая продолжительность допроса и продолжительность допроса без перерыва по решению следователя, дознавателя, прокурора может быть сокращена до разумных пределов.

Специальный порядок проведения следственных действий в отношении несовершеннолетних отвечает рекомендациям возрастной физиологии и психологии и позволяет избежать физического и психического переутомления несовершеннолетнего.

Однако, помимо следственных действий в отношении несовершеннолетнего, который также процессуально еще может не иметь

статуса подозреваемого, на этапе предварительного расследования, с целью сбора доказательств, могут применяться гласные оперативно-розыскные мероприятия. Проведение которых без участия защитника влечет за собой нарушение интересов несовершеннолетнего.

При осуществлении таких мероприятий существует проблема злоупотребления полномочиями должностными лицами.

Согласно п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, участие защитник определяется с начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Также в соответствии с ч.2 ст.95 УПК РФ, допускается возможность в случае необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий, например, встреч сотрудника органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность с подозреваемым, задержанным в совершении преступления. Данная норма, разрешает в уголовном судопроизводстве проводить оперативно-розыскные мероприятия в отношении задержанных подозреваемых, в т.ч. несовершеннолетних без участия защитника.

Таким образом, поскольку участие защитника, в частности адвоката, в случае производства оперативно-розыскных мероприятий в отношении несовершеннолетнего в законодательстве не предусмотрено, несовершеннолетний остается без защиты при проведении в отношении него гласных оперативно-розыскных мероприятий. Что способствует злоупотреблению должностными лицами своими полномочиями при применении, например, незаконных методов опроса несовершеннолетних, истребовании объяснений от несовершеннолетних до проведения допроса лица, находящегося в процессуальном статусе подозреваемого.

Полученная информация таким путем от несовершеннолетнего, используя его неосведомленность и незащищенность, может навредить законным интересам несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. В виду отсутствия обязательности проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении несовершеннолетних в присутствии их защитника (адвоката), полученные сведения могут быть использованы при проведении допроса в дальнейшем, при построении линии допроса с целью оказания давления на несовершеннолетнего для получения не всегда объективных показаний.

Для решения сложившейся проблемы видится целесообразным установить на законодательном уровне запрет на осуществление любых процессуальных действий, а также гласных оперативно-розыскных мероприятий, с личным присутствием несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства, без обязательного участия защитника несовершеннолетнего (адвоката).

Одним из возможных вариантов решения проблемы предлагается распространить положения ст. 425 УПК РФ «Допрос несовершеннолетних

подозреваемых, обвиняемых» также и на порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении несовершеннолетних, к числу которых относятся, например, опрос, изъятие объяснений.

Также целесообразно было бы внесение дополнений в содержание п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ и изложить его в следующей редакции: «Защитник участвует в деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, в отношении несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства также при производстве гласных оперативно-розыскных мероприятий органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность участие защитника является обязательным».

Заключение. Предложенное позволит обеспечить реализацию защиты конституционных прав несовершеннолетнего на защиту при осуществлении в отношении него гласных оперативно-розыскных мероприятий, в том числе несовершеннолетних лиц, не находящихся в процессуальном статусе подозреваемых.

Список литературы

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 30.09.2023).
2. Статистика ко Дню защиты детей // Ведомости.ру. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/05/31/978031-statistika-ko-dnyu-zaschiti-detei> (дата обращения: 30.09.2023).
3. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.10.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА

Манивлец Э. Е., канд. юрид. наук, доц., *Колесникова А. В.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e.manivlets@donnu.ru

Введение. Актуальность данной темы заключается в том, что защита прав и свобод человека и гражданина устанавливает весь спектр деятельности прокурора при осуществлении прокурорского надзора. Поэтому надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина поистине необходимо признать наиболее сложным, однако, приоритетным и важнейшим направлением прокурорской деятельности в сфере уголовного процесса. К тому же здесь имеются проблемы правового регулирования и реализации полномочий в данной области надзора, что говорит о необходимости исследования этого проблемного аспекта.

Цель настоящего исследования – проанализировать полномочия прокурора по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина как важнейшего средства защиты в уголовном процессе.

Основная часть. Исполком веков отечественная прокуратура считала своей важнейшей задачей надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Вся многогранная прокурорская деятельность пронизана действиями по осуществлению такого надзора. Именно поэтому в Федеральном законе от 17.01.1992 года №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре РФ») надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина выделен в отдельную вторую главу, что является свидетельством самостоятельности рассматриваемого надзора как направления деятельности прокуратуры.

Прокурор при осуществлении надзора в указанной отрасли использует установленные законом полномочия, которые содержатся в Конституции РФ, ФЗ «О прокуратуре РФ», а также конкретизированы в Приказе Генпрокуратуры РФ от 07.12.2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина». Полномочия в рамках общего надзора закреплены в статье 22 ФЗ «О прокуратуре РФ». Однако, помимо общих полномочий, прокурор при надзоре за соблюдением прав и свобод граждан наделен специальными полномочиями, которые свойственны только данной отрасли надзора и которые будут рассмотрены в исследовании. Именно они закреплены в ст. 27 вышеупомянутого федерального закона, где указано, что прокурор при осуществлении возложенных на него функций:

1) рассматривает и проверяет заявления, жалобы и иные сообщения о нарушении прав и свобод человека и гражданина; 2) разъясняет пострадавшим порядок защиты их прав и свобод; 3) принимает меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к юридической ответственности лиц, нарушивших федеральный закон, и возмещению причиненного ущерба [1].

Конечно же, для того, чтобы осуществлять надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве не просто так, а эффективно и продуктивно, прокуроры должны быть наделены весьма обширными полномочиями. Действительно, современное российское законодательство предоставляет такие полномочия.

Теперь проанализируем полномочия, указанные нами ранее выше, которыми обладает прокурор, осуществляя надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства.

Итак, первое исследуемое полномочие – прокурор рассматривает и проверяет заявления, жалобы и иные сообщения о нарушении прав и свобод человека и гражданина. Стоит отметить, что работа с обращениями граждан занимает большое место в деятельности прокуроров, поэтому она подчинена исключительно решению задачи охраны прав и свобод человека и гражданина. Рассматривая и разрешая обращения граждан как участников уголовного процесса, прокурор получает информацию о состоянии соблюдения прав и свобод человека и гражданина и принимает предусмотренные законом меры к восстановлению нарушенных прав и свобод в данной отрасли. Однако рассмотрение жалобы прокурором не препятствует обращению гражданина в суд по тому же вопросу [2, с. 415]. При отказе в удовлетворении обращения заявителю разъясняется порядок обжалования, право обращения в суд. Работа прокурора с обращениями граждан конкретизирована в отдельном нормативном правовом акте – Приказе Генеральной прокуратуры РФ. Стоит отметить, что при наличии в поступивших обращениях сведений о фактах допущенных нарушений прав и свобод человека и гражданина, прокурор проводит проверку. В ходе проверки прокурор не только проверяет доводы и обстоятельства, указанные в обращении, но и при необходимости истребует документы, а также объяснения у лиц, действия которых обжалуются [3, с. 544].

Еще одним полномочием, которое будет проанализировано в данной работе, является право разъяснять пострадавшим порядок защиты их прав и свобод. Здесь мы считаем важным наличие следующих немаловажных аспектов полномочия: 1) прокурор разъясняет, какими правами и свободами в сфере уголовного процесса граждане обладают, ведь на сегодняшний день лица имеют очень слабое представление о них; 2) прокурор разъясняет основания и содействует защите нарушенных прав человека и гражданина, указывает необходимый орган защиты. Нужно отметить, что прокурор при этом не подменяет органы, в обязанности

которых входит оказание юридической помощи населению, однако его деятельность при разъяснении прав гражданам весьма разнообразна.

Также необходимо отметить полномочие о принятии мер по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к юридической ответственности лиц, нарушивших закон. Считаем важным указать, что на сегодняшний день это полномочие является одним из проблемных, которое рассматривается многими учеными. В частности, Тухватулина Е.Е. в своей статье отмечает, что за счет своевременного выявления нарушений, прокуроры предотвращают готовящееся правонарушение; при этом главной ролью в предупреждении нарушений прав и свобод граждан считается объявление должностным лицам предостережения о недопустимости нарушения закона, если прокурор обладал сведениями о готовящихся нарушениях [3, с. 416].

В качестве решения вопроса о реализации указанного полномочия считаем необходимым предложить прокурорским работникам в рамках дополнительной деятельности по профилактике и предупреждению нарушений проводить профилактические беседы на правовые темы с органами дознания и предварительного следствия, выступать на федеральных телеканалах, что предупредит правонарушения и будет свидетельствовать об эффективности надзора в рассматриваемой сфере.

Заключение. Подводя итог, можно говорить о том, что прокуроры наделены необходимыми полномочиями, позволяющими им надежно отстаивать права и свободы человека и гражданина. Данные правовые средства рассчитаны на активное применение должностными лицами в области надзора. Осуществляя свою деятельность, прокурор ставит целью достижение такого расклада, при котором: 1) права и свободы будут соблюдены всеми органами, должностными лицами, принимающими участие в уголовном процессе; 2) граждане будут уверены, что права и интересы соблюдены достаточно; 3) граждане смогут рассчитывать на помощь прокуратуры при необходимости. Соответственно, указанная выше цель достигается при помощи полномочий прокурора. Они весьма разнообразны, что позволяет прокурору исполнять свои обязанности на должном уровне. Поэтому рассмотренные полномочия служат только на благо человека и гражданина, их прав и свобод как высшей ценности в РФ.

Список литературы

1. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 года № 2202-1 (ред. от 11.06.2022 г.) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
2. Тухватулина, Е. Е. Роль прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина / Е. Е. Тухватулина // Трибуна ученого. – 2021. – № 1. – С. 413-420.
3. Макеева, В. Н. Полномочия прокурора по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Вопросы российской юстиции. – 2021. – №11. – С. 542-546.

НАСИЛИЕ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Меркулов С. Н., канд. юрид. наук, доц., *Лебединская А. С.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
merkulovepf@mail.ru, lebedinskaya2022@yandex.ru

Введение. В российском правовом поле насилие представляет собой физическое или психическое воздействие одного индивида на другого, что противоречит гарантированным Конституцией РФ правам граждан на сохранение их личной неприкосновенности, как в физическом, так и в духовном аспектах, что подтверждается в статьях 17 и 21 Конституции РФ, которые подчеркивают важность уважения прав и свобод человека и гражданина [1]. Тем не менее, в Особенной части УК РФ законодатель не предоставляет четкого определения «насилия» и его разновидностей в контексте действующего УК РФ [2]. Это вызывает недопонимание как в теории уголовного законодательства, так и в практике его применения.

В связи с этим, **целью работы** является анализ и разграничение разновидностей преступного насилия в преступлениях против собственности по законодательству Российской Федерации.

Основная часть. Сфера применения преступного насилия широка и разнообразна, и в литературе выделяются разные типы насилия, такие как физическое, психическое, инструментальное, интеллектуальное, бытовое, семейное, нравственное, вооруженное, воспитательное, психологическое, массовое и другие. Кроме того, существует понятие коллективного насилия, такого как геноцид, включающего революционное, диверсионное, и террористическое насилие [3, с. 38].

В рамках уголовного права, традиционное разделение насилия на две основные формы – физическое и психическое – является обоснованным и позволяет эффективно реагировать на насильственные преступления.

Так, физическое насилие проявляется через непосредственное воздействие на физическое состояние человека, включая нападения, телесные повреждения, а также пытки и истязания, которые могут включать использование предметов или веществ, причиняющих вред.

В научной литературе отмечается, что физическое насилие с использованием оружия, опасных предметов, ядовитых веществ или с применением общеопасных методов рассматривается как опасное для жизни или здоровья потерпевшего [3, с. 38].

Следовательно, интерес представляет вопрос о применении опасных сильнодействующих, ядовитых или одурманивающих веществ в ходе

совершения преступлений, например, в ситуациях, когда потерпевшему подсыпают клозелин в его алкогольный напиток во время общего употребления, что может привести к потере сознания, после которой потерпевший ничего не помнит; затем преступники забирают все его деньги и ценности и исчезают.

В п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05 июня 2002 г. № 14 указано, что в случаях, когда с целью хищения имущества потерпевшего в его организм вводится опасное для жизни или здоровья вещество против его воли или путем обмана, совершенное деяние следует квалифицировать как разбой. Если же введено вещество, которое не представляет опасности для жизни или здоровья, то деяние должно быть квалифицировано в зависимости от последствий как грабеж, совершенный с применением насилия [4].

Тем не менее, в теории уголовного права отмечается, что если введение вещества в организм было результатом действий самого потерпевшего, например, если он сам взял стакан с алкоголем, в котором было растворено сильнодействующее вещество, и выпил его содержимое, даже если это вещество представляет опасность для здоровья, то это событие следует рассматривать как кражу из-за отсутствия факта нападения. Так, в Приговоре Раменского городского суда Московской области от 29 декабря 2011 года аналогичные действия были квалифицированы как кража [5]. По нашему мнению, необходимо учитывать как отношение к самому действию, так и к его последствиям при квалификации, так как суд учел только отношение к изъятию имущества – основному элементу состава преступления, но следует также отдельно оценивать отношение к действию и к последствию.

Следует понимать, что опасность – это характеристика самого акта насилия, которая проявляется как в самом акте, так и в возможных негативных последствиях для здоровья. Последствия применения насилия, опасного для жизни и здоровья, могут варьироваться: от полного отсутствия последствий до появления легких, средней или тяжелой степени ущерба здоровью, а также смерти.

В свою очередь, психическое насилие заключается в оказании воздействия на психологическое состояние человека путем угроз, запугивания и других методов, включая угрозы физического насилия. Цель психического насилия – подавить волю потерпевшего и заставить его отказаться от сопротивления, а также отстаивания своих прав и интересов.

В рамках психологического воздействия стоит выделить такие методы, как внушение и гипноз.

На наш взгляд, для использования гипноза в преступных целях гипнотизеру необходимо установить первичный контакт с клиентом и достичь согласия на проведение гипноза. Несмотря на то, что еще в 1955 году П. И. Буль утверждал, что гипноз может использоваться для

внушения даже преступных поступков, сегодняшняя наука признает это мнение ошибочным [6, с. 125]. Однако, все же существуют ситуации, когда потерпевшие под воздействием, например, цыганского гипноза, совершают действия, не характерны для них, включая преступления или передачу имущества. В одних случаях это ведет к квалификации действий этих лиц как виновных, а в других – они признаются потерпевшими, и действия гипнотизеров рассматриваются как мошенничество.

В свою очередь, внушение – это направленное словесное воздействие на психику с терапевтической целью, и оно может быть осуществлено как в гипнотическом состоянии, так и в состоянии бодрствования. При этом, нужно понимать: обман подразумевает, что потерпевший ошибочно интерпретирует фактические обстоятельства, но при этом его воля остается свободной, а в случае гипноза или внушения лицо действует под принуждением.

Заключение. Представленный анализ показывает, что понятие преступного насилия играет важную роль в уголовном законодательстве Российской Федерации, особенно в контексте преступлений против собственности. Преступное насилие может проявляться как физическое, так и психическое воздействие на потерпевшего, целью которого является ограничение его воли и принуждение к выполнению требований виновного. Важно подчеркнуть, что законодательство предусматривает различные конструкции для квалификации таких преступлений, учитывая обстоятельства и субъективные факторы.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 24.09.2023).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Исаева, Л.А. Преступления против собственности: проблема квалификации и отграничения / Л.А. Исаева // Вестник науки. – 2022. – №2 (47). – С. 36-43.
4. О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05 июня 2002 г. № 14. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37182/ (дата обращения: 24.09.2023).
5. Приговор Раменского городского суда Московской области от 29 декабря 2011 года. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vnzjkZ8kziHO/> (дата обращения: 24.09.2023).
6. Буркина, О.А. Понятие и виды насилия в преступлениях против собственности в теории уголовного права России / О.А. Буркина // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – №1. – С. 122-131.

ОБЩИЕ ОСНОВЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Мироненко С. Ю., канд. юрид. наук, доц., *Дорофеенко Д. И.*
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
mironenko-2009@mail.ru, dorofeenko.123@mail.ru

Введение. Назначение наказания выступает важным институтом уголовного права, поскольку является составляющей механизма поддержания порядка и справедливости в обществе, направлен на предотвращение преступлений, наказание преступников, их реабилитацию в обществе и предупреждение будущих правонарушений. С точки зрения современной динамики развития уголовного права, изучение основ назначения наказания позволит лучше понять возможности совершенствования механизма реализации цели и задач наказания, способствовать более эффективной реабилитации и ресоциализации осужденных, чем усилится уголовно-правовое значение наказания.

Цель исследования – определить ключевые теоретические и правовые основы назначения наказания и их уголовно-правовое значение, отметить возможности развития в современных условиях развития уголовного права.

Основная часть. Правовая природа наказания в науке уголовного права многогранная и она продолжительное время исследуется учёными. Обращаясь к современной, научной интерпретации понятия наказания обнаруживается три ключевых подхода:

1. Наказание в уголовном праве интерпретируется как межотраслевой институт. Такой подход просматривается в определении А. В. Воробьёвой, которая в своей публикации утверждает, что наказание – это межотраслевой институт, объединяющий процесс регулирования и реализации на практике комплекса уголовно-правовых мер, применяемых государством в ответ на совершение лицом преступления, с целью восстановления правосудия, наказания виновного и предотвращения совершения новых преступлений [1, с. 215]. Этот подход рассматривает наказание как общее понятие, которое применяется не только в уголовном праве, но и в гражданском, административном и других сферах права.

2. Как конкретная, уголовно-правовая мера, применяемая к лицу, совершившему преступление, являющуюся особым правовым последствием, вытекающим из юридического факта правонарушения, такого подхода придерживается И. А. Александрова [2, с. 73].

3. Как социальное явление, которое охватывает все виды социальной ответственности, базируется на применении определенных мер в отношении лица, совершившего преступление, с целью выражения общественного осуждения, предотвращения совершения преступлений и

поддержания социальной ответственности [3, с. 29]. Данный подход наименее популярен, однако также свидетельствует о широкой уголовно-правовой природе данного понятия.

Важно также заметить, что в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) понятие и цели наказания закреплены в ст. 43 УК РФ, в которой чётко прослеживается более узкая и сокращённая интерпретация второго подхода: «наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда.» [4]. Несмотря на плюрализм подходов к термину наказания, исследователи склонны выделять основные и дополнительные его цели. Так, выделяется пять основных целей наказаний: возмездие, восстановление нарушенных прав, исправление осужденного, специальная превенция и общая превенция. Дополнительно выделяются: восстановление социальной справедливости и предупреждение совершения новых преступлений.

Следует сместить внимание на основах его назначения, что многими авторами рассматривается как проблемная область науки уголовного права. Проблематика связана с неопределенностью научных взглядов об общих основах назначения наказания. Наиболее обобщенно под общими началами назначения наказания понимают: принципы назначения наказания; критерии назначения наказания; требования, которыми должен руководствоваться суд при назначении наказания; правила назначения наказания [5, с. 88].

Ниже приведены основные принципы назначения наказания:

1. Принцип законности – наказание должно быть назначено в соответствии с законом. Суд не имеет права превышать пределы, установленные законодательством, при определении меры наказания.

2. Принцип справедливости – наказание должно быть справедливым и пропорциональным совершенному преступлению. Суд должен учитывать характер и тяжесть преступления, личность виновного, а также обстоятельства дела при назначении наказания (ч.1 ст. 60 УК РФ).

3. Принцип гуманизма – наказание не должно быть жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство виновного.

4. Принцип предупреждения – наказание должно иметь предупредительный эффект и служить средством предотвращения совершения преступлений другими лицами.

Критерии назначения наказания в уголовном праве объединяют учёт характера и тяжести совершенного преступления, личности виновного, его ранние судимости, возраст и иные факторы, которые могут повлиять на выбор меры наказания, обстоятельства дела (мотивы, способ совершения), социальная опасность преступления.

При назначении наказания суд должен соблюдать определенные требования и правила, чтобы обеспечить правовую и справедливую процедуру:

1. Индивидуализация наказания – суд должен учитывать индивидуальные характеристики виновного и особенности совершенного преступления при выборе меры наказания.

2. Пропорциональность наказания – оно должно быть пропорциональным совершенному преступлению и не должно превышать пределы, установленные законодательством.

3. Обязательность исполнения наказания – суд должен обеспечить обязательное исполнение наказания, чтобы обеспечить справедливость и достижение целей уголовной юстиции.

4. Запрет двойного наказания – виновный не может быть дважды наказан за одно и то же преступление (ст. 50 Конституции РФ).

Все эти принципы, критерии, требования и правила служат основой для справедливого и обоснованного назначения наказания в уголовном праве. Они помогают суду принять взвешенное решение, учитывая интересы общества, потерпевших и виновных лиц. В то же время, следует согласиться с Е. Е. Мелюхановой, что общие начала назначения наказания детализированы в Главе 10 УК РФ, и описаны выше, однако нуждаются в изменении, поскольку нормы данной главы недостаточно конкретизированы [5, с. 93].

Заключение. Под общими началами назначения наказания следует понимать совокупность ключевых основ, на которых базируется назначение наказания за преступления, которая включает соответствие характеру и степени общественной опасности преступления, категории преступления и обстоятельствам, связанным с личностью виновного и прямо связанным с совершенным преступлением. Правовая природа общих основ назначения наказания нуждается в более предметных и углубленных исследованиях с определением качества закрепления описанных выше принципов, требований и правил, что должно способствовать укреплению уголовно-правовой роли наказания на практике и достижения целей наказания.

Список литературы

1. Воробьева, А.В. Институт наказания в российском уголовном праве: сущность, история становления / А.В. Воробьева // Актуальные проблемы государства и права. – 2019. – Т. 3, № 10. – С. 215-223.
2. Александрова, И.А. Понятие наказания: уголовно-процессуальный и уголовно-правовой аспекты / И.А. Александрова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 3(47). – С. 73-78.
3. Яшин, А.Н. Философия наказания через искупление вины и страдание / А. Н. Яшин // Научное мнение. – 2016. – № 10. – С. 25-29.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 28.09.2023).
5. Мелюханова Е.Е. Общее начало назначения наказания / Е.Е. Мелюханова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – №2 (37) – С. 88-93.

ОТГРАНИЧЕНИЕ СОСТОЯНИЯ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ ОТ ПСИХИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ

Мироненко С. Ю., канд. юрид. наук, доц., *Сеник А. А.*

ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
mironenko-2009@mail.ru, artur.senik1904@gmail.com

Введение. Проблема определения наличия или отсутствия психических расстройств при квалификации общественно опасных деяний, в уголовном праве занимает важное место, поскольку влияет на квалификацию таких деяний, и в то же время, данная проблема является дискуссионной. Так, ч. 1 ст. 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) закрепляет положение о том, что лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, не подлежит уголовной ответственности. Такому лицу назначаются принудительные меры медицинского характера. Кроме того, согласно ст. 22 УК РФ, такие меры наряду с наказанием могут быть также назначены лицу, совершившему общественно опасное деяние в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, поскольку такое состояние учитывается судом при назначении наказания [1].

В то же время, в УК РФ в качестве признака, отягчающего совершение общественно опасного деяния в п. 1.1. ч. 1 ст. 63 УК РФ, предусмотрено состояние алкогольного опьянения, которое, в свою очередь также может выступать в качестве расстройства психики и влиять на квалификацию общественно опасных деяний. При этом, такое влияние не учтено уголовным законодательством в полной мере.

Цель исследования в соответствии со сказанным выше состоит в выработке единого подхода к отграничению состояния алкогольного опьянения от состояния психического расстройства и рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства в данном аспекте.

Основная часть. Главенствующую роль в определении состояний невменяемости и психического расстройства, не исключающего вменяемости, безусловно, играет психическое расстройство – то есть, исходя из содержания упомянутых выше уголовно-правовых норм, болезненное состояние психики, делающее невозможным осознание лицом, совершившим общественно опасное деяние, фактического характера и общественной опасности своих действий (бездействия) либо руководство ими частично или в полном объеме. При этом, упомянутое состояние алкогольного опьянения, в некоторых случаях, являясь болезненным состоянием психики, также может приводить к указанным последствиям.

Данное обусловлено тем, что в медицинском аспекте, алкогольное опьянение подразделяется на простое и патологическое. Простое характеризуется тем, что при употреблении алкоголя индивид, как правило, способен осознавать свои действия и руководить ими даже с увеличением дозы принимаемого алкоголя. Патологическое алкогольное опьянение представляет собой кратковременное расстройство психической деятельности, возникающее в связи с приемом сравнительно небольшой дозы алкоголя. Для такого опьянения характерно внезапно наступающее изменение сознания типа сумеречного расстройства, резко повышенная аффективная напряженность – безотчетный страх, тревога, растерянность, гнев. Для возникновения указанного опьянения имеет значение не столько воздействие алкоголя, сколько наличие патологической почвы: черепно-мозговых травм в прошлом, недосыпание, переутомление, волнение, страх, тревога. Совершаемые в состоянии патологического опьянения общественно опасные деяния не являются реакцией на какие-то реальные события, а определяются фабулой болезненных переживаний. При этом, важно, что у лиц, находящихся в таком состоянии сохраняется способность совершать сложные целенаправленные поступки, пользоваться транспортом, правильно находить путь к дому и т. п. [2, с 154-156].

Поэтому, с учетом мнения судебно-психиатрической экспертизы, общественно опасные деяния, совершенные в таком состоянии, могут быть признаны совершенными либо в состоянии невменяемости, что влечет невозможность привлечения такого лица к уголовной ответственности и применение принудительных мер медицинского характера, либо в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, с применением таких мер наряду с наказанием. Вместе с тем, необходимо отметить, что уголовное законодательство не разделяет состояние опьянения на простое и патологическое. Так, например, в п. «а» ч. 2 и п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств), такое состояние приводится в качестве квалифицирующего признака, без какой-либо взаимосвязи с нормами УК РФ о невменяемости или психическом расстройстве, не исключающем вменяемости. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2011 N 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» также не акцентируется внимание на том, что алкогольное опьянение может являться психическим расстройством. При этом, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» состояние алкогольного опьянения учитывается исключительно как обстоятельство, отягчающее общественно опасное деяние.

Так, в п. 31 данного постановления указано, что в описательно-мотивировочной части приговора должны быть указаны мотивы,

указывающие на признание состояния алкогольного опьянения лица в момент совершения преступления отягчающим обстоятельством [3].

Заключение. Сложившаяся ситуация может негативно повлиять на применение уголовного закона относительно закрепленных в нем принципов вины и справедливости. По этой причине, видится необходимым внести изменения в уголовное законодательство, а именно – нормы УК РФ о невменяемости и психическом расстройстве, не исключаящем вменяемости, а также указанные выше постановления, акцентировав внимание правоприменителей на том, что не всякое опьянение может служить отягчающим обстоятельством. Так, при доказанности факта совершения общественно опасного деяния в состоянии невменяемости или психического расстройства, не исключаящего вменяемости, которое возникло вследствие патологического опьянения, лицо, совершившее такое деяние, в первом случае не подлежит уголовной ответственности, к нему применяются принудительные меры медицинского характера, а во втором – такому лицу наряду с наказанием судом могут быть назначены такие меры. Судам также целесообразно разъяснить, что в указанном случае, в описательно-мотивировочной части приговора, подобно ситуации, когда алкогольное опьянение признается отягчающим обстоятельством, должны быть указаны мотивы, по которым суд пришел к выводу о необходимости применения принудительных мер медицинского характера и не учел алкогольное опьянение в качестве обстоятельства, отягчающего содеянное.

Такие изменения будут способствовать правильному пониманию смысла норм уголовного закона, которые применяются при квалификации общественно опасных деяний, совершенных лицами, имеющими расстройство психики, точному соответствию судебной практики по данной категории уголовных дел общепринятым принципам уголовного права, закрепленным в уголовном законе Российской Федерации.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ: Принят Государственной Думой 24 мая 1996 года: Одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699.
2. Лисняк, М. А. Курс судебной психиатрии для юристов: учеб. пособие / М. А. Лисняк; Сибир. федер. ун-т. – Москва: Изд-во Проспект, 2014. – 216 с. – ISBN 978-5-392-15448-7.
3. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932.

ПРОИЗВОДСТВО ОБЫСКА В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ РАССЛЕДОВАНИЯ

Моисеев А. М., д-р юрид. наук, проф., *Пономаренко В. В.*
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
moiseev.prof@gmail.com, vadimponomarenkodonetsk@gmail.com

Введение. Детерминирующими факторами для текущей криминогенной обстановки можно считать боевые действия, которые ведутся как в непосредственной близости от границ Российской Федерации, так и на новых территориях, которые вошли в состав РФ 30.09.2022 г. Особые условия расследования определяются чрезвычайными ситуациями, возникающими в ходе вооруженного конфликта и связанными с ним преступлениями. В научной литературе, применительно к деятельности сил обеспечения национальной безопасности, особые условия трактуют как обстоятельства и факторы чрезвычайного характера, влияющие на производство расследования преступлений. К таким обстоятельствам относят и условия вооруженного конфликта. Поэтому производство следственных действий, в частности, обыска, требует выработки соответствующих тактических решений по его организации и оснащению.

Цель. Сформулировать рекомендации по тактике проведения обыска помещений при расследовании уголовных дел, фигурантами которых могут выступать лица, участвовавшие в боевых действиях, а также участники различных экстремистских организаций.

Основная часть. Если обратиться к статистике МВД России по состоянию преступности за январь – ноябрь 2022 года, то можно отметить возросшее количество преступлений, совершённых с использованием газового и огнестрельного оружия. А рост числа преступлений, связанных с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств составляет 107,9 %. Лидирующими регионами по приросту числа зарегистрированных преступлений, совершённых с использованием огнестрельного, газового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств являются Курская область (720 %) и Белгородская область (218,8 %) [2]. Объяснить такой прирост преступности можно тем, что указанные области непосредственно граничат с зоной проведения Специальной военной операции. Неизбежно на этих участках границы наблюдается поток неучтённого оружия и боеприпасов. Огнестрельное оружие доставляется военнослужащими на территорию России в целях личного использования и сбыта. По данным следственной практики, чаще всего оружие и боеприпасы размещаются в тайниках, расположенных в жилищах. В связи

с этим, актуализируются проблемы тактики производства обыска помещений (ст. 182 УПК РФ), частных домовладений, жилищ. Авторы обращают внимание на необходимость применения современных технических средств для обнаружения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в ходе обыска, а также привлечения специалистов для обнаружения тайников [3].

При производстве обыска помещения для обнаружения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств используется довольно обширный арсенал средств. На современном этапе, технико-криминалистическое оснащение обыска составляют металлодетекторы, щупы, служебные собаки, газоанализаторы, миноискатели. Однако, их эффективное применение определено условиями и существенными тактическими рисками.

Так, в ходе обыска категорически запрещено применять щуп для обнаружения взрывчатых веществ и устройств, так как это может привести к их детонации. Металлодетекторы могут не реагировать на искомый объект из-за помех, создаваемых окружающей обстановкой или из-за особенностей строения и материала объекта (пластиковая оболочка и детали, минимум металлических частей). В связи с этим поддерживаем рекомендации по тщательному подбору технических средств, с учетом характеристик предполагаемых обнаруживаемых объектов. Например, если брать обыск в помещении, то на металлодетекторах рекомендовано использовать катушки малого диаметра обмотки. Металлодетекторы с такими катушками в достаточной степени соответствуют малым размерам объектов, обнаруживаемых в помещениях и на местности, в условиях значительного количества посторонних металлических объектов, электрических кабелей, средств связи, электронных устройств и т.п. [1, с. 116-117].

Обращаем внимание на личностные характеристики подозреваемого. У лиц, участвовавших в боевых действиях, наблюдаются различные посттравматические стрессовые расстройства. В связи с этим, поддерживаем рекомендации о привлечении к обыску оперативных работников, задачей которых становится обеспечение безопасности участников обыска от неадекватных действиях подозреваемого.

Обращаем внимание, что на освобожденной территории новых субъектов Российской Федерации сохраняется угроза терактов и других проявлений экстремизма. Поэтому выступаем с рекомендацией по привлечению саперов к производству обыска по делам экстремистской направленности. Обнаруженные в ходе обыска тайники и другие объекты могут быть заминированы, что требует от следователя особых мер по обеспечению безопасности при производстве данного следственного действия.

Однако, расследуя преступления экстремисткой направленности в текущей обстановке и с учётом особых условий, целесообразно привлекать

к обыску помещений специалистов-сапёров. При этом остается проблемной возможность привлечения специалистов в саперном деле, ввиду отсутствия необходимого уровня взаимодействия следователя с подразделениями МЧС и армии.

Заключение. Подводя итоги, можно сказать, что, исходя из текущей и прогнозируемой обстановки, при расследовании преступлений в особых условиях, фигурантами которых выступают участники боевых действий, а также члены различных экстремистских организаций, тактика производства обыска требует совершенствования его подготовительной стадии.

Результативность производства обыска обусловлена детальным изучением обстоятельств совершённого деяния, а также биографии и иных установочных данных подозреваемого. Это даст возможность определить, какое оборудование и специальные средства поиска и обнаружения объектов будут использоваться в ходе проведения обыска помещения, а также позволит привлечь специалистов, например, по применению средств поиска и обнаружения объектов, сапёров и иных специалистов.

Важным условием результативности обыска называем обеспечение безопасности участников данного следственного действия. Рекомендуем детальную подготовку к обыску с оценкой факторов тактического риска, связанных с безопасностью, а также с профессиональными навыками подозреваемого.

Список литературы

1. Киселёв, Е.А. О возможности применения средств металлопоиска при производстве следственных действий / Е.А. Киселёв. – Текст : непосредственный // Известия Тульского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 115-122.
2. Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. – 2023. – URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 08.09.2023). – Текст электронный.
3. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации [Принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г.] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 08.09.2023). – Текст : электронный.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ГРУППОВЫМ МЕТОДОМ В УСЛОВИЯХ ЛОКАЛЬНОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Моисеев А. М., д-р юрид. наук, проф., *Сеник Р. А.*

ФБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
moiseev.prof@gmail.com, 16RS2017@gmail.com

Введение. Отечественная военно-полевая криминалистика имеет давнюю историю. В то же время, опыт технико-криминалистического обеспечения (ТКО) расследования преступлений в военных условиях еще не обобщен. Особые условия расследования определяются чрезвычайными ситуациями, возникающими в ходе вооруженного конфликта и связанными с ними преступлениями. Поэтому остается актуальным изучение особенностей производства следственных действий в особых условиях расследования.

Цель. Исследовать особенности производства следственных действий следственно-оперативной группой (СОГ) в особых условиях расследования, выявить возникающие при этом проблемы и предложить пути их решения.

Основная часть. Одним из существенных факторов, влияющим на ТКО деятельности СОГ в условиях проведения боевых действий следует считать изменчивость оперативной обстановки. На изменение обстановки влияет передислокация, ротация частей и соединений, их расформирование. Нередки противодействия расследованию со стороны командования частей и соединений, и изменение условий ведения боевых действий.

Как правило, СОГ расследует наиболее сложные и многоэпизодные дела. Сложность, обусловленная боевыми действиями, требует значительно большего привлечения ресурсов к расследованию. Достичь необходимой структурированности большой снаряженной группы возможно путем организации управления ресурсами. В особых условиях управленческую функцию осуществляет оперативный штаб расследования. На него возлагаются: обязанности по МТО, контроль за ходом расследования, координация взаимодействия, учет и контроль процессуальных сроков и подготовка материалов для прокурора. В этом заключается организационное обеспечение расследования, осуществляемого в особых условиях [3, с. 52-53].

Как отмечает Е.Г. Дмитричев, подобный опыт организации расследования имел место в период войн в Чеченской республике. Тогда удалось улучшить ситуацию с помощью создания соответствующих

органов прокуратуры. На территории проведения СВО подобная прокуратура была создана в марте 2023 года. Учитывая современную структуру следственных органов, было создано и ВСУ СК РФ. На основе анализа следственной практики можно утверждать, что такая структурированность обеспечивает на первоначальном этапе расследования незамедлительное, с использованием криминалистических средств, выполнение следственных действий.

Так, например, в плане ТКО, положительно зарекомендовали себя разгрузочные жилеты для использования вспомогательного оборудования и инструментов. Также зарекомендовали себя подвижные криминалистические лаборатории. Оперативности проведения групповых следственных действий способствует передвижение СОГ на бронетехнике и вертолетах. При этом, для исключения боевых столкновений, применяются согласованные условные обозначения или символы, расположенные на технике и шевронах участников СОГ. К наиболее часто используемым, следует отнести также магнитную систему «Поиск». С ее помощью эффективно обнаруживаются осколки снарядов, гильзы, элементы взрывных устройств [1, с. 16-21]. Отмечается возможность привлечения войсковых специалистов. Положительно зарекомендовали себя криминалистические чемоданчики. На основании опыта производства осмотров в особых условиях, формулируем рекомендацию по их комплектованию исходя из следственной ситуации.

Немаловажным является методико-криминалистическое обеспечение деятельности СОГ. Следует отметить, что в условиях боевой обстановки особую значимость приобретает быстрота и качество проводимых следственных действий. Отдельные авторы, с целью устранения недостатка времени, предлагают производство следственного действия «по усеченной методике». Однако, в особых условиях расследования недопустимо упрощение процессуальных документов. В данных условиях расследования, процессуальные документы должны составляться еще более тщательно, с необходимой полнотой и подробностью описания. Следует учитывать, что допущенную неполноту не удастся восполнить [2, с. 171].

В условиях ведения боевых действий возникают дополнительные трудности в обеспечении качества экспертных исследований. Поэтому считаем, что участникам СОГ необходимо быть готовым к самостоятельному производству экспертиз. По нашим наблюдениям, в условиях вооруженного конфликта производство ряда судебных экспертиз поручалось экспертам оперативно-розыскной бригады и временным отделам МВД России. В то же время, учитывая внезапность возникновения экспертных задач, отмечаем существенную недостаточность количества судебных экспертов в зоне проведения расследования. Поэтому выступаем с рекомендацией привлекать сотрудников судебно-экспертных учреждений к участию в производстве следственных действий в качестве

специалистов. Тогда такой специалист, участвовавший в обнаружении и изъятии вещественных доказательств, образцов, документов, может безотлагательно производить их экспертное исследование в условиях судебно-экспертного учреждения.

Взаимодействие между участниками СОГ, а также с экспертами осуществляется с помощью систем спутниковой связи. При такой организации взаимодействия устраняется и потребность в обеспечении информационными материалами. Кроме того, становится возможным проведение таких следственных действий, как опознание, допрос, осмотр и ряд других. Так, предъявление для опознания возможно с привлечением родственников опознаваемого лица, в режиме видеоконференцсвязи. Положительный эффект достигается применением электронных криминалистических учетов, дистанционной видеосъемки [1, с. 23-27].

Особое внимание при производстве следственных действий в данных условиях следует уделять искажению фактов, а также фальсификации доказательств. Искажения могут быть естественными, в результате действия факторов вооруженного конфликта. Однако встречаются намеренные искажения и фальсификации должностными лицами. Практическое устранение проблемы нам видится в создании межведомственных СОГ. Так, улучшится взаимодействие и в получении достоверных результатов расследования будут заинтересованы все участвующие в нем ведомства.

Заключение. Подводя итог, следует отметить множество особенностей производства следственных действий в условиях вооруженного конфликта. Отмечен положительный эффект групповой формы расследования. Целью дальнейшего научного поиска в данном направлении считаем минимизацию влияния негативных факторов вооруженного конфликта на ход расследования преступлений. Совершенствование тактического и ТКО деятельности СОГ способствует достижению целей расследования.

Список литературы

1. Дмитричев, Е.Г. Особенности криминалистического обеспечения расследования преступлений в условиях ведения боевых действий / Е.Г. Дмитричев – Текст: непосредственный // Предварительное следствие. – 2010. – № 2 (8). – С. 16-28.
2. Маликов, С.В., Шхагапсоев, К.З. Особенности организации допроса в районах вооруженного конфликта / С.В. Маликов, К.З. Шхагапсоев – Текст: непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 2. – С. 170-173.
3. Цоколов, И.А. Процессуальные и криминалистические особенности расследования преступлений следственной и следственно-оперативной группой: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-розыскная деятельность»: дисс. ... канд. юрид. наук / Цоколов Игорь Афанасьевич; ГО ВНИИ МВД РФ. – Воронеж, 2001. – 175 с. – Библиогр.: с. 159-175. – Место защиты: ГО ВНИИ МВД РФ. – Текст: непосредственный.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НЕКОТОРЫХ ВИДАХ УГОЛОВНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

Пыпина Г. С., канд. юрид. наук, ***Кочергин В. М.***

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, РФ
gallcc@mail.ru

В современных реалиях большое значение приобретает цифровизация многих рабочих процессов, в том числе и в сфере уголовного делопроизводства. Произошедший в 2020-2021 стремительный рост заболевающих COVID-19 привел к введению на территории России нескольких локдаунов, в ходе которых объявлялась принудительная самоизоляция граждан, коснувшаяся практически всех слоев населения. В этот период остро встал вопрос о применении дистанционных технологий, в том числе и в сфере уголовного делопроизводства как на стадии рассмотрения дел в судах, так и на стадии предварительного расследования.

Кроме того, дальнейшая актуализация проблем цифровизации в сфере регулирования общественно-правовых отношений, в том числе охраны и обеспечения правопорядка, связана со сложной геополитической ситуацией в стране. Новые вызовы и угрозы для всех сфер общественной жизни предопределили жесткую конфронтацию с недружественными государствами. Защищая свой суверенитет, независимость и целостность государственных границ, Россия решает многоаспектные задачи. Важнейшей из этих задач является, в том числе, задача формирования единого пространства, унифицированной правовой среды, общего правового поля, быстрого, точного и функционального единообразного применения права. Особую сложность в ходе реализации этой задачи составляют несформированные механизмы, либо отсутствующие нормативно-правовые средства достижения задачи, что не позволяет своевременно и оперативно решить вопросы отправления правосудия, осуществления надлежащего контроля за ходом ведения предварительного следствия и дознания, уголовного процесса в целом.

Между тем, вышеуказанные мероприятия реализуются и активно внедряются в России в рамках частноправовых отраслей и в гражданских правоотношениях. Можно сказать, что цифровизация процесса судопроизводства активно ведется в нашей стране, дополнительную инерцию это развитие получило в пост-пандемический период. Уголовное право и процесс неохотно воспринимает данную тенденцию даже в рамках судопроизводства, не говоря о стадии предварительного расследования.

Например, для регулирования судебного делопроизводства Судебным департаментом при Верховном Суде РФ были внесены изменения в Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде [1] и в Инструкцию по судебному делопроизводству в районном суде [2], расширившие возможность подачи документов всеми участниками судопроизводства и дистанционного участия в судебных заседаниях.

Для сокращения сроков расследования уголовных дел были внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ [3], позволившие следователям и дознавателям проводить ряд следственных действий (допрос, очная ставка, опознание) путем использования систем видеоконференц-связи.

Вышеуказанные изменения в законодательстве привели к значительному облегчению рабочих процессов, уменьшению процессуальных сроков, увеличению возможностей участия граждан в осуществлении правосудия.

Однако, непосредственный процесс цифровизации уголовного судопроизводства в настоящее время развивается недостаточно быстро, хотя существует ряд вопросов, требующих небольших затрат и вложений для получения необходимого результата.

В качестве примера процедур в уголовном судопроизводстве, которые можно было бы перевести в цифровой формат, можно указать продление процессуальных сроков (следствия, избранной меры пресечения).

В соответствии со статьей 162 Уголовно-процессуального кодекса РФ [4], срок предварительного следствия может быть продлен до 3 месяцев руководителем соответствующего следственного органа или руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации и иным приравненным к нему руководителем следственного органа, а также их заместителями. По уголовному делу, расследование которого представляет особую сложность, срок предварительного следствия может быть продлен руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации и иным приравненным к нему руководителем следственного органа, а также их заместителями до 12 месяцев. Дальнейшее продление срока предварительного следствия может быть произведено только в исключительных случаях Председателем Следственного комитета Российской Федерации, руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и их заместителями.

Кроме того, согласно положениям статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ [4], срок меры пресечения может быть продлен судьей районного суда или военного суда соответствующего

уровня на срок до 6 месяцев. Дальнейшее продление срока может быть осуществлено в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела и при наличии оснований для избрания этой меры пресечения судьей того же суда по ходатайству следователя, внесенному с согласия руководителя соответствующего следственного органа по субъекту Российской Федерации, иного приравненного к нему руководителя следственного органа либо по ходатайству дознавателя с согласия прокурора субъекта Российской Федерации или приравненного к нему военного прокурора, до 12 месяцев. Срок содержания под стражей свыше 12 месяцев может быть продлен лишь в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений по ходатайству следователя, внесенному с согласия в соответствии с подследственностью Председателя Следственного комитета Российской Федерации либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при соответствующем федеральном органе исполнительной власти), до 18 месяцев.

На практике, согласно различным ведомственным приказам и инструкциям [5], продление срока следствия заключается в том, что следователь (дознаватель) с ходатайством о продлении срока следствия, сопутствующими документами (оригиналами и копиями) и материалами уголовного дела, должен лично явиться к соответствующему руководителю следственного органа (прокурору) для заслушивания причин продления процессуальных сроков. При этом возникает вопрос о территориальном удалении места фактического расследования уголовного дела от места нахождения должностного лица, наделенного правами продления процессуальных сроков. Особенно остро данный вопрос в четырех новых регионах, включенных в перечень субъектов Российской Федерации, согласно Основному закону старны (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область, Херсонская область), что связано с проведением на их территории Специальной военной операции и постоянными обстрелами со стороны Украины. Отвлечение следователей (дознавателей) от непосредственного осуществления предварительного расследования уголовных дел влечет как реальную опасность для их жизни и здоровья, так и неоправданную трату времени на перемещения, в том числе и в другие регионы Российской Федерации (Председатель Следственного комитета Российской Федерации, руководители следственных органов соответствующих федеральных органов исполнительной власти (при федеральных органах исполнительной власти) и их заместители территориально находятся в городе Москва). Также встает вопрос об унификации предоставляемых документов и приведении их к единому образцу, принятому на всей территории страны.

Выходом из сложившейся ситуации видится во внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и ведомственные приказы и инструкции, разрешающих возможность следователей (дознавателей), их непосредственных руководителей обосновать свою позицию путем использования систем видео-конференц-связи и позволяющих допустить электронную передачу необходимых для продления процессуальных сроков документов и получение согласованных путем электронной подписи ходатайств, которые суды должны принимать наравне с оригиналами, а также разработка унифицированных форм указанных документов, в которых необходимо предусмотреть особенности расследования уголовных дел различных категорий и сложности.

Подобные изменения позволят сократить время согласования ходатайств о продлении процессуальных сроков, тем самым высвободив его на расследование других преступлений, обезопасить следователей (дознавателей) от перемещений в условиях, опасных для их жизни и здоровья, минимизировать возможности утраты, повреждения или уничтожения материалов уголовных дел и сопутствующих документов.

Список литературы

1. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 17.11.2021) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» – Текст: электронный – URL: // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209690 (дата обращения 29.09.2023)
2. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 (ред. от 22.12.2021) «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» – Текст: электронный – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42700 (дата обращения 29.09.2023)
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 30.12.2021 № 501-ФЗ (последняя редакция) – Текст: электронный – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405493 (дата обращения 29.09.2023)
4. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2023) – Текст: электронный – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения 29.09.2023)
5. Например, Приказ Следственного департамента МВД России от 08.11.2011 № 58 (ред. от 04.05.2023) «О процессуальных полномочиях руководителей следственных органов» – Текст: электронный – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_124344/2ff7a8c72de3994f30496a0ccb1ddafdaddd518 (дата обращения 29.09.2023); Приказ Следственного комитета РФ от 09.01.2017 № 2 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации» – Текст: электронный – URL: <https://base.garant.ru/71667580> (дата обращения 29.09.2023)

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ С ЦЕЛЬЮ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тимошенко Н. А., канд. юрид. наук, доц., *Абрамян М. А.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nina.timoshenko@donnu.ru, martha.abramyan@gmail.com

Введение. Актуальность борьбы с преступностью в сфере информационных технологий приобретает в современных условиях все более глобальное значение. Интернет-банкинг по-прежнему остается одним из лидеров в перечне киберпреступлений Российской Федерации. В данной работе мы ставим цель рассмотреть основные причины динамичного роста киберпреступности в экономической сфере и существующие способы борьбы с ней, разработать комплекс мер по противодействию киберпреступлений.

Основная часть. В последние годы задача обеспечения информационной безопасности финансовых организаций и развития устойчивой и защищенной цифровой инфраструктуры в России является одним из стратегических приоритетов Банка России. В своем выступлении в Совете Федерации глава Банка России Э. Набиуллина подтвердила намерение и дальше «усиливать надзор, стимулировать банки тщательно подходить к вопросам кибербезопасности».

К сожалению, российские банки и другие финансовые организации пока еще не научились управлять киберрисками: в ходе проверок банков на предмет киберустойчивости, которые проводил Банк России в 2019 г., было выявлено более 730 нарушений. Около 80% связаны с недостаточным уровнем информационной защиты в финансовых организациях. Хотя, на данный момент, обнаруженные проблемы не являются критическими, указала Э. Набиуллина на Международном конгрессе по кибербезопасности, в любой момент они могут стать таковыми, если их не решать [1].

К основным причинам динамичного роста киберпреступности в Российской Федерации следует относить:

1. Непроработанность российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства: многогранность, запутанность норм, лояльные санкции, не отражение всего спектра современных преступлений в киберпространстве. Строгие санкции за киберпреступления предусмотрены законодательством США: тюремное заключение сроком до 20 лет предусмотрено повторно совершившему преступление, повлекшее тяжкие последствия, а лишение свободы сроком до 30 лет без права досрочного освобождения – для проникших в компьютерные

инфраструктурные сети США (телесети, энергосети и др.). Максимальный же срок лишения свободы по санкциям статей гл. 28 УК РФ – 7 лет.

2. Недостаточный уровень образования сотрудников правоохранительных органов (дознавателей, следователей, экспертов), участвующих в расследовании киберпреступлений. Следует отметить, что IT-преступления – самые сложные в расследовании, требующие от сотрудников наличия специальных ресурсов, опыта, знаний.

3. Совершенствование киберпреступности как индустрии: вход в данный сегмент свободный, научиться взламывать сайты, электронные почтовые переписки, создавать и распространять вирусные программы легко научиться, изучив информацию в свободном доступе сети Интернет.

4. Низкий уровень грамотности, информированности и защищенности населения: минимальные, базовые знания о компьютерной и цифровой безопасности, правовой нигилизм. Правовой нигилизм представляет собой негативное отношение к закону, праву и правовым формам организации общественных правоотношений [2].

Необходимо отметить, что за последние годы Банк России, опираясь на мировой опыт, предпринял ряд важных шагов, нацеленных на повышение информационной безопасности финансовой сферы. Так, были разработаны и введены требования к информационной инфраструктуре банков, их программному обеспечению, системе хранения персональных данных, методам идентификации, криптографической защите данных.

Банком России принят комплекс документов, описывающий единый подход к построению системы обеспечения информационной безопасности организаций банковской сферы с учетом требований российского законодательства – Стандарт Банка России по обеспечению информационной безопасности организаций банковской системы РФ (СТО БР ИББС). Он касается безопасности финансовых (банковских) операций, аутсорсинга, аудита, сбора и анализа данных при реагировании на кибератаки, оценки соответствия информационной безопасности организаций банковской системы требованиям и др.

Что касается достижения прямой пропорциональности роста киберпреступности уровню ее раскрываемости, эффективного уровня безопасности общества и государства в области IT-технологий следует предпринять следующие меры:

– выделение дополнительного финансирования для обучения высококвалифицированных кадров для противодействия киберпреступности в правоохранительной системе, увеличение штатной численности оперативных сотрудников, дознавателей, следователей, технических специалистов, экспертов в области IT-технологий за счет сокращения штата управленческого аппарата системы МВД России;

– обязательное повышение компьютерной грамотности населения (начиная от дошкольных и школьных учебных заведений до групп

населения пенсионного возраста): обучение правилам безопасности работы с цифровыми устройствами и в Интернет-сети с представлением показательных алгоритмов негативных ситуаций;

– изменение подхода бизнес-структур к информационной безопасности посредством обучения и правовой регламентации ответственности в локальных нормативных правовых актах организаций;

– пересмотр санкций уголовных норм об ответственности за киберпреступления с целью ужесточения по примеру зарубежных стран.

Развитие механизма страхования организаций в случае кибератак, в том числе, может способствовать стабилизации ситуации и контролю над киберпреступлениями. Но на данный момент такой вид страхования – редкость для отечественного рынка. Например, программы страхования от кибер-угроз предлагают «АльфаСтрахование», «Сбербанк Страхование», «Согаз», «Альянс» и ещё нескольких крупных игроков рынка [3]. На текущем этапе для более широкого распространения данного вида страхования отсутствует и законодательная база, и судебная практика.

Заключение. Подводя итоги анализа основных причин динамичного роста киберпреступности, пришли к выводу, что расширение применения информационных технологий увеличило возможности киберпреступников в совершении незаконных финансовых операций, что повысило риски обеспечения финансовой безопасности в банках. Рассмотрев ряд предпринятых на данный момент шагов, нацеленных на повышение информационной безопасности, сделали выводы о необходимости разработки дополнительного комплекса мер по противодействию киберпреступлений. Предложенные меры станут условием обеспечения информационной безопасности только в случае совместных действий государства с институтами гражданского общества (органами местного самоуправления, образовательными и научными учреждениями, средствами массовой информации, общественными объединениями и т.д.).

Список литературы

1. Семеко, Г. В. Информационная безопасность в финансовом секторе: киберпреступность и стратегия противодействия / Г. В. Семеко // Социальные новации и социальные науки. – Москва: ИНИОН РАН, 2020. – № 1. – С. 77–96.
2. Жвавый, П. С. К вопросу о преодолении правового нигилизма в современной России / П. С. Жвавый, Н. М. Добрынин // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2017. – Т. 3, № 4. – С. 182–198. – DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-4-182-198.
3. Просветова, А. А., Дубкова, Е. В. Кибер-страхование как способ обеспечения информационной безопасности / А. А. Просветова, Е. В. Дубкова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 4-3. – С. 139. – DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10411.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Тимошенко Н. А., канд. юрид. наук, доц., *Грачев М. Л.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nina.timoshenko@donnu.ru, mr.grachev2000@gmail.com

Введение. Одним из важнейших источников для совершенствования отечественного законодательства, безусловно, является правовой опыт зарубежных стран. В данной работе мы ставим цель рассмотреть опыт регулирования уголовно-правового статуса несовершеннолетнего по законодательству Французской Республики и оценить возможность его применения для совершенствования отечественного законодательства.

Основная часть. Французское уголовное законодательство не выделяет специального раздела, посвящённого характеристике субъекта преступления. Это связано с тем, что субъект не является элементом состава преступления, в отличие от российского уголовного права, в котором субъект преступления – элемент состава преступления. Так, Уголовный кодекс Французской Республики принятый в 1992 году (далее – УК ФР) прямо не устанавливает возраст уголовной ответственности, отсылая к Ордонансу № 45-174 от 2 февраля 1945 года о несовершеннолетних правонарушителях (Далее – Ордонанс). В указанном законе несовершеннолетние лица дифференцируются на три группы:

1. Лица, не достигшие возраста 13 лет. Не подлежат уголовной ответственности. Лицам данной категории не может быть назначено уголовное наказание, однако суд может применить по отношению к ним «меры защиты, помощи, надзора и воспитания», не являющиеся наказанием, включающим в себя, в соответствии со ст. 15 Ордонанса:

- Передачу родителям, опекуну, лицу, под надзором которого он ранее находился, или лицу, достойному доверия;
- Определение в государственное или частное учебное или профессионально-техническое учреждение;
- Определение в медицинское или медико-воспитательное учреждение;
- Передача в службу помощи детству;
- Определение в интернат для малолетних преступников школьного возраста[2].

2. Лица от 13 до 16 лет. Могут привлекаться к уголовной ответственности в порядке исключения – «если обстоятельства дела и личность преступника этого требуют». При этом законодатель

предусматривает наказание для данной категории в сокращённом виде. В соответствии со ст. 20-2 Ордонакса ювенальный суд и ювенальный суд присяжных не могут приговорить несовершеннолетнего старше 13 лет к наказанию в виде лишения свободы на срок, превышающий половину предусмотренного за данное преступление. Если наказанием, предусмотренным за данное преступление, является пожизненное лишение свободы, ювенальный суд и ювенальный суд присяжных не могут применить эту меру и, фактически заменяют её на лишение свободы, сроком не менее 20 лет [2].

3. Лица в возрасте от 16 до 18 лет. Как и лица второй группы, они могут воспользоваться презумпцией уголовно-правовой неответственности несовершеннолетних, однако также могут быть признаны виновными и осуждены. Их основное отличие от второй группы в том, что для лиц третьей группы возраст является факультативным смягчающим обстоятельством[2]. В случае совершения указанными лицами преступления возможны три исхода:

- применение презумпции уголовно-правовой неответственности несовершеннолетних с последующим освобождается от уголовной ответственности и назначением мер «защиты, помощи, надзора и воспитания»;

- привлечение к уголовной ответственности, с сокращением наказания в силу несовершеннолетия.

- привлечение к уголовной ответственности на общих основаниях.

Статья 20-7 Ордонакса закрепляет, что общие положения УК ФР, регулирующие освобождение от наказания и отсрочку наказания, применяются к несовершеннолетним в возрасте от 13 до 18 лет без изменений. При этом, отмечается, что также может быть принято решение об отсрочке назначения мер защиты, помощи, надзора и воспитания или мер наказания, если ювенальный суд придёт к выводу, что это оправдывается перспективами развития личности несовершеннолетнего. В этом случае рассмотрение дела откладывается на срок не более чем 6 месяцев. Ювенальный суд, или ювенальный суд присяжных, отсрочивший назначение мер защиты, помощи, надзора и воспитания воздействия или мер наказания, также может принять решение о временном помещении несовершеннолетнего лица в государственное или частное заведение, или временно назначить оставление на свободе под преюдициальным надзором, или предписать ему выполнение какой-либо деятельности в целях оказания помощи или возмещения причинённого вреда[2].

Помимо этого существуют ограничения в возможности задержания лиц не достигший совершеннолетия, так несовершеннолетний младше 13 лет, по общему правилу, не может быть задержан. Тем не менее, несовершеннолетний в возрасте 10-13 лет, против которого существуют серьёзные доказательства, позволяющие предположить, что он совершил

или пытался совершить преступление или тяжкое правонарушение, карающееся минимум 7 годами лишения свободы, может быть задержан, в качестве исключения и в интересах следствия, на срок не превышающий 10 часов. В исключительных случаях, при наличии аргументированного решения, срок задержания может быть продлён на срок, который также не может превышать 10 часов.

Если несовершеннолетним в возрасте от 13 до 16 лет совершено преступление, карающееся не более чем 5 годами тюремного заключения, его задержание не может быть продлено, более того, никакая мера, связанная с задержанием, не может быть продлена без предварительного препровождения несовершеннолетнего к прокурору или к судье, ведущему предварительное следствие[2].

Заключение. Подводя итоги анализу норм, регулирующих уголовно-правовой статус несовершеннолетнего в Французской Республике, мы бы хотели отметить важное отличие от отечественного законодательства – меньшее количество норм, содержащих предписания, которые действуют априори, без каких-либо дополнительных условий, включая условия неприменения. Фактически всего три из перечисленных выше норм применяются безусловно: недопустимость применения уголовного наказания к лицам младше 13 лет, сокращение максимальных сроков наказаний и недопустимость применения некоторых видов наказания к лицам в возрасте от 13 до 16 лет.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Франции : Принят в 1992 г. : Вступил в силу с 1 марта 1994 г.: с изм. и доп. на 1 янв. 2002 г. / Науч. редактирование Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой; Пер. с фр. и предисл. Н.Е. Крыловой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 648 с.; 15 см. – (Законодательство зарубежных стран : ЗЗС / Ассоц. Юрид. центр); ISBN 5-94201-063-3
2. Закон (Ордонанс) № 45-174 от 2 февраля 1945 года «Правонарушения несовершеннолетних»: с изменениями, добавлениями и комментариями / пер. А. Герцик // Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России / сост. М.Г. Флямер. – Кн. 2. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КНР

Тимошенко Н. А., канд. юрид. наук, доц., *Грачев М. Л.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nina.timoshenko@donnu.ru, mr.grachev2000@gmail.com

Введение. Одним из важнейших источников для совершенствования отечественного законодательства, несомненно, является опыт зарубежных стран. В данной работе мы ставим цель рассмотреть опыт регулирования уголовно-правового статуса несовершеннолетнего в Китайской Народной Республике (далее – КНР) и оценить возможность его применения для совершенствования отечественного законодательства.

Основная часть. Согласно ст. 17 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики (далее – УК КНР) лица, достигшие 16 лет и совершившие преступление, несут уголовную ответственность; лица, в возрасте от 14 до 16 лет, подлежат уголовной ответственности, если они совершили убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, разбой, сбыт наркотиков, поджог, взрыв, распространение опасных веществ; лица в возрасте от 12 до 14 лет подлежат уголовной ответственности при санкции Верховной народной прокуратуры КНР на привлечение к уголовной ответственности за убийство, умышленное причинение вреда здоровью, совершенное особо жестоким способом, повлекшее тяжкое повреждение или инвалидность, а также за совершение преступления при особо отягчающих обстоятельствах [1, с. 41]. Стоит сразу отметить, что указанные положения в отношении лиц в возрасте от 14 до 16 лет, во многом схожи с таковыми в отечественном законодательстве, хотя перечень деяний за которые они могут быть привлечены к уголовной ответственности ещё более ограниченный.

Также отмечается, что лица не достигшие 18 лет подлежат более мягкому наказанию в пределах санкции, либо ниже нижнего предела санкции. А родители лиц, не достигших 16 лет, в связи с чем не подвергшихся наказанию обязаны усилить контроль и воспитание; при необходимости несовершеннолетние могут быть взяты на специальное исправительное воспитание [1, с. 41].

Необходимо отметить, что борьба с преступностью в КНР основана на применении суровых репрессивных мер по отношению к виновным лицам, которые должны устрашать потенциальных преступников. Однако уголовное и уголовно-процессуальное законодательство КНР закрепляет большое количество норм защищающих права несовершеннолетних в

уголовном судопроизводстве, что свидетельствует о развитости института защиты прав несовершеннолетних КНР.

УК КНР предусматривается 5 видов основных наказаний: надзор, краткосрочный арест, срочное и бессрочное лишение свободы, смертная казнь; и 3 вида дополнительных: штраф, лишение политических прав, конфискация имущества.

Согласно ст. 49 УК КНР, высшая мера наказания – смертная казнь – не применяется к несовершеннолетним, не достигшим, к моменту совершения преступления, возраста 18 лет [1, с. 51]. Данное положение является одной из основ обеспечения защиты прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве в КНР.

Приговором суда в качестве наказания может быть назначен надзор на срок от трёх месяцев до двух лет. Краткосрочный арест устанавливается на срок от 1 до 6 месяцев и предполагает отбывание наказания в специализированном учреждении с изоляцией от общества, но с возможностью посещения дома один-два раза в течение месяца. Также в отношении трудоспособных осуждённых законодателем предусмотрено прохождение трудового перевоспитания.

При этом ст. 78 УК КНР предусматривает возможность снижения срока отбывания всех основных видов наказания в случаях раскаяния и исправления, а также наличия следующих заслуг: пресечение другого тяжкого преступления; подтвердившееся донесение о тяжком преступлении, подготавливаемом в местах лишения свободы или за их пределами; изобретение инновации или технического усовершенствования; проявление самопожертвования в быту и работе; примерное поведение во время борьбы с стихийными бедствиями или ликвидации крупных аварий; наличие крупных заслуг перед государством и обществом [1, с. 57].

В соответствии со ст. 37 УК КНР, лица, совершившие малозначительные преступления, за которые нет необходимости применять наказания, могут быть освобождены от уголовного наказания. При этом в отношении данного лица, с учётом обстоятельств совершенного неправомерного деяния, может быть вынесено общественное порицание, наложено обязательство в виде изложения раскаяния в письменной форме, принесения извинения, возмещения вреда либо административного взыскания [1, с. 46].

Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики (далее – УПК КНР) в ст. 14 закрепляет что в случае допроса лица, совершившего преступление и не достигшего возраста 18 лет, заблаговременно, до производства допроса, его законный представитель извещается об обязательном присутствии во время допроса [2].

Кроме того, согласно ст. 34 УПК КНР несовершеннолетнему должен быть предоставлен адвокат, который обязан оказывать

квалифицированную юридическую помощь и до конца уголовного судопроизводства представлять его интересы [2].

Что же касается рассмотрения дел судом, то согласно ст. 152 УПК КНР, по общему правилу, дела первой инстанции должны проходить в Народном суде открыто, однако все дела о преступлениях, совершённых несовершеннолетними в возрасте от 14 до 16 лет, рассматриваются в закрытом заседании, а в возрасте от 16 до 18 лет, могут рассматриваться в закрытом заседании. При этом суд должен объявить причину закрытого рассмотрения [2].

В случае, если несовершеннолетнее лицо было привлечено к уголовной ответственности, то, согласно ст. 213 УПК КНР, оно отбывает свой срок в исправительном учреждении для несовершеннолетних правонарушителей, осуждённый берётся под стражу в зале суда, а его семья извещается об этом [2].

Законом о тюрьмах, принятом на XI сессии Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва от 20 декабря 1994 г., предусматривается функционирование исправительных колоний для несовершеннолетних преступников. В эти учреждения помещаются лица, не достигшие к моменту совершения преступления 18 лет, приговорённые к лишению свободы или смертному приговору с отсрочкой исполнения наказания на 2 года. После достижения совершеннолетия, осуждённый может быть оставлен в учреждении, если оставшийся срок наказания не превышает 2 лет [3].

Заключение. В заключение необходимо сказать, что многие положения китайского законодательства регулирующего уголовно-правовой статус несовершеннолетнего кажутся нам интересными и перспективными для адаптации в отечественном законодательстве. Например, на наш взгляд, высокой оценки заслуживают положения, позволяющие в особом порядке привлечь к уголовной ответственности за наиболее тяжкие преступления лиц в возрасте от 12 до 14 лет.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. проф. А. И. Чучаева и проф. А.И. Коробеева, пер. с китайского проф. Хуан Даосю. – 2-е изд. – М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2021.— 312 с. ISBN 978-5-6045252-3-4
2. Уголовно-процессуальный Кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] / http://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_criminal_procedure
3. Закон о тюрьмах КНР принятый на 11-й сессии ПК ВСНП 8-го созыва 20 декабря 1994 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.jincao.com/fa/22/law22.05.htm#04>

ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 232 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тимошенко Н. А., канд. юрид. наук, доц., *Курбатов В. А.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nina.timoshenko@donnu.ru, vl.alex.kurbatov@mail.ru

Введение. В настоящее время, на территории Российской Федерации, актуальным является вопрос незаконного приобретения синтетических наркотических средств, психотропных веществ, а так же установление способов доказывания совершенных преступлений, предусмотренных ст. 232 УК РФ. Цель этой работы является рассмотрение способов получения и документирования возможных доказательств данной категории преступлений.

Основная часть. Довольно широкое распространение на территории РФ имеет такое факт как систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств и психотропных веществ, то есть противоправное действие, предусмотренное уголовным кодексом как организация либо содержание притонов с указанной целью.

Зачастую лица употребляющие наркотики, знакомы между собой или имеют общие связи, собираются в группы, что позволяет приобретать дорогостоящие наркотики совместно и каждый раз менять место их употребления. Согласно ст. 232 УК РФ, под систематическим предоставлением помещения, следует понимать предоставление такого помещения более двух раз [1]. Это означает, что эпизодическое, однократное предоставление помещения, не будет квалифицировано как преступление, предусмотренное уголовным кодексом.

Принимая во внимание вышеуказанное обстоятельство, сотрудникам правоохранительных органов, перед задержанием лица, необходимо задокументировать и получить доказательства сразу двух преступных фактов предоставления помещения для потребления наркотиков.

Одним из доказательств в данном случае могут быть показания свидетелей. Зачастую это лица, которым и было предоставлено помещение для употребления наркотиков, однако это так же могут быть иные лица, которые укажут на время, место и событие. Это могут быть: соседи, лица из круга близкого общения, родственники, совместно проживающие люди, случайные свидетели и очевидцы. Но для предъявления обвинения в совершении преступления одних свидетельских показаний будет недостаточно. Для установления способа употребления наркотиков и самого вещества, необходимо произвести медицинское обследование лица,

которому было предоставлено помещение для употребления наркотиков. С этой целью лицо, употребляющее наркотические средства необходимо направить (доставить) в соответствующее медицинское учреждение (наркологию), где специалист установит способ употребления, например, инъекционно, перорально, путем курения и др. Получив для исследования, биологическую жидкость (слюна, моча, кровь) можно установить вид наркотического средства, психотропного вещества либо его аналог, а так же степень опьянения лица. При осмотре кожного покрова тела, можно выявить следы инъекций, как правило, лица употребляющие наркотики, с использованием инъекционной иглы и шприца, делают это в одно и то же место в паховой области, где образуется так называемая «шахта».

С целью выявления других вещественных доказательств, таких как шприц, приспособление для курения, микроостатки наркотика и само наркотическое средство, сотрудники правоохранительных органов должны провести личный досмотр лица, употребившего в предоставленном помещении наркотик.

В случае выявления предметов, использованных при помощи употреблении наркотических средств, они подлежат изъятию и направлению на соответствующую криминалистическую экспертизу. Криминалистическое заключение эксперта согласно УПК РФ, так же является допустимым доказательством [2].

В случае сбора материала по двум фактам предоставления помещения для употребления наркотических средств, и получения достаточного количества доказательств, необходимо переходить к заключительному этапу документирования преступной деятельности лица. С этой целью проводится ряд оперативно-розыскных мероприятий, направленных на задержание лица, совершившего преступление непосредственно в помещении, которое он предоставляет, в момент употребления наркотиков находящимися там лицами или сразу же после этого. Это позволит получить максимальное количество вещественных доказательств и объективных показаний свидетелей в дальнейшем в ходе расследования преступления.

Особо внимание следует уделить осмотру места происшествия с последующей фиксацией всех деталей в процессуальной форме. При осмотре помещения предоставленного для употребления наркотиков, могут быть выявлены: место изготовления наркотических средств или место подготовки к его употреблению, прекурсоры необходимые для этого, а также само наркотическое средство. В ходе осмотра места происшествия и фотофиксации, на фото-таблице к протоколу, можно увидеть точное месторасположение тех или иных предметов в помещении. Кроме этого для осмотра места происшествия привлекается эксперт-криминалист, для фиксации следов пальцев рук и подтверждения факта нахождения в предоставляемом помещении лиц, употребивших наркотики.

Согласно пункта 2 части 2 статьи 74 УПК РФ, в качестве доказательств допускаться показания подозреваемого, обвиняемого [2]. В случае если подозреваемый или обвиняемый, не воспользовался своим правом, предусмотренным ст. 51 Конституции Российской Федерации и решил давать показания, они могут носить характер признания своей вины, отрицания своей вины и частичное признание [3].

Для установления истины по делу органами предварительного следствия проводится допрос подозреваемых, а так же очная ставка, в ходе которой можно устранить существенные противоречия, если такие имеются. Кроме того проводится следственный эксперимент. Данное процессуальное действие предусмотрено ст. 181 УПК РФ. В ходе такого эксперимента, обвиняемый (подозреваемый), а также свидетели, могут указать на конкретные места в помещении, где изготавливался наркотик, где он хранился и был употреблен [2].

В итоге, на первый взгляд может показаться, что доказывание данного преступления, не особо отличается от других преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, однако стоит не забывать о том, что для раскрытия преступления предусмотренного ст. 232 УК РФ доказыванию подлежат минимум три случая предоставления помещения для употребления наркотиков, что вызывает сложность и требует неопределённого времени, по вышеуказанным причинам.

Заключение. Таким образом, задача правоохранительных органов, в ходе сбора и документирования доказательств преступной деятельности лица, предоставляющего помещение для употребления наркотиков, это получение объективной, полной информации путем проведения отдельных первоначальных следственных действий, сбора и фиксации вещественных доказательств, а так же показаний свидетелей и очевидцев.

Список литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. – изд. 2. – М.: «Контракт», «Инфра-М», 2010 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/commlaw/67> (дата обращения: 15.09.2023). – Загл. с экрана.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. 18.07.2009 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. № 237.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Хань Г. А., канд. юрид. наук, доц., *Коновальцева А. А.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
sashaeroshka@gmail.com

Введение. На сегодняшний день стремительно развиваются различные области криминалистики, как техники, так и тактики. За период развития и формирования этой науки учеными было выработано значительное количество разнообразных новых понятий, идей, приемов, способов и классификаций, которые, бесспорно, несут как теоретическое, так и практическое значение.

Актуальность данной темы заключается в том, что текущем этапе развития общества довольно высокого уровня достиг и научно-технический прогресс. Не находится на одном месте и уровень преступности. Он развивается как в количественном, так и в качественном направлении. Преступники все сильнее и разнообразнее совершенствуют методы и способы совершения преступлений, для того, чтобы, совершив такое деяние, остаться не пойманными. Достаточно важное значение здесь занимают, на сегодняшний день, способы сокрытия следов преступлений. Сказанное позволяет говорить о том, что следователям, в своей работе, необходимо знать каковы на сегодняшний день возможности криминалистики в области «учения о следах», в том числе виды и классификации таковых.

Целью работы является обозначение основных тенденций развития трасологических исследований.

Основная часть. Следы, исследуемые в рамках трасологии, отличаются от всех иных следов, так как они отображают внешние признаки оставивших их предметов. В зависимости от количества и качества выявленных в следе признаков, на практике их применяют для отнесения следообразующего объекта к определенному классу, роду, виду или для проведения идентификации. Для решения таких задач необходимы определенные средства обнаружения, фиксации и исследования следов-отображений, разработка специальных научных методов [3, с.5-7].

Следовательно, трасология – это отрасль криминалистической техники, разрабатывающая научно-технические средства и методы обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов с целью установления обстоятельств, способствующих расследованию преступлений. При определении трасологии необходимо опираться на то, что она считается отраслью криминалистической техники.

Изучая трасологию, можно сказать, что система трасологии состоит из общего и специального разделов. В общем разделе закреплены теоретические ее положения и основные правила методики трасологических исследований. Особое место в общей теории трасологии занимают вопросы индивидуализации предметов по внешнему строению, отображающемуся в оставляемых ими следах.

Специальный раздел включает в себя методику и технику идентификации определенных объектов и способы решения отдельных неидентификационных вопросов. Специальный раздел трасологии в общих чертах вмещает в себе блоки, посвященные: следам рук, следам ног человека, следам транспорта и животных, следам орудий взлома и инструментов. В отдельную часть выводятся сведения о следах других объектов (зубов, ногтей и пр.).

Необходимо учитывать, что трасологическая экспертиза со времен первых монографий отечественных экспертов-трасологов до исследований экспертов-криминалистов последних лет совершила в своем формировании ощутимый качественный скачок. С развитием теории судебной экспертизы, разработкой научно-обоснованных методик исследования и внедрением современных научно-технических средств и методов в практике трасологических экспертиз стало возможным исследование таких сложных объектов, как микротрасы, следы кожного покрова человека и животных, следы сверления и полного распила и т.д.

На современной научно-методической основе в ходе проведения трасологических экспертиз определяются вопросы установления принадлежности частей исследуемой одежды единому целому и установления принадлежности одежды определенному лицу. Разработана и эффективно применяется методика экспертного исследования следов перчаток.

Особое значение в расследовании преступлений придается результатам криминалистического исследования микрообъектов – материальных объектов, отделившихся от других объектов в процессе события преступления, ни одно из измерений которых (длина, ширина, высота) не превышает 1,5 мм. Основная задача экспертного исследования микрочастиц – установление закономерностей образования микрообъектов. Так, с помощью исследования одежды потерпевшего и обнаруженных на ней частиц волокон от одежды преступника определяется факт контакта его с потерпевшим [1, с.3-4].

Также можно добавить, что нынешняя методика экспертного исследования следов зубов (одонтоскопия) может использовать новые слепочные массы, с целью моделирования и получения образцов для сравнительного исследования.

Однако анализ экспертной практики также подтверждает то, что, несмотря на определенные позитивные перемены в производстве

трасологических исследований, не все возможности такого рода экспертиз применяются в расследовании преступлений.

Препятствия в решении процессуальных задач обусловили дальнейшее развитие не только технических средств и методов экспертного исследования, но и теоретических положений трасологической экспертизы. Поэтому, в последние годы в теории и практике судебной экспертизы возник новый вектор экспертного исследования, который некоторые ученые называют «интеграционной экспертизой». Интеграционная экспертиза – это следующая после комплексной экспертизы ступень процесса взаимопроникновения и взаимопереплетения научных знаний. Интеграционной экспертизой считается экспертное исследование установления морфологических характеристик преступника в ходе экспертного исследования вещной обстановки места происшествия. И дальнейшая разработка интеграционных экспертных исследований позволит извлекать из объектов больший объем криминалистически значимой информации [2, с.21-22].

Заключение. Таким образом, можно говорить о том, что в настоящее время усматривается тенденция значительного развития трасологических исследований. Многие ученые и эксперты-криминалисты формируют новые тактики экспертного исследования, однако такое развитие недостаточно эффективно в области практического применения подобных улучшений на месте, на что и следует обратить внимание.

Список литературы

1. Аминев Ф.Г. «О современных возможностях криминалистического исследования трасологических объектов» / Ф.Г. Аминев // Мудрый юрист. – 2014. – С. 3-4 [Электронный ресурс]: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/51708-sovremennykh-vozmozhnostyakh-kriminalisticheskogo-issledovaniya-trasologicheskikh-obektov?ysclid=le03nbxio5808400920>
2. Васина О. А. Трасология как отрасль криминалистической техники / О.А. Васина, А. А. Борисова // Молодой ученый. – 2022. – С. 21-22 [Электронный ресурс]: <https://moluch.ru/archive/446/98214/>
3. Ушаков, С. И. Трасология как отрасль криминалистической техники / С.И. Ушаков // Молодой ученый. – 2019. – С. 5-7 [Электронный ресурс]: <https://moluch.ru/archive/289/65440/?ysclid=le03zx48ly599167485>

ОРГАНИЗАЦИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Хань Г. А., канд. юрид. наук, доц., *Павлюк Т. Ю.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
tanya-pavluk2001@mail.ru

Введение. Организацией расследования преступлений называется процесс, направленный на упорядочение деятельности его участников путём выявления и уточнения основных взаимосвязанных структурных элементов, создания условий для качественного производства следственных действий, взаимодействия участников уголовно-процессуальной деятельности и руководства расследованием.

Главными структурными элементами расследования являются предмет, цели, действия, субъекты и участники их производства. В силу того, что система расследования должна функционировать как единое целое, необходима организация расследования преступлений.

Цель исследования состоит в исследовании феномена организации следственной деятельности.

Основная часть. В современных условиях особую важность приобретает научное управление как обществом в целом, протекающими в нем процессами, так и отдельными социальными системами, в том числе следственным аппаратом, органами дознания, экспертными учреждениями, судом, то есть теми органами государства, которые осуществляют уголовное судопроизводство, а в его рамках – работу с доказательствами: их собирание, исследование, оценку и использование.

Управление в сфере уголовного судопроизводства обладает рядом специфических особенностей. Эти особенности определяются характером управляемой деятельности – процесса судебного исследования и его элементов, протекающего под действием определенных закономерностей объективной действительности, независимых от субъекта управления; процессуальной независимостью лиц, осуществляющих судебное исследование; регламентацией пределов воздействия субъекта управления – прокурора, руководителя следственного подразделения или экспертного учреждения, начальника органа внутренних дел или органа юстиции – на управляемую деятельность.

Управление в сфере уголовного судопроизводства выражается, в первую очередь, в организации работы с доказательствами на стадии предварительного расследования.

Важным условием расследования является правильная организация следствия по каждому уголовному делу. Организационные принципы следственной работы дополняют и улучшают систему методических

указаний по расследованию преступлений. Именно поэтому методика расследования отдельных видов преступлений обязательно содержит в том или ином объеме указания организационного характера, и в первую очередь по тем вопросам, которые тесно связаны с общими методическими указаниями по расследованию (координация действий следователя и органов дознания, использование бригадного метода работы и т. п.). Руководствуясь этими соображениями можно определить криминалистическую методику как наиболее целесообразную совокупность тактических, технических, организационных и некоторых других приемов, а также необходимый комплекс научно-технических средств и способов их использования, рекомендуемый криминалистикой для расследования той или иной категории преступлений. Начальный этап расследования в большинстве случаев характеризуется информационной недостаточностью и неопределенностью. Имея представления о типовых источниках доказательств по определенной категории преступлений, следователь, учитывая следственную ситуацию, определяет способы и пути их получения.

Определение целей непосредственно связано с построением следственных версий. Цель может быть основанием построения следственной версии. В свою очередь, построение версии конкретизирует цель, порождает цели конкретных следственных и иных действий. Следственная версия представляет собой лишь предположение. Выводимые из неё следствия – это те вопросы, стоящие перед следователем, на которые необходимо дать ответ для уточнения версии следствия. Посредством версий осуществляется уточнение объекта деятельности в расследовании [1].

Параллельно с определением целей следователь уточняет характер, количество, последовательность и сроки производства следственных и других действий и их сочетаний (тактических операций), другими словами, планирует расследование. Исходя из цели определяется способ и характер предпринимаемых действий. Основное содержание планирования как элемента организации расследования заключается в выявлении путей, средств и способов достижения поставленных целей. Этап планирования несколько уступает целеобразованию. Планирование представляет собой процесс выбора сил и средств для достижения поставленных целей [2]. Составлением плана завершается начальный этап создания структуры расследования.

Организация следственной работы состоит, кроме того, в организационно-подготовительных действиях (ОПД). Многие из них ориентированы на формирование структуры следствия (анализ данных, составление планов и др.); прочие – на подготовку следственных мероприятий, создание условий с целью их рационального производства. Организационно-подготовительные действия подразумевают под собой

комплекс по созданию условий для действенного применения криминалистических рекомендаций в расследовании.

Ещё один структурный элемент расследования – участники следственной деятельности. Это лица, участвующие в уголовно-процессуальных правоотношениях, то есть имеют в них определенные права и обязанности. Они выполняют часть уголовно-процессуальной деятельности и считаются субъектами отдельных уголовно-процессуальных действий и отношений. Таким образом, субъекты уголовного процесса – это те его участники, уголовно-процессуальные права которых позволяют им оказывать влияние на ход и результат уголовного дела [3, с. 7-15].

На основе учета следственной ситуации реализуются такие принципы организации расследования, как планирование конкретного акта расследования, экономичность его осуществления, обеспечение условий для применения криминалистических средств и методов, взаимодействие привлеченных к расследованию сил. Свою материализацию организация конкретного акта расследования получает в плане расследования, который не случайно называют организующим началом расследования.

Заключение. Подводя итог, стоит отметить, что следователь зачастую имеет «в работе» несколько дел. С целью эффективного решения нескольких задач одновременно необходима организация следственной деятельности, её планирование. Полученные в ходе организации расследования дела результаты могут быть полезны для сбора статистических данных по состоянию борьбы с преступностью в стране, выдвижению предложений о путях, средствах и методах улучшения расследования, о нормативном, в том числе законодательном, закреплении целей, о последующей организации их достижения.

Список литературы

1. Можяева И.П. Организация расследования преступлений: правовые, управленческие и криминалистические аспекты / И.П. Можяева // Труды Академии управления МВД России. – 2013. – №4 (28). – С. 75-78.
2. Фомина И. А. Организация работы следователя / И.А. Фомина // Сибирский юридический вестник. – 2022. – №3 (98). – С. 78-84.
3. Зеленский В. Д. Основные положения организации расследования преступлений: учеб. пособие / В. Д. Зеленский. – Краснодар: КубГАУ, 2012. – 160 с.

К ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

Хань Г. А., канд. юрид. наук, доц., *Ткач А. А.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
anutatkach94@mail.ru

Введение. В основе эффективного предотвращения, расследования и раскрытия преступлений лежит современная криминалистика, которая состоит из совокупности отраслей, которые обеспечивают реализацию целей правоохранительной деятельности. Одной из таких отраслей является криминалистическое документоведение, в рамках которого существует ряд проблем теоретического и практического характера. В частности, следует выделить такие проблемы, как сложность определения предметной области исследования криминалистического документоведения, необходимость разграничения компетенции экспертов при исследовании подписей, в частности, при исследовании вопросов, связанных с технической подделкой в рамках технико-криминалистической экспертизы. В качестве проблем также следует рассматривать недостаточное исследование подписей в документах, изготовленных электрофотографическим способом, а также отсутствие лингвистической основы автороведческой экспертизы. Эти проблемы актуальны длительное время и остаются дискуссионными в настоящее время. Дискуссионность и значимость данных проблем определяют актуальность представленного исследования.

Целью работы следует считать анализ указанных проблем и внесение предложений по их разрешению.

Основная часть. Как было указано, одной из проблем современного криминалистического документоведения является определение предметной области исследования, а именно, разрешение вопроса о том, следует ли ограничивать предметную область только исследованием документов с использованием специальных знаний или же необходимо включать актуальные вопросы исследования документов в широком понимании. В качестве примера, можно отметить необходимость включения особенностей осмотра документа следователем. Справедливой представляется позиция Е.В. Елагиной, которая отмечает, что разрешение данной проблемы лежит в необходимости руководствоваться общими положениями к определению понятия документа, основными положениями в области криминалистического документоведения [1, с. 49]. Соглашаясь с данной позицией отметим, что реализация предложенного обеспечит обоснованное определение возможных видов исследования, в

частности, исследование будет проводиться исключительно на основании использования специальных знаний, то есть действия будут характеризоваться исследовательским процессом, а именно постановкой задач, анализом, проверкой, выводом. При этом отметим необходимость более детального криминалистического определения документа.

Существенной проблемой является несовершенство взаимосвязи положений теории криминалистического документоведения и практики правоприменения. Так, Р.Н. Боровский указывает, что в настоящее время многие рекомендации в области криминалистического документоведения устарели и требуют обновления, новой статистической обработки и т.п. В практике правоприменения существуют случаи, когда различные ведомства используют различные методики, которые могут противоречить друг другу [2, с. 14]. Таким образом, необходимо осуществить систематизацию подходов к разрешению вопросов, входящих в предмет криминалистического исследования документов. Систематизация должна осуществляться на основании существующих достижений правовой доктрины, практики правоприменения, использования практических аспектов, обновления и выработки методических рекомендаций с последующим внедрением их в практическую деятельность.

Представители правовой доктрины, в частности Т.А. Литвинова рассматривает такую проблему, как сложность разграничения компетенции экспертов при исследовании подписей, в частности, при исследовании вопросов, связанных с технической подделкой в рамках технико-криминалистической экспертизы [3, с. 77]. Сущность описанной автором проблемы заключается в том, что не смотря на обоснованность формального разделения, недопущение проведения смежной экспертизы одним экспертом может замедлить ход расследования. Решение данной проблемы видится в подготовке экспертов с комплексной специализацией. Вместе с тем, может возникнуть иная проблема, заключающаяся в отсутствии глубоких специальных знаний у экспертов, а также уменьшения числа экспертов с узкой специализацией.

М.А. Нагоева отмечает, что отсутствие лингвистической основы автороведческой экспертизы также является существенной и значимой проблемой современного криминалистического документоведения. Одним из предложенных вариантов разрешения данной проблемы является использование при производстве данной экспертизы теории дейскоса [4, с. 107]. Сущность данной теории заключается в использовании при производстве экспертизы личного, пространственного и временного критериев, а также в необходимости учета служебных слов и местоимений.

Самостоятельное значение приобрела проблема исследования подписей в документах, изготовленных электрографическим способом. Н. Н. Шведова отмечает, что используемые в современной практике методики не позволяют исключить техническую подделку подписи,

поскольку при производстве экспертизы используются те же методы, что при исследовании рукописных подписей [5, с. 216]. Разрешение данного вопроса видится в запрете проведения идентификационного исследования таких документов, однако такой запрет следует ограничить не возможностью идентификации в случае отсутствия оригинала документа.

Также отметим, что в настоящее время, полученная в ходе производства экспертизы информация о документе может использоваться не только в рамках уголовного судопроизводства. Например, Т. Е. Микрюкова отмечает, что в результате изучения материалов уголовных дел о мошенничестве при получении социальных выплат, можно сделать вывод о том, что сотрудники органов социального обеспечения уделяют недостаточное внимание проверке подаваемых гражданами документов, что создает причины и условия, способствующие совершению преступления [6, с. 203]. Таким образом, практика и результаты криминалистического исследования документов могут послужить основой для разработки инструкций, рекомендаций и методик, определяющих порядок проверки документов органами государственной власти на предмет подделки.

Заключение. Из совокупности указанного следует вывод, что современное криминалистическое исследование документов имеет ряд существенных проблем теоретического и практического характера. Только комплексный подход, всестороннее исследование позволит их разрешить. Таким образом, основными направлениями для решения указанных и иных проблем являются:

- 1) акцентирование внимания научного сообщества на актуальные теоретические проблемы, а также потребности практической деятельности;
- 2) обновление методических рекомендаций, обеспечение единого применения методологических рекомендаций различными органами государственной власти;
- 3) определение новых требований к компетенции, количеству и квалификации экспертов.

Список литературы

1. Елагина Е.В. «О понятии документа в криминалистике» / Е.В. Елагина // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – № 2 (4). – С. 48-51. – ISSN: 2070-4232.
2. Боровских Р.Н. О направлениях усиления прикладных характеристик криминалистических исследований / Р.Н. Боровских // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 2 (28). – С. 12-16.
3. Литвинова Т.А. Лингвистические основы неидентификационной судебно-автороветческой экспертизы / Т.А. Литвинова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 20 (274). – С. 74-78. – DOI: 10.47475/1994-2796.
4. Нагоева М.А. К вопросу о значении почерковедческих исследований при расследовании уголовных дел / М.А. Нагоева // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №. 14 – С. 107-109.

5. Шведова Н.Н. Криминалистическое исследование документов: ретроспективный анализ и современное состояние / Н.Н. Шведова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 1 (102). – С. 212-218. – ISSN: 2227-7315.
6. Микрюкова Т.Е. Значение криминалистического исследования документов в процессе расследования мошенничества при получении социальных выплат / Т. Е. Микрюкова // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 4 (30) – С. 203-205. – ISSN: 2073-1078.

Гражданское право и процесс

УДК 347.61

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Асеева Н. В., канд. юрид. наук, доц., *Гокунь Ю. С.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
yulya.gokun@mail.ru

Введение. Вспомогательные репродуктивные технологии ежегодно помогают тысячам людей по всему миру реализовать право на семью и завести ребенка. При этом, отдельного внимания заслуживают морально-этические аспекты применения вспомогательных репродуктивных технологий.

Цель исследования заключается в изучении морально-этических аспектов применения вспомогательных репродуктивных технологий.

Основная часть. На протяжении длительного периода времени бесплодие считалось диагнозом, при котором врачи имели крайне ограниченные возможности для оказания помощи своим пациентам. Ситуация в этой области резко изменилась в 1978 году после объявления о рождении Луизы Браун посредством экстракорпорального оплодотворения (далее – ЭКО). С течением времени случаи обращения к вспомогательным репродуктивным технологиям участились, чему сопутствовало возникновение ряда морально-этических вопросов.

Необходимо отметить, что цена за обращение к процедуре ЭКО достигает сотен тысяч рублей, а цена за обращение к услугам суррогатной матери может достигать и нескольких миллионов. Кроме денежных средств в понятие «цены» также входит и судьба человеческих эмбрионов – запасных либо лишних, оставшихся невостребованными после проведения медицинских процедур. После переноса в матку нескольких зародышей возникает многоплодная беременность, вынашивание которой обладает высокими рисками для вынашивающей женщины. В связи с этим, при беременности сроком в 7-8 недель выполняется процедура редукции, смысл которой состоит в умерщвлении лишних зародышей внутри матки. Производится редукция под ультразвуковым контролем путем введения иглы в сердце зародыша. Выполняются она тем же специалистом, который и проводил перенос эмбрионов в организм женщины. Какой зародыш оставить, а какой нет, специалист по ЭКО выбирает по своему желанию, рассматривая

изображение на экране, и в итоге оставляя один либо два эмбриона. В правовой литературе это приводит к возникновению проблемы, связанной с определением правового статуса эмбрионов и их правовой защиты.

Исследуя вопрос определения правового статуса эмбриона необходимо принимать во внимание следующее. Согласно ст. 2 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека», его действие не распространяется на органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, которые включают в себя репродуктивные ткани (яйцеклетку, сперму, яичники, яички или эмбрионы), а также на кровь и ее компоненты [1]. Это позволяет сделать вывод об определении эмбриона как ткани организма матери.

Циклы ЭКО часто приводят к тому, что пары переносят несколько эмбрионов и криоконсервируют другие эмбрионы, полученные в ходе цикла, предположительно с целью будущей беременности. Однако во многих случаях эти лишние эмбрионы никогда не используются генетическими родителями и поэтому хранятся в репродуктивных клиниках. Этические и моральные проблемы, связанные с тем, как поступить с этими лишними эмбрионами, стали источником многочисленных споров. В целом, существуют три возможные судьбы этих эмбрионов: криоконсервирование с последующим хранением; донорство эмбрионов; утилизация [2]. На наш взгляд, с этической точки зрения было бы правильнее донировать эмбрионы другой паре с целью их переноса в женский организм, вынашивания и рождения ребенка.

Применительно к суррогатному материнству наибольшую этическую проблему составляет идея о том, что данные правоотношения представляют собой ни что иное, как сделку по купле-продаже ребенка. Данное мнение возникло из-за того, что некоторые исследователи ложно считают ребенка предметом договора суррогатного материнства. Исходя из самой природы договора суррогатного материнства как договора о предоставлении услуг становится понятно, что предмет договора составляют услуги суррогатной матери по вынашиванию и рождению ребенка.

Заключение. Таким образом, несмотря на существование противоречивых морально-этических аспектов, возникающих при применении вспомогательных репродуктивных технологий, данные методы лечения бесплодия носят полезный характер.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 N 4180-1. – Текст : электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – 2023. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4692/ (дата обращения: 25.09.2023).
2. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и

УДК 342.9

О КОМПЕНСАЦИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ АКТОМ

Беспалова Е. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kf.admfinpr@donnu.ru

Введение. Согласно положениям законодательства, в спорах о причинении личного вреда потерпевший может потребовать от потерпевшей стороны выплаты определенной суммы компенсации за стресс и душевные страдания. Однако, поскольку эта утешительная выплата не является фактически причиненным ущербом, трудно определить, когда речь идет о компенсации. Законодательство не уточняет порядок расчета и предел компенсации морального вреда, а суды столкнулись с определенными трудностями в определении конкретного размера компенсации в практике рассмотрения и утверждения суммы вреда.

Основная часть. Гражданин, пострадавший от террористического акта, может обратиться в суде с иском о компенсации морального вреда.

Если после смерти физического лица его близкие родственники испытывают душевные страдания и обращаются в народный суд с иском о возмещении морального вреда, принимает дело к рассмотрению в соответствии с законом, если речь идет об: а) оскорблении, клевете, посягательстве на имя, портрет, репутацию и честь умершего иными способами, нарушающими общественные интересы или социальную этику; б) о незаконном раскрытии или использовании неприкосновенности частной жизни умершего или посягательстве на неприкосновенность частной жизни умершего иными способами, нарушающими общественные интересы или общественную этику; в) о незаконном использовании, нанесение ущерба останкам или посягательстве на останки способами, нарушающими социальные общественные интересы и социальную этику.

Согласно положениям законодательства РФ, в спорах о причинении личного вреда потерпевший может потребовать от второй стороны выплаты определенной суммы компенсации за душевные страдания. Однако, поскольку эта выплата не является фактически причиненным

ущербом, трудно определить, когда речь идет о компенсации. Законодательство РФ не уточняет порядок расчета и предел компенсации морального вреда, а суды столкнулись с определенными трудностями в определении конкретного размера компенсации в практике рассмотрения и утверждения [1, с.140].

Стандарт компенсации при оценке умственной инвалидности обычно зависит от степени утраты трудоспособности и полученной степени инвалидности. Психическая инвалидность первой степени является самой тяжелой и предусматривает самую высокую сумму компенсации.

Ущемление права физического лица на здоровье, но не инвалидность, а также ущемление иных прав или законных интересов физического лица, влекущее за собой необходимость возмещения морального вреда, совокупно именуется компенсационными моральными выплатами; размер компенсации моральной инвалидности зависит от вины физического лица, являющегося нарушителем, иных обстоятельств и определяется на основе таких факторов, как конкретные социальные условия обеих сторон и отношение правонарушителя к признанию его вины.

Размер компенсации морального вреда определяется исходя из следующих факторов:

- а) степени вины нарушителя, если иное не предусмотрено законом;
- б) цели, способа, случая и иных конкретных обстоятельств посягательства;
- в) величины ущерба, причиненного нарушением, последствий;
- г) величиной дохода нарушителя;
- д) финансовой способностью нарушителя нести ответственность;
- е) средним уровнем жизни в месте расположения суда, принимающего иск.

Размер компенсации также различен в зависимости от степени причинения вреда. Психическая инвалидность первой степени является самой тяжелой и предусматривает самую высокую сумму компенсации.

Некомпенсируемой психической инвалидностью признается:

– психический вред, причиненный по причинам, не являющимся юридическими фактами. Например, стихийные бедствия, разбитая любовь (кроме разрыва помолвки) и т. д.

Он также имеет место в том случае, если субъект вреда не является стороной и не имеет с ней конкретных правоотношений. Например, психический ущерб, вызванный тем, что лицо стало свидетелем кровавого убийства или дорожно-транспортного происшествия.

Некомпенсируемый моральный вред имеет место также в случае, когда он обусловлен оказанием услуг низкого уровня, низкого уровня законности и других факторов, или в том случае, когда невозможно своевременно получить юридическую помощь. Например, плохое

отношение к обслуживанию во время обеда или еда не доставляется в течение длительного времени. По мере развития общества и совершенствования правовой системы этот вид психических травм будет постепенно сокращаться [2, с. 5].

Таким образом, к некомпенсируемому моральному вреду относится моральный вред, причиненный юридическими фактами, не отвечающими требованиям возмещения морального вреда. Например, требования о возмещении морального вреда, причиненного нарушением, обычно таковы: вредное поведение, серьезный психический ущерб, причинно-следственная связь между вредным поведением и ущербом, а также субъективная вина нарушителя. Без какого-либо из них компенсации моральный вред не подлежит компенсации [3, с. 263].

Если личная безопасность лица или его близких родственников находится под угрозой вследствие сообщения и пресечения террористической деятельности, дачи показаний по уголовным делам о террористической деятельности или участия в контртеррористической работе, по заявлению лица или его близких родственников, орган общественной безопасности должен принять одну или несколько из следующих защитных мер:

- не раскрывать личную информацию, такую как настоящее имя, адрес и место работы;
- запретить конкретным людям контактировать с охраняемыми лицами;
- принять специальные меры защиты личности и места жительства;
- изменить имя защищаемого лица, изменить его место жительства и место работы [4].

В то же время, если физическое лицо подверглось незаконному нарушению следующих личных прав и обратилось в суд с иском о возмещении морального вреда, суд принимает дело к рассмотрению в соответствии с законом, если речь идет о праве на:

- а) жизнь, права на здоровье и праве на тело;
- б) на имя, права на портрет, праве на репутацию и права на честь;
- в) на личное достоинство, и права на личную свободу.

Заключение. Если лицо нарушает социальные общественные интересы и социальную этику, а также посягает на неприкосновенность частной жизни или другие личные интересы других лиц, и потерпевший обращается в суд с иском о компенсации морального вреда на основании нарушения, суд принимает дело к рассмотрению в соответствии с законом.

Если после смерти физического лица его близкие родственники испытывают душевные страдания из-за правонарушений и обращаются в суд с иском о возмещении морального вреда, суд принимает дело к рассмотрению в соответствии с законом.

Список литературы

1. Дикова, И. В. К вопросу об институте возмещения вреда в гражданском праве / И. В. Дикова // Закон и право. – 2023. – № 6. – С. 140-142.
2. Агибалова, Е. Н. Принцип полного возмещения вреда как принцип деликтного права / Е. Н. Агибалова, В. В. Слеженков // Современное право. – 2023. – № 1. – С. 5-15.
3. Пудовкин, Д. С. Защита гражданских прав при возмещении морального вреда / Д. С. Пудовкин // Труды Евразийского научного форума., Санкт-Петербург, 15–16 декабря 2022 года. Ч. V. – СПб.: АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС», 2023. – С. 263-269.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2023) [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/(дата обращения: 25.09.2023).

УДК 340

ПРИЗНАНИЕ СДЕЛКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Горбатенко Е. В., канд. юрид. наук, доц., *Головина Ю. А.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
gorbatenko2010_2011@mail.ru

Введение. Сделка является проявлением гражданских правоотношений и одним из основных способов реализации прав и интересов физических и юридических лиц, т.е. субъектов гражданского права. Сделка должна соответствовать требованиям действительности, установленным Гражданским кодексом РФ. Если хотя бы одно из условий нарушено, сделка не может считаться действительной. Как одно из средств защиты гражданских прав Гражданский кодекс РФ определяет признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности. Актуальность данного исследования заключается в том, что обстоятельства, которые могут быть основаниями для признания сделки недействительной, вносят неопределенность относительно наличия соответствующих правоотношений между сторонами, что приводит к утрате доверия между сторонами, в частности, при осуществлении предпринимательской деятельности.

Основная часть. В теории гражданского права отмечают, что недействительность сделки не означает принципиального изменения правовой природы этого юридического факта. Речь идет о лишении этого акта законной силы и возможности судебной защиты соответствующих прав. Однако недействительные сделки все же являются сделками. Кроме того, этот вывод можно распространить и на другие юридические факты, на которые распространяется категория недействительности [1, с. 45].

На основании ст. 12 Гражданского кодекса РФ признание сделки недействительной является самостоятельным способом защиты гражданских прав [2]. Признание сделки недействительной представляет собой самостоятельный не тождественный другим способам защиты имущественных гражданских прав и интересов (восстановление положения, существовавшего до нарушения права, прекращение действия, нарушающего право, прекращение правоотношений и т.п.) способ защиты, целью применения которого является прекращение регулятивной силы сделки как юридического факта, т. е. признание ее как не имеющей юридических последствий (аннулирование гражданских прав и обязанностей, возникших у сторон при совершении сделки), для недопущения развития на основании сделки соответствующих ей правоотношений, а также установления запрета на совершение сделки.

Однако некоторые ученые считают, что как способ защиты признание сделки недействительной является частным случаем восстановления положения, существовавшего до нарушения права, поскольку совпадает с ним с точки зрения правовой сущности [3, с. 196].

Безусловно, согласно ст. 167 Гражданского кодекса РФ, в случае недействительности сделки каждая из сторон обязана вернуть другой стороне в натуре все, что она получила за ее выполнение, а в случае невозможности такого возврата, в частности, когда полученное заключается в пользовании имуществом, выполненной работе, предоставленной услуге – возместить стоимость [2].

Недействительность выступает конкретным результатом оценки сделки на предмет соответствия её законодательству и указывает на определенное несоответствие сделки нормам права (отсутствие тех правовых последствий, на которые сделка была направлена).

Институт недействительности сделок является структурным элементом охранной системы гражданских прав и имеет целью прекращение действий, не соответствующих правовым нормам. Место института недействительности сделок в системе гражданско-правовых охранных мероприятий определяется необходимостью защиты нарушенных прав добросовестных участников гражданских правоотношений в случаях, когда требования гражданского законодательства к сделке не соблюдены.

Недействительность сделки означает, что действие, совершенное в виде сделки, не обладает качествами юридического факта, способного породить те или иные гражданско-правовые последствия, наступления которых желали субъекты.

Также следует обратить внимание на степень недействительности сделки, в частности на то, что она может быть разной. Существует такой вид сделок, недействительность которых определяется законом, то есть в правовой форме. Такие сделки являются недействительными с момента их

заклучения независимо от решения суда или просто предъявления иска. Речь идет о ничтожных сделках.

Другой вид недействительных сделок – оспоримые сделки. Они действительны, порождают права и обязанности, но их действительность может оспариваться заинтересованной стороной в судебном порядке. Недействительность этих сделок не предусматривается непосредственно правовой нормой, но при этом существует такая норма, которая предоставляет возможность обратиться в суд для признания такого акта недействительным. То есть, недействительной оспоримая сделка может быть признана только тогда, когда будет доказан юридический факт, свидетельствующий о неправомерности такой сделки.

Сделка может состоять из частей, то есть условий. Следует отметить, что иногда эти условия по-разному соотносятся с законом. То есть, некоторые из условий могут соответствовать требованиям, установленным законодателем, а некоторые – нет. В такой ситуации возможны два варианта решения дальнейшей юридической судьбы сделки. Если закону не соответствуют какие-либо существенные условия сделки, то она является или должна быть признанной судом недействительной в целом. Но если закону противоречит какое-то незначительное, несущественное условие, без которого это соглашение могло бы вполне нормально существовать, то она считается действительной.

Заключение. Признание сделки недействительной является самостоятельным и не тождественным другим способам защиты имущественных прав и интересов (восстановление положения, существовавшего до нарушения права, прекращение действия, которым нарушается право, прекращение правоотношений и т.п.), способ защиты, целью которого является прекращение определенных правоотношений. Признание ничтожной сделки недействительной по требованию одной из ее сторон не является надлежащим способом защиты прав, поскольку не приведет к реальному восстановлению нарушенных прав истца, т. к. ничтожная сделка является недействительной в силу закона. Однако, при наличии спора о правовых последствиях ничтожной сделки, суд проверяет соответствующие доводы и в мотивировочной части судебного решения, применив соответствующие положения норм материального права, подтверждает или опровергает обстоятельство ничтожности сделки.

Список литературы

1. Хейфец, Ф. С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву / Ф.С. Хейфец. – 2. изд., доп. – М.: Юрайт, 1999. – 162 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) / СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. Шестакова, Н. Д. Недействительность сделок / Н. Д. Шестакова. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. – 358 с.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРАВОМОЧИЙ СДЕЛКОСПОСОБНОСТИ МАЛОЛЕТНИХ

Дербишев Р. О.

Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Донецк, РФ
rus_don@mail.ru

Введение. Защита детей является одной из важнейших задач любого государства, закрепленных в его основных нормативных правовых актах. Данная обязанность мирового сообщества провозглашена и в международно-правовых актах: Всеобщей декларации прав человека [1] и Декларации прав ребенка [2]. Защита прав любого субъекта изначально неразрывно связана с возможностью реализации его субъективных прав.

Цель. Усовершенствование правового регулирования осуществления гражданских прав становится в период стабилизации социально-экономического развития Российской Федерации в условиях действия международных санкций на фоне глобальной цифровизации и развития электронного гражданского оборота.

Основная часть. Цивилистическая доктрина является довольно инертной и статичной, что накладывает свой отпечаток на скорость реакции общества на процессы, которые происходят в гражданских правоотношениях. И если понятия дееспособности и сделкоспособности достаточно в полной мере разработаны отечественными учеными-правоведами (С.Н. Братусь [3, с. 21], В.П. Шахматов [4, с. 66] и др.), то нормативно-правовое регулирование конкретных отношений отстает еще сильнее.

Правовое регулирование объема дееспособности малолетних лиц осуществляется ст. 28 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в п. 2 которой перечислены сделки, которые могут совершать лица в возрасте от 6 до 14 лет без согласия родителей [5]. По поводу сделки, указанной в пп. 2 п. 2 ст. 28 ГК РФ вопросы не возникают, чего нельзя сказать о юридически значимых действиях, перечисленных в пп. 1 и пп. 3 п. 2 ст. 28 ГК РФ. Наряду с традиционно дискуссионным вопросом о необходимости четкого легального закрепления дефиниции мелкой бытовой сделки в кодифицированном акте, вопрос об однозначном толковании возможности совершения малолетними лицами сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения остается открытым. На это указывает и мнение ряда авторов о том, что «сделкоспособность несовершеннолетних в

возрасте до 14 лет редко вызывает научные дискуссии» [6, с. 146], обосновывая свою позицию тем, что в основном их полномочия осуществляются законными представителями. Однако по нашему мнению разрешение вопроса о нормативном закреплении дефиниции «мелкая бытовая сделка» в ГК РФ, позволило бы разрешить целый ряд вопросов, связанных со спорностью и трудоемкостью для судебной системы правоотношений, возникающих на основании совершения таких сделок.

Естественно, легальное закрепление определения «мелкая бытовая сделка» является непростой задачей, как для ученых-правоведов, так и для законодателя, содержащей в себе много скрытых угроз и возможностей потенциального нарушения прав лиц, участвующих в таких правоотношениях, начиная от разницы в размере «незначительности» суммы совершения мелкой бытовой сделки малолетними, несовершеннолетними и ограниченно дееспособными лицами и заканчивая абсолютно разным уровнем духовного и физического развития указанных категорий граждан.

Примером нормативного урегулирования понятия «мелкая бытовая сделка» является Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР), в ст. 204 которого легально закреплены признаки, которым должна удовлетворять мелкая бытовая сделка (удовлетворение бытовых потребностей, совершение за счет средств законных представителей или собственных средств, исполнение в момент совершения, стоимость предмета, не выше установленного минимального размера оплаты труда [7]). Несмотря на неоднозначность некоторых аспектов вышеперечисленных признаков, данный пример является показательным и может быть использован с целью оптимизации правового регулирования гражданских правоотношений.

Проблемы реализации права малолетнего лица, закрепленного в пп. 3 п. 2 ст. 28 ГК РФ, хоть и не очевидны, но легко прогнозируемы. Согласно вышеуказанной норме малолетние вправе распоряжаться средствами, которые были предоставлены им третьими лицами с согласия законного представителя для определенной цели или без таковой [5].

Подвергнув текст пп. 2 п. 2 ст. 28 ГК РФ буквальному (адекватному) толкованию, можно сделать выводы, что законодатель никоим образом не ограничивает право распоряжаться любым разрешенным законом способом средствами, которые были переданы малолетним по согласованию с их законными представителями от третьих лиц для совершения каузальной или абстрактной сделки. То есть, теоретически, ребенок, начиная с шестилетнего возраста, может самостоятельно распорядиться (дарение, купля-продажа) деньгами (любой суммой, например, в размере 10 000 руб.), подаренными ему бабушкой с согласия его же родителей по своему усмотрению. Даже не принимая во внимание, разницу в уровне духовного и физического развития ребенка в возрасте шести и четырнадцати лет, возникает ряд вопросов о возможности или

необходимости ограничения правомочия малолетних на совершение такой сделки. Прямо это ни в одном нормативном акте законодателем не установлено, причем ни в императивном, ни в диспозитивном порядке. В случае же, если суд при разрешении спора использует аналогию закона, применив правило о совершении мелкой бытовой сделки, становится очевидным наличие коллизии правовых норм между диспозитивным началом, закрепленным в п. 2 ст. 28 ГК РФ о том, что малолетние в возрасте от шести до четырнадцати лет вправе самостоятельно совершать перечисленный ниже ряд сделок, в том числе и сделки, указанные в пп. 3 п. 2 ст. 28 ГК РФ и ограничением, закрепленным в пп. 1 п. 2 ст. 28 ГК РФ. Ведь неспроста в пп. 2 и 3 п. 2 вышеуказанной статьи законодатель использует словесную конструкцию «сделки», а не «мелкие бытовые сделки» как в пп. 1 п. 2 ст. 28 ГК РФ.

Заключение. Исходя из этого, можем сделать вывод, что теоретикам-цивилистам целесообразно прийти к единому мнению об объеме сделкоспособности малолетних и внести соответствующие дополнения в ст. 28 ГК РФ, а также легального закрепления дефиниции «мелкая бытовая сделка», дополнив ГК РФ статьей 153.1, в которой отобразить и конкретизировать существенные признаки и условия совершения мелкой бытовой сделки в зависимости от возраста лица, уровня его развития и правового статуса, оценочной стоимости и бытового назначения предмета сделки.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека, принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года. // Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М., НОРМА. 2000. – С. 98.
2. Декларация прав ребенка, провозглашена резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1959 года. // Права и свободы личности. Библиотечка Российской газеты совместно с библиотечкой журнала Социальная защита. – Вып. II. – М., Юридическая литература. 1995. – С. 191.
3. Братусь С.Н., Пергамент А.И., Дозорцев В.А. и др. Советское гражданское право: субъекты гражданского права. М., 1984. – 320 с.
4. Шахматов В.П. Сделки, совершенные с целью противоправной интересам государства и общества: учебное пособие / В. П. Шахматов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1966. – 129 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 21.09.2023).
6. Сулова С.И., Белозерцева В.В. Сделкоспособность несовершеннолетних лиц // Алтайский юридический вестник. – № 1 (25). – 2019. – С. 145-148.
7. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики от 13.12.2019 г. № 81-ПНС – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 21.09.2023).

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ НАДЗОРНОЙ ИНСТАНЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дербишева О. А.

Донецкий филиал ФГКУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации», г. Донецк, РФ
olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Введение. Стадия надзорного производства несколько раз подвергалась реформированию, в связи с чем появились некоторые проблемные аспекты.

В настоящее время пересмотр вступивших в законную силу постановлений суда в порядке надзора, то есть надзорное производство, является самостоятельной стадией гражданского процесса [1].

Надзорное производство представляет собой самостоятельную стадию гражданского процесса, в которой осуществляется судебный контроль за законностью судебных решений нижестоящих судов, вступивших в законную силу.

Основная часть. Надзор за судебной деятельностью является сложным и многообразным комплексом полномочий, институтов, которые регулируются нормами некоторых отраслей права. Судебный надзор распространяется в основном на процессуальную деятельность вышестоящих судов в контрольных стадиях судопроизводства [3].

Что касается правового регулирования, общие положения о надзорной инстанции отмечены в Главе 41.1 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [4].

Процедура пересмотра решений по гражданским делам в порядке надзора является предметом дискуссий. Основной проблемой суда надзорной инстанции являлось признание Европейским Судом по правам человека надзорного производства по ГПК РСФСР 1964 г. неэффективным средством правовой защиты, поскольку пересмотр дела в суде надзорной инстанции инициировался должностным лицом, а не заинтересованным лицом, участвующим в деле. Принятием Гражданского процессуального кодекса РФ 2002 г. рассматриваемый недостаток частично был устранен. При этом было выявлено множество других изъянов: множественность надзорных инстанций; неопределенность сроков для отмены решений в порядке надзора; неопределенность оснований для такой отмены и возможность неоднократного «разворота» вступившего в законную силу решения суда [5, ст. 261].

Важной проблемой надзорного производства является проблема сохранения права надзорного обжалования должностными лицами, не имеющими отношения к делу. Другими словами, данную проблему можно

назвать нарушением принципа беспристрастности, который гарантируется ст. 12 и 16 ГПК РФ, а также ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Нарушение рассматриваемого принципа зачастую возникает в надзорной инстанции субъекта РФ и в самом Верховном Суде (далее – ВС). В ст. 16 ГПК РФ отмечено, что судья не может рассматривать дело и подлежит отводу, если имеются сомнения в его объективности и беспристрастности [4]. Лицо, которое внесло протест в порядке надзора, уже сформировало точку зрения по обжалуемому делу. Это может вызывать сомнения в его беспристрастности. Если такое лицо еще и председательствует при рассмотрении своего протеста, оно может направить ход рассмотрения дела в нужном направлении.

Лицо, внесшее протест в порядке надзора, не может затем рассматривать его. Такая практика явно противоречит как российскому законодательству, так и ст. 6 Европейской конвенции по правам человека и практике Европейского суда, гарантирующей каждому право на рассмотрение его дела беспристрастным судом [1]. Относительно этого замечания Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) последовательно отстаивает позицию, в соответствии с которой возможность возбуждения стадии пересмотра судебного акта принадлежит исключительно сторонам в этом деле, в связи с чем участие должностных лиц в данной процедуре представляется невозможным [8]. Следует обратиться к судебной практике ЕСПЧ. По делу «Тумилович против РФ» Европейский суд отмечает, что надзорное производство в России по своей сути является чрезвычайным средством судебной защиты, а его использование напрямую зависит от дискреционных полномочий специальных должностных лиц [7]. В деле «Рябых против РФ» ЕСПЧ указывает на недопустимость пересмотра постановлений по инициативе председателя суда, по причине того, что последний не является стороной в судебном разбирательстве [6].

В качестве еще одной проблемы, возникающей в ходе надзорного производства, можно выделить «дублирование надзорного производства». В судебной системе существует несколько надзорных инстанций, одна находится в соответствующем суде субъекта РФ и две в Верховном Суде РФ: Коллегия по гражданским делам и Президиум Верховного Суда РФ. Проблема заключается в том, что согласно ст. 377 ГПК РФ постановление надзорной инстанции, принятое, например, президиумом областного суда, может быть обжаловано в другую, тоже надзорную инстанцию, но при ВС РФ – в Судебную коллегия по гражданским делам. Следует отметить и то, что Постановление Судебной коллегии, вынесенное в порядке надзора, может быть обжаловано также в порядке надзора в Президиуме ВС. То есть происходит так называемое дублирование надзорного производства.

Таким образом, постановление надзорной инстанции, принятое по делу, должно быть окончательным [2].

Заключение. Надзорное производство рождает много споров. Данная стадия прошла правовое реформирование, в связи с которым были решены некоторые проблемы. На сегодняшний день можно выделить несколько проблемных аспектов, связанных с пересмотром гражданского дела в надзорной инстанции. Например, это нарушение принципа беспристрастности, а также, дублирование надзорного производства.

Также, в связи с присоединением новых субъектов к РФ, могут возникнуть некоторые проблемы, связанные с правовым регулированием рассматриваемого вопроса.

Несмотря на рассмотренные проблемы, производство в суде надзорной инстанции до сих пор подвержено реформированию, в связи с чем некоторые вопросы будут решены.

Список литературы

1. Алексеевская, Е. И. Реализация публичных интересов на стадии производства в суде надзорной инстанции в гражданском процессе / Е. И. Алексеевская // Журнал российского права. – 2010. – № 3(159). – С. 72-81.
2. Актуальные проблемы надзорного производства в гражданском процессе [Электронный ресурс] – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/6512-aktualnye-problemy-nadzornogo-proizvodstva-grazhdanskom-processe> (дата обращения: 18.12.2022).
3. Гаджиалиева, Н. Ш. Сущность, цели и задачи надзорного производства в гражданском процессе / Н. Ш. Гаджиалиева, Г. М. Курбанова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2018. – Т. 33. – № 4. – С. 116-120.
4. Гражданский процессуальный кодекс РФ // Консультант Плюс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 17.12.2022).
5. Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России: учебник / отв. ред. А.А. Мохов. – М.: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2017. – 384 с.
6. Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 «Дело «Рябых (Ryabukh) против Российской Федерации» (жалоба №52854/99) [СПС Консультант Плюс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=19266#08167379420751459> (Дата обращения: 18.12.2022).
7. Решение ЕСПЧ от 22.06.1999 «По вопросу приемлемости жалобы №47033/99 «Людмила Францевна Тумилович (Lyudmila Frantsevna Tumilovich) против Российской Федерации» [СПС Консультант Плюс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=22415#07039457377321632> (дата обращения: 18.12.2022).
8. Степанова, И. С. Теоретические и практически проблемы надзорного производства / И. С. Степанова // Фундаментальные и прикладные разработки естественных и гуманитарных наук: современные концепции, последние тенденции развития: Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции: в 4-х частях, Ростов-на-Дону, 24 сентября 2018 года. – Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП), 2018. – С. 76-79.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Долинская В. В., д-р юрид. наук, проф.

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина», г. Москва, РФ
civil-VVD@yandex.ru

С 01.01.2022 г. вступил в силу Приказ Минобрнауки России от 24.02.2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. №1093».

Определение специальности научных работников высшей квалификации дано в ОК 017-2013 Общероссийский классификатор специальностей высшей научной квалификации, принятым Приказом Росстандарта от 17.12.2013 г. №2255-ст. При буквальном толковании п.2 ст. 4 Федерального закона от 23.08.1996 г. №127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» и Номенклатуры, специальности научных работников нужны для присуждения ученых степеней кандидата и доктора наук, а не для развития науки. Однако, исходя из п.9 Положения о присуждении ученых степеней, утв. Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. №842, в котором установлены такие критерии для диссертаций на соискание ученых степеней как научное достижение, решение научной проблемы / задачи, новые научно обоснованные решения и разработки, квалифицируем как презумпцию значимость этих специальностей и для развития наук. Итак, первая проблема развития системы обозначена научных специальностей – их целеполагание.

Следующая вытекает из сравнительно-исторического анализа становления научных специальностей и порядка присуждения ученых степеней начиная с XVIII в. и до наших дней [2; 6].

Кто решает вопрос классификации наук и их деления на отдельные отрасли и специальности? В Российской империи перечень классов (разрядов) наук, в т.ч. по юридическим факультетам, определялся уставами университетов. Шифры научных специальностей в номенклатуре впервые введены в 1963 г., отрасли науки, по которым присуждаются ученые степени, – в 1972 г.

В чем смысл понятия «специальность научных работников», в т.ч. в сфере юриспруденции, и чем обусловлены их названия? Вначале его

связывали с названием отделения или факультета университета, затем с классом наук, наконец, с разрядом наук. Постепенно происходил переход от объединения в разряде наук нескольких отраслей права до соответствия каждого разряда науки отдельной отрасли права. Названия научных специальностей в СССР первоначально складывались от названий отраслей научных знаний (1934 г.), затем – от отраслей наук (1937 г.), и наконец – от специальностей высшей научной квалификации (1953 г.). 26.12.1994 г. на основании представления Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию Госстандарт России принял «Общероссийский классификатор специальностей высшей научной квалификации. ОК 017-94», где впервые было дано определение «специальность высшей научной квалификации».

Перечень научных юридических специальностей в СССР и России был представлен системой юридических наук, включающей. По редакциям номенклатур 1953, 1972 и 1977 гг. можно выявить тенденцию к укрупнению научных юридических специальностей, с 1963 г. – к их увеличению за счёт других отраслей наук. С 1995 г. прослеживается тенденция укрупнения научных специальностей в сфере юриспруденции за счёт включения в них отраслевых, межотраслевых и прикладных (специальных) юридических наук, а также их увеличения за счёт других отраслей наук.

Мы полностью разделяем мнение Н. А. Власенко о том, что номенклатура специальностей должна соответствовать потребностям времени, учитывать реалии, развитие и состояние юридических и смежных с ними наук, а также поддерживаем выделяемые им аспекты достижения этой цели [1, с. 98.]. Но при обширных достижениях отечественной юридической науки мы видим и проблемы, связанные с научными специальностями в сфере юриспруденции, например: частые, порой слабо обоснованные изменения названий и содержания научной специальности; узость (в т.ч. и по паспортам специальностей) предмета исследований несмотря на укрупнение научных специальностей.

Рекомендуем обратить внимание на комплексный характер модернизации экономики и общества, отойти от ставшего традиционным для Номенклатуры специальностей деятельно-отраслевого подхода [4, с. 85].

Одним из вариантов решения комплексных задач, стоящих перед обществом и государством в экономической, политической, социальной и других сферах может быть переход от дифференциации к более крупному делению права: публичное, социальное, частное [Об их разграничении и взаимодействии см: 3; 5]; и, соответственно, научных специальностей в сфере юриспруденции. Первый шаг в этом направлении сделан.

В различных отраслях используется единый или схожий понятийный аппарат. Практически все отрасли права оперируют единым субъектным набором: публично-правовые образования, юридические и физические лица. Их правосубъектность характеризуется одними и теми же

составными частями, т.е. одинаковы юридические предпосылки участия всех групп субъектов в правоотношениях. Публичные и частные ценности неразрывно связаны между собой. В процессе правового опосредования любых общественных отношений достигается обобщенный частно-публичный эффект.

Представляются наиболее плодотворными идеи о взаимодействии частного, публичного и социального права в целях достижения баланса общественных и частных интересов, единого общезначимого результата. Но требуется более тщательная проработка этих связей и средств взаимодействия, с привлечением к обсуждению проблем развития научных специальностей широкого круга ученых.

Список литературы

1. Власенко Н.А. О номенклатуре специальностей научных работников в области юриспруденции // Журнал российского права. – 2010. – №7 (163).
2. Долинская В.В. Инструменты государственной политики в сфере науки: на примере научной аттестации // Публично-правовые механизмы в обеспечении общественного развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Н. А. Куфаковой. – Москва, 16 марта 2018 г. – М., 2018.
3. Долинская В.В. Частное и публичное право в западной и российской правовых культурах: дискуссия и современные проблемы // Правовые культуры. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 25 марта 2011 г. / Под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. – М., 2012.
4. Мацкевич И.М., Власенко Н.А. Новая номенклатура научных специальностей в сфере юриспруденции // Журнал российского права. – 2011. – №8.
5. Черепашин Б.Б. К вопросу о частном и публичном праве / Черепашин Б.Б. // Труды по гражданскому праву. – М., 2001.
6. Якушев А.Н. Нормативно-правовое регулирование производства в ученые степени в России (1724-1918 г.г.): дис. ... д.ю.н. – СПб., 2011.

УДК.347.1

ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И НЕЙРОСЕТЕЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Ковалёв И. П., канд. юрид. наук, доц.
ЧОУВО «Московский университет имени С.Ю. Витте», г. Москва, РФ
ikovalev@muiv.ru

Введение. Активное развитие технологических возможностей искусственного интеллекта на протяжении последних нескольких лет, так же, как и распространение использования в различных сферах

деятельности программного обеспечения с нейросетями обуславливает необходимость исследования актуального состояния нормативно-правового регулирования данных аспектов гражданского оборота российским законодательством.

Цель – рассмотреть основные этапы формирования нормативно-правового регулирования гражданского оборота нейросетей и искусственного интеллекта в российском законодательстве.

Основная часть. Активное развитие технологической сферы современного общества, в частности в отношении применения в различных отраслях деятельности человека программ искусственного интеллекта, определяет необходимость нормативно-правового регулирования соответствующих направлений деятельности субъектов права. При этом, нормативно-правовое регулирование имеет целью как урегулирование непосредственно деятельности субъектов права, так и обеспечение защиты их прав и интересов.

В данной работе исследуются вопросы разработки понятия искусственного интеллекта и нейросети, а также вопросы разработки российским законодателем непосредственно правовых механизмов регулирования деятельности субъектов гражданского правоотношения в части использования программного обеспечения с искусственным интеллектом в своей деятельности.

В отношении понятийного аппарата искусственного интеллекта ряд авторов, например, Абинов И. О., указывает с отсылкой на работы Д. Макарти, что искусственный интеллект можно определить как ряд свойств компьютерных систем и программ, позволяющих выполнять творческие и интеллектуальные функции человека, а также самостоятельно находить способы решения задач, уметь делать выводы и принимать решения [1, с. 144].

Первым этапом нормативно-правового регулирования вопросов применения искусственного интеллекта на территории Российской Федерации традиционно считается Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [2]. Указанным актом была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период развития государства до 2030 г. (далее – Национальная стратегия). Так, Национальная стратегия устанавливает понятие искусственного интеллекта как комплекса технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [3]. При этом, комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное

обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [3].

Как отмечает Петрашкин Д.М. вышеуказанная Национальная стратегия также содержит возможность применения нейросетевых технологий в повседневной деятельности различных структур, в том числе в деятельности правоохранительных органов систем, работающих на основе нейросетей [4]. Как указывает, в частности, Кетия Т.А. одной из наиболее известных систем, которые применяются региональными субъектами РФ, является программно-аппаратный комплекс (ПАК) «Безопасный город», обеспечивающий информационными данными различные государственные ведомства, такие как МВД России, МЧС России, ФСБ и др. [5]. Данная система предусматривает формирование единого доступа к сквозному видеонаблюдению с захватом фрагментов ключевых объектов городской инфраструктуры, с их дальнейшей обработкой и передачей регистрируемых данных для поиска необходимой фото- и видеoinформации, применяемой в том числе для розыска лиц, совершивших правонарушения и преступления. [5].

Понятийный аппарат в части определения содержания нейросетей имеет достаточно обширное толкование у ученых. Так, например, изобретатель первого нейрокомпьютера Р. Хехт-Нильсен указывал следующее определение понятия нейронной сети: «Нейронная сеть – это вычислительная система, состоящая из ряда простых, сильно взаимосвязанных элементов обработки, которые обрабатывают информацию путем их динамического реагирования на внешние воздействия» [6].

Также свое собственное определение понятия нейросетей выдвинуто и С. Хайкиным, которым нейросеть обозначена как средство в виде аппаратного или программного воплощения, позволяющее осуществлять поиск, обработку, распознавание, систематизацию, передачу информации на основе ранее заложенной обучающей выборки информационного массива данных [7].

В свою очередь, В.В. Старовойтов и Д.В. Брилюк определяют, что нейросети – это способ для современных компьютеров оперировать образной информацией. Это возможность с помощью аппаратно-программного обеспечения пользоваться поиском, обработкой образов (фото- и видеозображения) с целью более быстрого поиска необходимой информации [8].

Соответственно, требующими нормативно-правового регулирования остаются, например, вопросы относительно определения объекта авторского права и его защиты в правоотношениях с участием искусственного интеллекта, а также определения искусственного интеллекта как субъекта гражданского правоотношения в институте

авторского права. Следовательно, в будущем считаем возможным принятие законодательным органом Российской Федерации отдельного закона, регулирующего вопросы применения искусственного интеллекта и нейросетей.

Вывод. Нормативно-правовое регулирование гражданского оборота искусственного интеллекта и нейросетей находится на первоначальном этапе развития в гражданском законодательстве Российской Федерации. Для совершенствования российского гражданского законодательства актуальным остается разработка и принятие законодательным органом Российской Федерации отдельного закона, регулирующего вопросы применения искусственного интеллекта и нейросетей.

Список литературы

1. Абинов И. О. Правовая охрана объектов промышленной собственности, созданных искусственным интеллектом / И. О. Абинов. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 28 (423). – С. 143-150. – URL: <https://moluch.ru/archive/423/93999/> (дата обращения: 15.09.2023).
2. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 14 октября 2019 г., № 41. Ст. 5700
3. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // Текст: электронный – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>
4. Петрашкин Д.М. Правовое регулирование права авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом// Текст: электронный – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-prava-avtorstva-na-proizvedeniya-sozdannye-iskusstvennym-intellektom> (дата обращения: 15.09.2023).
5. Кетия Т.А. Применение нейросетей в деятельности органов внутренних дел // Текст: электронный – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-neyrosetey-v-deyatelnosti-organov-vnutrennih-del> (дата обращения: 15.09.2023).
6. Нейронные сети и искусственный интеллект. Информационный портал «Neronus» // Текст: электронный – URL: <https://neuronus.com/stat/1271-nejronnyye-seti-iskusstvennyj-intellekt.html> (дата обращения: 15.09.2023).
7. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс: пер. с англ. – 2-е изд., испр. – М.: ИД «Вильямов», 2006.
8. Брилюк Д.В., Старовойтов В.В. Распознавание человека по изображению лица нейросетевыми методами. – Минск, 2002. (Препринт / Институт Кибернетики НАН Беларуси).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ ПСИХИЧЕСКОЙ ТРАВМОЙ

Костенко А. Э.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kf.admfinpr@donnu.ru

Введение. Лицо, посягающее на гражданские права и интересы, несет деликтную ответственность.

К гражданским правам и интересам, которые могут являться объектом причинения вреда, относятся право на жизнь (убийство людей), право на здоровье (приведение к инвалидности), право на имя, репутацию, честь, права на портрет, права на неприкосновенность частной жизни (предыдущее законодательство четко не предусматривало это), а также право на автономию брака, опеку (похищение и торговля детьми, в результате чего опекун теряет опеку), право собственности, права узуфрукта (права пользования приусадебным хозяйством, права управления контрактом на сельскую землю), сервитуты, права на использование природных ресурсов, права на использование земель под строительство, права на ипотеку и т. д.), обеспечительные права (права залога), авторские права, патентные права, права на товарные знаки, права на открытие, права на акции, права на наследство, и другие личные и имущественные права.

В связи с этим актуальным является определение критериев деликтной ответственности. В частности речь будет идти об ответственности за психическое расстройство, именуемое «нервным шоком» [1, с. 164].

Основная часть. Концепция «нервного шока» или психического расстройства предполагает, что лицо имеет самостоятельное право на требование возмещения причиненного ущерба. Так называемый «нервный шок» «...относится к тому, может ли человек, получивший психическую травму (психиатрическую травму) в результате шока, претендовать на право требовать компенсацию за вредное поведение» [2, с.74].

По мнению ряда ученых компенсация не выплачивается за горе и боль, вызванные смертью человека из-за беспокойства о детях или финансовых затруднений. Никакая компенсация не присуждается за напряжение или стресс», или за трудности, возникшие в результате приспособления к новой жизни. Однако ущерб, причиненный нервным шоком, подлежит возмещению в том случае, если ответчик не выполняет свои обязанности.

С развитием медицинской науки традиционные представления изменились, и в судебной практике моральная травма, причиненная

психической травмой, может быть компенсирована. В основном это касается двух ситуаций. Одной из них является внезапное психическое возбуждение, например, испуг, другим – более длительное, постепенное воздействие. Суды часто обращают внимание на «воздействие на разум» потерпевшего, превосходящий эмоциональное напряжение, с которым сотрудник сталкивается ежедневно. Иными словами, психическое напряжение, перенесенное работником, в конечном итоге приводит к психической травме. Это психическое напряжение нельзя просто приравнять к стрессу повседневной работы. Данная психическая травма не включает в себя различные ежедневные стрессы или неизбежные неприятности на работе.

Иск о возмещении морального вреда по неосторожности может быть установлен только в том случае, если моральный вред, причиненный истцу, действительно носит тяжкий характер, а тяжесть морального вреда обычно определяется на основе объективных норм. Например, суд постановил, что обычные люди не понесут серьезного морального вреда от пребывания в лифте в течение 40 минут, поэтому иск истца о компенсации морального вреда не может быть установлен [3, с. 120]. Обладание двумя вышеуказанными характеристиками не обязательно приводит к компенсации ущерба. Необходимо также принимать во внимание такие факторы, как интересы сторон, поскольку основные вопросы в иске о возмещении ущерба определяются обязанностью ответчика [4]. Решение этих двух вопросов неотделимо от взвешивания интересов сторон и различных факторов объективного характера.

Стоит отметить, что для успеха иска о возмещении ущерба от психологической травмы по общему правилу не требуется телесных повреждений. Таким образом, достаточно, если нарушение ответчиком своих обязанностей причинило истцу определяемый психический ущерб. Оппознаваемый психический ущерб включает в себя: все связанные с этим формы психического заболевания, психический стресс и изменения личности.

На начальном этапе позитивных действий истец может взыскать компенсацию, если причиненный ему вред вызван обоснованными опасениями за собственную безопасность. Например, истец опасалась, что небрежное вождение ответчика повредит ей, и в результате такой удар стал причиной выкидыша. Суд постановил, что истец мог взыскать компенсацию только в том случае, если нанесенная ей психологическая травма была вызвана обоснованным опасением за собственную безопасность. Однако существует ограничение на возмещаемую компенсацию за психологическую травму, вызванную опасением за собственную безопасность. В другом деле женщина увидела беспилотный автомобиль, спускавшийся с холма к тому месту, где она оставила своего ребенка. Она не могла видеть своего ребенка, но боялась, что ему могут

причинить вред. Суд ясно дал понять, что если она перенесла нервный шок из-за разумного беспокойства за своего ребенка, она имеет право на компенсацию.

Одним из дискуссионных вопросов является определение ответственности за ущерб, причиненный нервным шоком.

Непосредственная жертва обычно страдает от нервного шока из-за страха истца причинить вред своему телу или имуществу. В данном случае: Если халатность ответчика не причинила истцу физического вреда, но вызвала у истца ощущение, что ему будет причинен физический вред, что вызвало обоснованное опасение, то это опасение может вызвать и нервное потрясение.

В деле А. дом истца и его имущество были сожжены из-за халатности ответчика. Истец испытал нервное потрясение, когда увидел, что пожар повредил его имущество. Решение постановило, что ответчик был обязан выплатить истцу компенсацию, поскольку имелись достаточные основания предвидеть, что истец перенесет нервный шок.

Единственным критерием ответственности основной жертвы за компенсацию является предсказуемость психической травмы.

Нетрудно видеть, что стандартом для рассмотрения дел о нервном шоке, вызванном повреждением истца его тела и имущества, является стандарт предсказуемости, то есть мог ли ответчик разумно предвидеть нервный шок, перенесенный истцом.

Вторичными жертвами обычно являются те, кто перенес нервный шок из-за случайного участия в аварии, например, прохожие, спасатели, сотрудники, родственники и друзья, которые получили травмы и страдают от нервного шока. Поскольку они не получили прямых физических травм в результате несчастного случая, перенесенный ими нервный шок должен быть тщательно оценен с точки зрения измерения юридической ценности.

Таким образом, так называемый нервный шок – это психологическая травма, нанесенная индивиду из-за халатности, которая предполагает разумную предсказуемость. Стороны и их родственники часто подают заявления о возмещении морального вреда, в результате чего возникает большое количество исков, в том числе мошеннических; они несправедливы по отношению к ответчику; они усложняют доказывание и увеличивают продолжительность судебного процесса.

Заключение. Психическая травма, именуемая нервным шоком, не относится к различным ежедневным стрессам или неприятностям.

Ответственность, предусматривающая возмещение морального вреда по неосторожности может быть определена только в том случае, если моральный вред, причиненный потерпевшему, имеет действительно тяжкий характер, а пределы возмещения морального вреда обычно определяются на основе объективных норм.

Список литературы

1. Мамаев, А. М. Доказывание и доказательства по делам о возмещении вреда / А. М. Мамаев, А. М. Нурбалаева // Закон и право. – 2023. – № 6. – С. 164-167.
2. Сынкова, Е. М. Процессуальные ошибки при рассмотрении арбитражных дел и пути их преодоления / Е. М. Сынкова, Н. Г. Могутова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Е: Юридические науки. – 2020. – № 3. – С. 74–81.
3. Кузнецов, А. А. Актуальные проблемы возмещения морального вреда / А. А. Кузнецов // Закон и право. – 2023. – № 4. – С. 120-123.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2023) [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/(дата обращения: 21.09.2023).

УДК 347.426.31

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ КОМПЕНСАЦИИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Кузьмич А. П., Синявская С. А.

УО «Белорусская государственная орденов Октябрьской революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия», г. Горки, Республика Беларусь
kuzmitch1976@rambler.ru, snezhana110620041@gmail.com

Введение. Существование социума невозможно без явлений нарушения или угрозы нарушения субъективных прав и охраняемых законом интересов. Задача цивилистической науки – на основе теоретических исследований разработать эффективный и надежный механизм гражданско-правового регулирования общественных отношений, предложив законодателю пути дальнейшего совершенствования юридических норм, направленных на предотвращение или устранение неблагоприятных последствий упомянутых явлений.

Цель работы – проанализировать правовую природу и раскрыть экономическую сущность компенсации в сфере защиты гражданских прав.

Основная часть. Зачастую при нарушениях частноправовой сферы установление и доказывание размера возмещения оказывается затруднительным. В подобной ситуации потерпевшее лицо едва ли сможет восстановить своё прежнее имущественное положение, и вынуждено будет довольствоваться получением с правонарушителя некоторого количества имущества, которое «приведёт потерпевшего к мысли о получении им достаточного вознаграждения своих потерь» [1, с. 79]. Получив подобную компенсацию, потерпевший субъект меняет своё отношение к факту умаления его интересов, выстраивая свои дальнейшие отношения с нарушителем так, будто негативные последствия его деяния вполне

изглажены. В.А. Белов называет такие способы защиты интересов потерпевшего лица компенсационными и относит к их отличительным признакам чисто счётное, а то и вовсе бездоказательное происхождение, объясняемое содержанием законодательства, соглашений, судебных актов, традициями, обычаями, обыкновениями, господствующими представлениями о справедливости и иными подобными факторами, но не чертами данного конкретного правонарушения [1, с. 80].

Компенсационные правоотношения обладают некоторыми отличительными признаками. В частности А. А. Швецова выделяет признаки компенсационных правоотношений, среди которых можно назвать следующие [2, с. 147–149]:

1) в компенсационных правоотношениях всегда точно определены все субъекты, чётко сформулированы их права и обязанности;

2) компенсационные правоотношения направлены на возмещение вреда, а также восстановление положения, существовавшего до нарушения права посредством компенсации.

3) компенсационные правоотношения носят охранительный характер и представляют собой правоотношения, с помощью которых осуществляется защита субъективных прав граждан.

Ещё некоторые признаки компенсационных правоотношений выделяет в своей работе А.П. Тараканов [3, с. 35–36]:

1) возникновение компенсационных правоотношений, как правило, связано с причинением вреда, при этом компенсация данного вреда должна обладать признаком соразмерности;

2) отсутствие обмена между участниками компенсационных правоотношений.

С учетом признаков, выработанных доктриной гражданского права, к компенсационным способам защиты стоит отнести возмещение убытков, взыскание неустойки и компенсацию морального вреда.

Именуя группу способов защиты компенсационными, следует исходить из понятия «компенсации» как блага, подлежащего предоставлению и являющегося в данном случае объектом правоотношения. Соответственно, упоминаем «компенсацию» морального вреда, «взыскание» неустойки, «возмещение» убытков эти термины символизируют определённый процесс предоставления этого блага (иными словами – компенсации) с целью минимизации негативных последствий для потерпевшего лица. Благом или компенсацией, в таком случае, будет определённый денежный эквивалент.

Наиболее явно необходимость подобного денежного предоставления прослеживается в случае с компенсацией морального вреда, поскольку это наиболее универсальный способ защитить ментальное здоровье человека. Получив денежное предоставление потерпевшее лицо вправе потратить их по своему усмотрению. Главное – лицо приходит к мысли, что оно

получило некоторую компенсацию за перенесенные им физические и нравственные страдания, баланс справедливости восстановлен, а те вещи, на которые будут потрачены те деньги, принесут позитивные эмоции, которые призваны свести к нулю прежние страдания и даже воспоминания о них.

В настоящее время денежная компенсация морального вреда – это сравнительно молодой способ защитить ещё и неимущественную сферу человека, отвечающий современным требованиям всецелой защиты человека, в том числе право на его честь и достоинство, закрепленное ст. 28 Конституции Республики Беларусь.

Менее явно необходимость именно денежного предоставления прослеживается в случае с возмещением убытков и взысканием неустойки, поскольку вопрос о форме компенсации в данном случае является дискуссионным. ГК Республики Беларусь императивно закрепляет что «неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законодательством или договором денежная сумма <...>» [4], однако с точки зрения доктрины гражданского права всё является не настолько однозначным. В частности некоторыми учеными разрабатываются вопросы использования неденежной неустойки в качестве непоименованного способа защиты гражданских прав [5, с. 109]. Вместе с тем пока судебная практика не выработала единообразного подхода к подобному явлению – неденежной неустойке – использовать её в качестве способа защиты гражданских прав можно на свой страх и риск.

Что касается убытков, то они могут возникать как в виде чисто денежных потерь, так и иметь натуральное содержание, но между тем возмещение убытков происходит всегда в деньгах.

Заключение. Проанализировав признаки компенсационных правоотношений, можно сделать вывод, что им присущ охранительный характер. Они складываются на основе специальных норм, посредством которых осуществляется защита субъективных гражданских прав. Представляется, что в настоящее время деньги являются универсальной вещью, и их использование в качестве объекта восстановительных компенсационных правоотношений наиболее удобно для всецелой защиты гражданских прав.

Список литературы

1. Белов, В.А. Гражданское право. В 4 т. Т. IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. В 2 кн. Книга 2. Иные (не являющиеся обязательствами) гражданско-правовые формы: учебник для академического бакалавриата и магистратуры / В. А. Белов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 403 с.
2. Швецова, А.А. Компенсационные нормы российского права: Дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 – Теория права и государства; история права и государства; история политических и правовых учений / А.А. Швецова. – Саратов, 1999. – 180 с.

3. Тараканов, А.П. Понятие и основные особенности компенсационной функции права/А.П. Тараканов// Бизнес в законе. – №1. – 2013. – С. 34–39.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г., № 218-3: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Республики 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.01.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
5. Федорова, Ю.С. Неденежная неустойка: от теории к практике/ Ю.С. Федорова // Вестник Волгоградского государственного университета. – № 4 (21).– 2013. – С. 109.

УДК 342.9

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИНСТИТУТА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

Лебедь Н. А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kf.admin@donnu.ru

Введение. Институт исковой давности возник из римского права и включает две категории: погашение давности и приобретение давности. Оба представляют собой полноценную гражданско-правовую систему исковой давности, которая играет очень важную роль в стабилизации социального и экономического порядка и обеспечении безопасности сделок. Так называемый срок исковой давности относится к системе, при которой лицо, не имеющее права владения имуществом, приобретает право собственности или иные права на имущество, которым оно владеет, открыто, мирно и продолжая владеть имуществом других лиц в течение определенного периода времени. период времени с намерением осуществить право собственности или другие имущественные права [1, с. 31]

Основная часть. По мнению ученых, институт исковой давности впервые нашел отражение в римском праве в «Законе двенадцати таблиц», который назывался *usucario*. Этим законом было установлено, что срок исковой давности по приобретению движимого и недвижимого имущества составляет 1 и 2 года соответственно, однако позже была установлена единая система срока приобретения исковой давности.

Эта система была призвана в основном компенсировать недостатки, вызванные слишком громоздкой формой передачи имущества в римском праве, в том числе недостатки в способе передачи имущества и правах передающего лица.

Однако она имеет узкую сферу применения и, как правило, не являлась «действительной формой» получения прав собственности. С тех пор римское право постоянно совершенствовало ее, и современные системы гражданского права все без исключения предусмотрели эту

систему в гражданском праве. В странах с системами общего права также существуют соответствующие системы «неправомерного владения».

В современных странах реформирована система исковой давности, касающаяся приобретения имущества. Первоначально срок исковой давности был предусмотрен для подтверждения того, что владелец не нарушил права других лиц, и для легализации приобретения права собственности [2, с. 8].

Однако от первого уже не требуется быть бесправным лицом, и нет необходимости в определенных правоотношениях между сторонами. Закон не определяет, каким образом владелец его приобретает, лишь бы имелись достаточные факты верить, что он является владельцем [3, с. 298].

Погашение срока исковой давности означает, что кредитор не сможет реализовать свои права в течение установленного законом срока. По истечении срока для кредитора возникнут неблагоприятные юридические последствия.

В законодательстве определены требования к сроку приобретения права собственности на движимое имущество. Во-первых, оно требует независимого, свободного, открытого и постоянного владения. Автономное владение связано с владением другого владельца. Открытое владение означает владение без сокрытия. Владелец не намеренно лишает других знания о факте своего владения. Во-вторых, владение должно длиться определенный период. Так называемое непрерывное владение означает, что владение не прерывалось. Продолжительность срока связана с интересами реального правообладателя, владельца и пользователя, заинтересованных лиц, поэтому должна определяться разумно. Срок владения обычно начинается, когда владелец вступает во владение без каких-либо дефектов.

Закон также определяет требования к своевременности приобретения права собственности на недвижимое имущество. Для установления срока важно установить, что: во-первых, зарегистрированный правообладатель, то есть номинальное лицо, не является фактическим правообладателем; во-вторых, владелец должен продолжать обладать имуществом в течение установленного законом срока периода, и номинальный держатель не должен быть аннулирован регистрирующим органом в течение этого периода; наконец, что касается конкретных положений срока, следует обратить внимание на два аспекта: а) различать добросовестное владение и злонамеренное владение, причем для добросовестного владения можно установить более короткий срок; б) различать движимое и недвижимое имущество. К недвижимому имуществу следует применять более длительный срок.

Институт исковой давности способствует рационализации системы гражданского права. Юридическое последствие прекращения исковой давности состоит в том, что по истечении срока возможность реализации

прав кредитора зависит от того, воспользуется ли должник правом на защиту. Однако при этом первоначальный кредитор лишь утрачивает право на иск, а его материальные права не погашаются, что приводит к возникновению права собственности.

Субъект права находится в состоянии правовой неопределенности. Получение системы исковой давности является лучшим выбором для устранения такого рода вакуума в правах. Только тогда, когда две системы взаимосвязаны, система исковой давности может обеспечить максимальный эффект.

Кроме того, институт исковой давности позволяет определить принадлежность имущества и урегулировать споры. Первоначальный правообладатель утрачивает материальные права, а фактический владелец их приобретает, тем самым определяя право собственности на имущество.

Это помогает поддерживать безопасность транзакций и стабилизировать социальный порядок. Целью института исковой давности является, таким образом, побуждение правообладателя к активному осуществлению своих прав. Если правообладатель пренебрегает реализацией своих прав, это, является, по сути, игнорированием собственных прав. Если правообладатель открыто и мирно владеет чужими правами, общественность считает, что владелец является реальным правообладателем, и затем устанавливает с владельцем различные социальные отношения на основе имущества. В это время интересы сторон следует взвешивать, а различные социальные отношения и текущие интересы, сформированные владельцем на основе владения, следует защищать, чтобы добиться социальной стабильности [4].

Институт исковой давности помогает сторонам своевременно представлять доказательства и разрешать споры путем своевременного вынесения решения суда. С точки зрения возможности существования прав, предыдущее фактическое состояние обычно примерно соответствует реальным отношениям прав.

Посредством системы приобретения исковой давности, если установлено, что владелец владел имуществом в течение определенного периода времени, которые соответствуют требованиям приобретения исковой давности, суд может напрямую определить принадлежность прав. Это способствует своевременному разрешению споров и повышению эффективности судебной власти.

Заключение. Институт исковой давности призван содействовать наилучшему использованию имущества, и в полной мере позволяет повысить эффективность его использования. С одной стороны, эта этот институт может эффективно стимулировать правообладателей активно осуществлять свои права, сокращать растрату активов и, таким образом, полностью максимизировать эффективность их использования. С другой стороны, поскольку срок исковой давности позволяет владельцу получить

право собственности на владение при определенных условиях, он осмеливается направить владение в оборот, и максимизировать полезность владения. Кроме того, институт давности выполняет также функцию защиты права собственности.

Список литературы

1. Казанцев, Е. М. Гражданско-правовой институт исковой давности / Е. М. Казанцев // Трибуна ученого. – 2023. – № 2. – С. 31-36.
2. Аливанкин, Д. И. Понятие исковой давности / Д. И. Аливанкин // Интернаука. – 2023. – № 11-4(281). – С. 8-9.
3. Старцева, С. В. Исковая давность: анализ отдельных предложений по совершенствованию законодательства / С. В. Старцева // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 7(183). – С. 298-303
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2023) [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/(дата обращения: 19.09.2023).

УДК 347.426.6

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Левендаренко О. А., канд. юрид. наук, доц., *Протасов Д. В.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
o.levendarenko@donnu.ru, d.protasov@internal.donnu-support.ru

Введение. Как известно, одной из важнейших задач государства является защита законных прав и интересов его граждан, а наиболее «тонкой» и дискуссионной сферой является соблюдение прав лиц в ходе уголовного разбирательства. Причем не только с позиции обеспечения прав лиц, в отношении которых ведется уголовное преследование, но и справедливого разрешения вопроса о возмещении потерпевшим вреда, причиненного преступлением. Зачастую для потерпевшего имеет большее значение не факт привлечения лица, совершившего общественно-опасное деяние, к уголовной ответственности, особенно в преступлениях против собственности, а возмещение вреда, непосредственно причиненного при совершении или вследствие совершения преступления.

Цель представляет собой анализ особенностей института возмещения вреда, причинённого преступлением, посредством подачи гражданского иска в уголовном процессе и выявление проблем в межотраслевом правовом регулировании гражданского иска нормами

уголовного, гражданского, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права.

Основная часть. Специфика гражданского иска позволяет реализовать возможность компенсации морального вреда и возмещения убытков, возникших вследствие совершения преступления наряду с привлечением лица к уголовной ответственности, поскольку характер и размер вреда, согласно ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1], входят в предмет доказывания. Следовательно, нельзя не согласиться с мнением Л. А. Прокудиной, что данные правоотношения будут регулироваться одновременно как нормами гражданского и гражданско-процессуального, так и уголовно-процессуального права [2]. Как отмечает Е.В. Бирюкова, тот, кто причинил вред, может одновременно выступать должником по гражданско-правовому обязательству, обязанным возместить причиненный вред, а потерпевший, в свою очередь, становится кредитором по данному обязательству и имеет право требовать возмещение морального и материального вреда [3].

Ряд авторов в своих исследованиях отмечают, что по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по состоянию на 2016 год, 10% уголовных дел завершаются судами с разрешением гражданских исков [3], причем такая ситуация кардинально не изменилась с течением времени и в 2022 году [4]. Таким образом, дискуссии среди исследователей возникают относительно предмета доказывания, круга лиц, ответственных за причиненный вред, а также содержания вынесенных судебных решений вследствие подачи таких исков.

Широкий спектр гражданских прав способствует закреплению в гражданском законодательстве всевозможных способов их защиты. Ст. 35 Конституции Донецкой Народной Республики [5] как и ст. 46 Конституции Российской Федерации [6] гарантирует каждому право на судебную защиту его прав и свобод, закреплённых в действующем законодательстве. Иногда, судебная защита подразумевает защиту нарушенных прав не только в рамках гражданского, но и уголовного судопроизводства. Как отмечает в своем исследовании Н.Н. Сенин, способами возмещения вреда, причиненного преступлением в уголовном процессе, являются: добровольное возмещение, уголовно-процессуальная реституция и гражданский иск [7, с. 8].

Такая особенность характеризует возможность предъявления гражданского иска в уголовном процессе с целью защиты нарушенного права. Исковое заявление, предъявляемое в рамках уголовного процесса, относится к искам о присуждении [7, с. 4]. Однако, по большому счету, потерпевшим без разницы, какой из способов будет использоваться для достижения их главной цели – восстановления того уровня

благостояния, который существовал до совершения противоправных деяний в отношении их.

Основу возмещения вреда, причинённого преступлением, составляют общие положения, содержащиеся в ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [8], которые указывают на то, что вред подлежит возмещению в полном объеме лицом, которое его причинило в соответствии с правилами «генерального» деликта. Специальной нормы, регламентирующей особенности возмещения вреда, причиненного преступлением в ГК РФ нет. Однако, несмотря на это общее правило, закрепленное в Гражданском кодексе, ответчиком по гражданскому иску может быть не только сам преступник, но и иные лица, например, владелец источника повышенной опасности либо организация, в которой он исполнял служебные обязанности в момент причинения вреда.

Существенное значение для судебной практики при рассмотрении гражданских исков с участием физических лиц, имеет Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» (далее – Постановление № 23) [9], пункт 7 которого указывает на необходимость применения положения части 3 статьи 1080 ГК РФ и удовлетворения исковых требований в случаях, когда при хищении имущества его повреждение или утрата происходит вследствие действий не похитителя, а другого лица, завладевшего похищенным после похитителя, в случае предъявления к нему гражданского иска о возмещении такого вреда. По нашему мнению, такая позиция направлена на эффективную реализацию прав потерпевшего с учётом упрощённой процедуры подачи гражданского иска.

Изложенное позволяет сделать вывод, о том, что противоречивость судебной практики обусловлена особенностями природы морального вреда, который бывает сложно оценить объективно. Отсутствие единообразного подхода при определении размера компенсации морального вреда порождает среди истцов тенденцию по завышению суммы компенсации, а позиция суда сводится к уменьшению заявленной истцом суммы.

Выводы. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве способствует осуществлению права на судебную защиту лиц, потерпевших имущественный и/или моральный вред, причинённый потерпевшему в связи с совершением преступления. К сожалению, на сегодняшний день гражданский иск, как способ возмещения вреда потерпевшему, не используется должным образом из-за пробелов в его правовой регламентации. Выделенные в исследовании некоторые спорные позиции могут быть устранены путем внесения корректировок, направленных на снижение уровня правовой неопределенности, вызванной спецификой гражданского иска.

При рассмотрении гражданских исков в рамках уголовного процесса и взыскании морального вреда, причиненного преступлением, спорным вопросом является размер компенсации, а также порядок распределения суммы возмещения морального вреда между несколькими потерпевшими. Решить проблему представляется возможным путём выработки единообразного подхода к определению размера морального вреда от преступлений, а также, установления критериев размера его исчисления, что позволило бы в большей мере гарантировать восстановление нарушенных прав граждан. Таким шагом могло бы стать разработка и принятие специального нормативного акта, регламентирующего особенности возмещения вреда, причиненного преступлением за счет средств самого правонарушителя (причинителя вреда) либо лиц, его представляющих, а также порядка и механизма возмещения вреда за счет государства в случае, если компенсация ущерба с причинителя вреда невозможна.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 06.10.2023) – Текст: электронный.
2. Прокудина, Л. А. Гражданский процесс: вопросы и ответы / Л. А. Прокудина. – Москва: Юриспруденция, 2008. – 224 с. // Сайт: Российская государственная библиотека – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/02000013405> – Текст: электронный.
3. Бирюкова, Е. В. Гражданский иск в уголовном процессе, особенности правового регулирования // Юридический факт. – 2020. – № 117. – С. 20-22 // Сайт: elibrary.ru – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44305025> – Текст: электронный.
4. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2022 года // Сайт: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069>
5. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 г. / Официальный сайт Народного Совета ДНР. – Режим доступа: <https://dnrsouet.su/konstitutsiya> (дата обращения: 01.03.2023) – Текст: электронный.
6. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. / Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.03.2023) – Текст: электронный.
7. Сенин, Н.Н. Возмещение вреда, причиненного преступлением, в уголовном процессе: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.09 – Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность / Сенин Николай Николаевич. – Томск, 2004. – 25 с. – Текст: непосредственный.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 22.12.1995 № 14-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 01.03.2023) – Текст: электронный.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» от 13.10.2020 № 23 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365020/ (дата обращения: 01.03.2023) – Текст: электронный.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

Левченко И. А., Воейков И. Р.

Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации», г. Донецк, РФ
Admsud19@mail.ru

Введение. С развитием технологий и появлением новых способов обмена информации, появились и новые формы денежных средств, которые можно назвать цифровыми деньгами. Цифровая валюта – это форма электронных денежных средств, которые хранятся и передаются в цифровой форме. Они являются объектом гражданского права и имеют свои особенности, которые необходимо учесть при регулировании правоотношений, связанных с использованием цифровых валют.

Основная часть. Несмотря на то, что цифровые валюты существуют уже довольно продолжительное время, большинство людей понимают под этим все, что представлено в цифровой форме. Это не совсем верно, так как некоторые составляющие цифровых валют в нашем представлении понимаются как деньги, но с точки зрения законодательства – совсем иначе.

Цифровая валюта – многопрофильное понятие, но на данный момент наиболее активно развивается направление криптовалют. В связи с этим, одним из главных вопросов, которые возникают при использовании криптовалют, является их юридический статус. В некоторых странах они признаются полноценными платежными средствами, имеющими все права и обязанности обычных денег. Однако, в других странах могут иметь ограничения и не признаваться полноценными платежными средствами. Это создает некоторые проблемы при осуществлении платежей с использованием цифровых денег и требует правового регулирования.

Важным аспектом также является их безличный характер. Они позволяют осуществлять платежи и передачу денежных средств без необходимости использования наличных денег или посещения банка. Это делает их удобными и быстрыми в использовании, однако, в то же время, создает определенные риски. Например, существует риск несанкционированного доступа к ним или кражи информации о них. Это проблема, которую необходимо решить при регулировании правоотношений, связанных с использованием цифровых валют.

Одним из важных аспектов цифровой валюты является их анонимность. В отличие от обычных денег, они могут передаваться без раскрытия личности отправителя или получателя. Это может быть

полезным в некоторых случаях, однако, в то же время, это создает определенные проблемы с точки зрения борьбы с финансовым мошенничеством и отмыванием денег. Поэтому регулирование правоотношений, связанных с использованием цифровых денег, должно учитывать их анонимность и предотвращать возможные миссии.

Еще одной особенностью цифровых денег является их глобальный характер. Они могут использоваться для осуществления платежей и проведения операций в любой точке мира с доступом к сети интернет. Это делает цифровые деньги универсальными и позволяет использовать их в различных странах и регионах. Однако, в то же время, это создает определенные проблемы с точки зрения их правового регулирования, так как каждая страна может иметь свои требования и ограничения по использованию цифровых денег.

Таким образом, «криптовалюта – цифровая валюта, основанная на применении криптографии для создания и контроля новых единиц валюты и осуществления транзакций. Поскольку она не подлежит централизованному регулированию, ее можно отнести к виртуальной валюте либо, с учетом особенностей, выделить в отдельную разновидность цифровой валюты» [2, с. 132].

Однако Правительство РФ считает иначе: «отнесение цифровых денег к законным платежным средствам не соответствует статье 75 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой денежной единицей в Российской Федерации является рубль, а введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускается» [1, с. 137-138].

Соответственно полноценно криптовалюту как валюту рассматривать пока не представляется возможным. Но нельзя забывать о другом направлении – цифровая валюта центрального банка. В России ЦБ разработал «цифровой рубль», который сейчас активно тестируется. В Докладе ЦБ «Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций» говорится о том, что «ревизии на предмет внедрения цифровой валюты центрального банка потребуют прежде всего Гражданский кодекс Российской Федерации – в части включения цифрового рубля в перечень объектов гражданских прав, установления возможности осуществления платежей в цифровой валюте центрального банка, включения цифрового рубля в общие положения о расчетах, а также Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» – в части расширения функций Банка России и определения вопросов выпуска и обращения цифровой валюты центрального банка» [3, с. 37].

Если рассматривать цифровой рубль как отдельный объект гражданских прав, то нельзя считать его и денежными средствами, и цифровым правом. Это означает, что его нельзя рассматривать как самостоятельный объект гражданских прав. Если же отнести цифровой рубль к одному из существующих объектов (что представляется

сомнительным), то нужно переписать статью 128 Гражданского кодекса РФ. Если рассматривать его как деньги, то статья 128 должна быть изменена, а также должны быть переделаны статья 140 Гражданского кодекса РФ и другие статьи первой и второй частей Гражданского кодекса и основные законы, касающиеся правового положения Банка России и денежного обращения.

Также необходимо дополнить нормы о цифровом рубле в Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ, но сейчас это довольно трудно, потому что он не регулирует вопросы обращения российской национальной валюты. В таком случае «было бы достаточно логично дополнить Федеральный закон от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», включив туда не только право Банка России осуществлять эмиссию цифрового рубля, но и положения о самом цифровом рубле, т.е. его определением с указанием основных отличительных признаков» [4, с. 274].

Такое дополнение позволило бы установить юридическую базу для регулирования цифрового рубля и его использования в цифровой экономике. Однако, перед интеграцией норм о цифровом рубле в Закон о ЦФА необходимо учесть все аспекты и последствия такого решения, чтобы обеспечить стабильность и безопасность финансовой системы. Также необходимо учесть международный опыт и стандарты в данной области, чтобы обеспечить совместимость и взаимодействие с международными валютами и финансовыми системами.

Таким образом, цифровая валюта должна быть рассмотрена как объект гражданских прав, и ее использование и регулирование должны проводиться с учетом всех проблем, связанных с законодательством, безопасностью и стабильностью, необходима разработка правового и регуляторного фреймворка для цифровой валюты, чтобы защитить интересы пользователей и обеспечить ее устойчивое развитие.

Список литературы

1. Габов А. В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. – № 4 (125). – 2021. – С. 55-65. // Текст: электронный – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-rubl-tsentralnogo-banka-kak-obekt-grazhdanskih-prav> (дата обращения 25. 09. 2023)
2. Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства. – 2019. – С. 130-140 // Текст: электронный – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kriptovalyut-v-kontekste-sovershenstvovaniya-rossiyskogo-zakonodatelstva> (дата обращения 25. 09. 2023)
3. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций (октябрь 2020 года)" // Текст: электронный – URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения 25.09.2023)

4. Шараев П. С. Правовая сущность цифрового рубля // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – № 6 (143), 2021. – С. 268-276. // Текст: электронный – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-suschnost-tsifrovogo-rublya> (дата обращения 25. 09. 2023)

УДК 347.91/.95

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Левченко И. А., Галяутдинова М. А.

Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Донецк, РФ
Admsud19@mail.ru

Введение. Совершенствование законодательства Донецкой Народной Республики в связи с присоединением Донецкой Народной Республики к Российской Федерации и переходом в правовое поле Российской Федерации обуславливает необходимость проведения исследования в части особенностей правоприменения института представительства.

Цель – анализ норм гражданского законодательства Российской Федерации, регулирующего на современном этапе развития Донецкой Народной Республики институт представительства. Кроме того, в данном научном исследовании проводится анализ видов представительства по различным критериям.

Основная часть. Статья 41 Конституции ДНР устанавливает, что «Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно» [1].

Согласно статьи 4 Федерального конституционного закона от 04.10.2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации действуют на территории Донецкой Народной Республики со дня принятия в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образования в составе Российской Федерации нового субъекта, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным конституционным законом. [2]

Так, вопросы реализации гражданского судопроизводства на территории ДНР урегулированы Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – ГПК РФ). Так, согласно статьи 48 ГПК РФ

«Граждане вправе вести свои дела в суде лично или через представителей. Личное участие в деле гражданина не лишает его права иметь по этому делу представителя» [3].

Исходя из этого, мы можем отметить, что гражданское процессуальное представительство – это урегулированная нормами ГПК форма оказания помощи одним лицом (представителем) другому лицу (лицу, представляемого) в форме совершения процессуальных действий представителем от имени и в интересах лица, которое он представляет, в пределах полученных полномочий в связи с рассмотрением и решением судом гражданского дела.

В соответствии со ст. 49 ГПК РФ представителем может выступать лицо, которое обладает полной дееспособностью и полномочия которых на ведение дела надлежащим образом оформлены и подтверждены. Исключением является только перечень лиц, закрепленный в ст. 51 ГПК РФ, а именно: не могут представлять чужие интересы судьи, переводчики, эксперты и другие профессии аппарата суда [3]. Представителями же несовершеннолетних физических лиц могут выступать их родители, опекуны, либо же попечители в рамках реализации законного представительства, что установлено ст. 52 ГПК РФ.

Полномочия представителя должны удостоверяться в письменной форме доверенностью физического или юридического лица, данное требование закреплено в ст. 53 ГПК РФ [3]. В свою очередь, под доверенностью ГК РФ подразумевает документ, который предоставляет право представителя действовать в интересах другого лица. Доверенность должна быть оформлена надлежащим образом. Обязательными требованиями к форме доверенности является ее письменный характер, а также нотариальное удостоверение. А доверенность юридического лица имеет юридическую силу лишь при наличии подписи директора и печати данной организации [4].

Важно отметить, что одно и то же лицо не имеет права представлять одновременно интересы и истца, и ответчика. Представитель наделяется полномочиями совершать от имени лица, которое он представляет все необходимые процессуальные действия, что отражено в ст. 54 ГПК РФ.

Процессуальное представительство возникает в связи с совершением процессуальных действий, в свою очередь же материальное обуславливается нормами материального права.

Существует множество делений процессуального представительства на различные виды. В зависимости от оснований возникновения представительство может подразделяться на законное и договорное.

Законное представительство возникает на основании юридических фактов и норм закон. При таком виде представительства лицо не имеет возможности самостоятельно участвовать в гражданском процессе, данное положение отражено в ст. 52 ГПК РФ [3]. Для данного вида

представительства характерна такая проблема как то, что необходимо разграничивать случаи, когда интересы представителя идут вразрез с интересами лица, которое он представляет.

Договорное же представительство основано на совершении сделки между доверителем и представителем. Этот вид представительства на данном этапе развития законодательной системы более распространен, поскольку и физические лица, и их законные представители могут поручить другим вести судебное дело.

Также, если исходить из различия оснований для судебного представительства, в зависимости от юридической значимости воли доверителя о возникновении процессуального судебного представительства, мы можем классифицировать его как добровольное и обязательное [4, с. 68].

Так, добровольное судебное представительство возникает только в том случае, если этого желает доверитель. Отличительная особенность такого представительства заключается в том, что личность и объем полномочий представителей определяются доверителями. В свою очередь, такой вид представительства как добровольное можно подразделить в зависимости от характера отношений между доверителем и его представителем можно разделить на договорное и общественное судебное представительство.

Еще одной разновидностью процессуального представительства в гражданском судопроизводстве является такой вид судебного представительства, как обязательное. Обязательное представительство возникает без прямого согласия представляемого лица, в соответствии с законом, либо иным нормативно-правовым актом, если присутствуют определённые юридические факты (например, родство, судебное решение, административный акт о назначении на должность).

Выводы. Таким образом, институт представительства выступает важнейшим правовым инструментом как материального, так и процессуального гражданского права ДНР, посредством практической реализации которого обеспечивается полноценная защита прав и интересов физических и юридических лиц.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики (с изменениями, внесенными Законами от 27.02.2015 г. № 17-ИНС, от 29.06.2015 г. № 63-ИНС, от 11.09.2015 года № 92-ИНС) // Текст: электронный – URL: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/>(дата обращения 15.09.2023)
2. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 N 5-ФКЗ "О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики" // Текст: электронный – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428188/ (дата обращения 15.09.2023)

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Текст: электронный – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/_(дата обращения 15.09.2023)
4. Белкин И.Я., Представительство и доверенность. Лекция для студентов. – 2-е изд., перераб. и доп., – Новосибирск, 2020

УДК.347.1

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Левченко И. А., Гаркавенко В. Л.

Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации», г. Донецк, РФ
Admsud19@mail.ru

Введение. В рамках данного исследования анализируются отдельные правовые аспекты государственной регистрации договора купли-продажи по законодательству Российской Федерации. Определено содержание договора купли-продажи недвижимого имущества, особенности правового механизма относительно проведения государственной регистрации вещных прав по такому договору.

Цель – рассмотреть основы государственной регистрации договора купли-продажи по законодательству Российской Федерации.

Основная часть. Договор купли-продажи является древнейшей формой сделки, известной еще правовой системе стран Древнего мира.

В соответствии с ч. 1 ст. 454 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определённую денежную сумму (цену) [1].

Из сущности данных отношений следует и их значимость для всех субъектов гражданских правоотношений. Соответственно, всесторонне правовое регулирование процесса осуществления такого рода экономических отношений является важным направлением развития законодательства.

Исходя из этого, договоры купли-продажи регулируются целой иерархией правовых норм, выстроенных по принципу от общего к частному. В Российской Федерации правовое регулирование договоров купли-продажи осуществляется целым комплексом норм права:

– общими нормами ГК РФ о сделках, обязательствах и договорах (часть 1 ГК РФ);

– нормами ГК РФ, регулируемыми все договора купли-продажи (ст. 454–491 ГК РФ);

– нормами ГК РФ, регулируемыми отдельные разновидности договоров купли продажи (ст. 492-566 ГК РФ);

– нормами международных договоров (прежде всего – Венской Конвенции о международных договорах купли продажи) и нормами части третьей ГК РФ, регулируемыми особенности заключения договоров, усложненных иностранным элементом [1].

Что касается непосредственно процессов регистрации договоров ГК РФ являясь базисным правовым актом, регулирующим отношения и определяющим основные аспекты купли-продажи на территории РФ, выделяет такие виды купли-продажи, как: розничная купля-продажа; поставка товаров (включая поставку товаров для государственных и муниципальных нужд, контрактацию и энергоснабжение); продажа недвижимости; продажа предприятия.

Каждая отдельная категория договоров купли-продажи, основываясь на общих положениях ГК РФ, имеет свои особенности и правовые аспекты, отличающие ее от других смежных категорий сделок. Однако, говоря непосредственно о регистрации сделок, государственной регистрации подлежит только договора о продаже недвижимости и предприятия. Все остальные категории купли-продажи обязательной регистрации не подлежат.

Регистрация договора купли-продажи недвижимого имущества представляет собой регистрацию юридического факта, то есть, основания возникновения, изменения либо прекращения правоотношения. Таким образом, регистрация договора купли-продажи направлена на обеспечение законности и правильности проведения сделок с недвижимостью.

Согласно ч. 1 ст. 2 ФЗ от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», правовую основу отношений по регистрации прав на недвижимость, составляют Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, указанный Федеральный закон, другие федеральные законы и издаваемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты РФ [2]. Государственный кадастровый учет, государственная регистрация прав, ведение Единого государственного реестра недвижимости осуществляются уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти и его территориальными органами. [2]

На текущий момент регистрация договора купли-продажи недвижимости осуществляется путем внесения соответствующих данных в Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН). ЕГРН появился сравнительно недавно в правовом поле РФ – в 2017 году. Новый федеральный орган объединил ранее действовавшие структуры – ЕГРП (Единый госреестр права) и ГКН (госкадастр недвижимости). На данный

момент регистрацию собственности осуществляет целый ряд уполномоченных на то органов. Если ранее, вопросами регистрации имущественного права и постановки на учет в госкадастр занимался исключительно Росреестр, то с 2017 года расширили функции некоторых государственных систем. Так, часть полномочий было передано в МФЦ «Мои документы», некоторые услуги можно получить как на портале Госуслуги, так и на сайте или в офисе ЕГРН. Вместе с этим, планируется дальнейшее перемещение своей работы в сферу электронного взаимодействия через сеть интернет. При этом важно, что МФЦ и Госуслуги имеют право только принимать и выдавать документы на право собственности. Процедура учета и государственной регистрации остаётся в ведении ЕГРН.

Работа государственных регистраторов преимущественно заключается в работе с поступающими к нему документами. Кроме того, за рамками механизма государственной регистрации будет оставаться проведение проверки право и дееспособности обеих сторон сделки, толкование им значения их действий, содержания и смысла заключенной сделки [3]. Поэтому, проводя прием документов для государственной регистрации, а также при проведении приема документов для государственной регистрации и в процессе самой регистрации, Федеральная служба государственной регистрации опирается на соответствие формы сделки нормам права.

Вывод. Таким образом, правовое регулирование порядка заключения договора купли-продажи всецело обеспечено ГК РФ и рядом других нормативных актов, регулирующих специальные вопросы. Процесс регистрации договора купли-продажи законодательством РФ определен как обязательный лишь для договора продажи недвижимости и предприятия. Сам процесс государственной регистрации направлен на всецелое обеспечение законности оборота недвижимости. Отсюда следует, что применение государственной регистрации в ходе заключения сделок гражданско-правового характера в отношении купли-продажи недвижимости ориентировано на повышение защиты имущественных и личных неимущественных прав граждан и юридических лиц, а также на обеспечение законодательными способами правопорядка в государстве.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Текст: электронный – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 25. 09. 2023)
2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Текст: электронный – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения 25. 09. 2023)
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. – М.: Статут, 2020. – 476 с.

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

Левченко И. А., Зубков Д. А.

Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации», г. Донецк, РФ
Admsud19@mail.ru

Введение. На современном этапе развития государства, в частности Российской Федерации, оборот информации показывает постоянный рост, в связи с чем изучение нормативно-правового регулирования данного вопроса является актуальным.

Цель – исследовать основы нормативно-правового регулирования информации в качестве объекта гражданских правоотношений по российскому законодательству.

Основная часть. Объектами гражданских правоотношений считаются человеческие потребности и процесс их воплощения в реальность, на основе которых формируется предмет деятельности субъектов гражданских прав.

При этом, современный этап существования человеческой цивилизации характеризуется активным развитием и распространением современных, информационных и телекоммуникационных технологий, удовлетворение социальных процессов и жизнедеятельности людей. Тем не менее, до сих пор не создано единое определение и характеристика понятия «информация», отражающие все аспекты, в связи с чем не утихают споры ученых в юридических кругах относительно понятийного аппарата и отнесения информации к объектам гражданского правоотношения.

Термин «информация» появился в общественной сфере в середине XX века и был введен Клодом Шенноном, который решил использовать его при аргументировании теории связи и признал в качестве понятия, используемого в порядке доведения телеграфных кодов [1, с.36].

Так, например, в соответствии с работами Н. Винера, информацией будет являться формулировка какого-либо смысла, полученного в процессе привыкания к внешнему миру [2, с. 620].

В свою очередь, Н.А. Шермухамедова указывает, что информация берет начало в материальных системах, определенных для запоминания, переработки и задействования результатов воздействия. При этом, указанный автор отдельно отмечает, что важнейшими особенностями информации выступают понятность, материализация и наличие возможности передачи [3].

В.П. Попов же, с социально-философской позиции, дает информации следующее определение: в обширном смысле слова, информация есть результат отражения социальной жизни. [4, с. 35].

В. С. Горбатов указывает, что в экономике информация, как объект гражданского права, довольно часто применяется в имущественных и лично неимущественных гражданских правоотношениях, в системе общегосударственных, социальных и экономических отношениях. При этом, В.С. Горбатов достаточно подробно разбирает особенности информации и отмечает, в частности, такие особенности информации как условность информации, неисчерпаемость информации, нелинейность информации (ее величина, размер, объем и соотношение между чем-то не связаны друг с другом), информация может выступать в качестве самостоятельного объекта [5, с. 23].

Амановым А. А. было обращено большое внимание в основном с точки зрения применения услуг средств массовой информации и Интернет-сети. Так, Аманов А. А. выделяет целесообразность при исследовании информации брать во внимание наличие ее следующих признаков: 1) объективность информации, что подразумевает идентичность в изложенной информации соответствия с происходящими событиями, процессами и обстоятельствами; 2) достоверность информации, что подразумевает, что информация, которая передается и предоставляется, должна быть конкретно для ее потребителей точной и правильной; 3) возможность повторного использования информации, то есть использование потребителем полученной или владеющей им информацией несколько раз; 4) возможность предоставления информации конкретному потребителю различными способами; 5) целостность и полнота информации, то есть доводимые до потребителя данные должны быть единым целым; 6) возможность сбора, передачи, переработки и осуществления других действий относительно информации. [6].

Аманов А. А. определяет в своих работах, что понятие «информация» в гражданском праве, способно вступать в силу в случаях, связанных с оформлением и осуществлением гражданских прав и обязанностей между участниками гражданского оборота при реализации ими своих имущественных и иных материальных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности, договорных обязательств [6].

Ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) к объектам гражданских прав относит вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, имущественные права (а также безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты трудов и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации; нематериальные блага

[7]. Таким образом, в самой норме ст. 128 ГК РФ информация как отдельный объект гражданского правоотношения отсутствует.

Согласно ст. 2, ст. 5 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ информацией определяются данные, независимо от того в каком виде они могут быть представлены. [8]. При этом, также указывается, что информация выступает объектом как публичных, гражданских, так и иных правовых отношений. Кроме того, указанный нормативно-правовой акт устанавливает, что информация также способна свободно использоваться любыми субъектами правоотношений и быть объектом в обороте гражданско-правовых отношений, если федеральными законами не установлены ограничения доступа к информации либо иные требования к порядку ее предоставления или распространения.

Выводы. Исходя из всего выше сказанного можно отметить, что понятие «информация» в ст. 128 ГК РФ не указано, также в указанной норме в перечне объектов гражданских правоотношений информация как объект отсутствует. Подводя итог, внесено предложение о дополнении перечня объектов гражданских правоотношений, указанных в ст. 128 ГК РФ, путем включения в этот перечень, в качестве отдельного объекта информацию, что позволит обеспечить всестороннюю защиту и охрану прав и интересов субъектов гражданского правоотношения.

Список литературы

1. Воскресенский Ю. Понятие «средства массовой информации». Роль коммуникации и СМИ в политической системе общества // Юрист. – М., 2005. – № 6. – С. 36-39.
2. Винер Н. Кибернетика и общество. – М., 1991.
3. Шермухаммедова Н.А. Информация / Текст: электронный. – URL: <https://portal.nuu.uz/fed/4-6.html> (дата обращения 25. 09. 2023)
4. Информационная политика. Учебник. Под. ред. В. П. Попова. – М., 2003.
5. Горбатов В.С. Контратьева Т.А. Правовые основы информационной безопасности: Учебное пособие. – М., 1998.
6. Аманов А. А. «Информация как объект гражданского права: теоретико-правовой анализ» // Текст: электронный – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsiya-kak-obekt-grazhdanskogo-prava-teoretiko-pravovoy-analiz>
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Текст: электронный – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 25. 09. 2023)
8. Федеральный закон Российской Федерации «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N149-ФЗ // Текст: электронный – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108264> (дата обращения 25. 09. 2023)

ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМ

Левченко И. А., Максимова А. К.

Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации», г. Донецк, РФ
alimaksimova409@gmail.com

Актуальность темы исследования. Случаи безвестного отсутствия физических лиц возникают достаточно часто в современном обществе, что может быть вызвано различными обстоятельствами, такими как исчезновение, катастрофы, конфликтные ситуации и другие факторы. В связи с этим, в целях обеспечения законности и эффективной защиты прав и законных интересов сторон гражданских правоотношений, государству важно иметь четкую и эффективную процедуру признания физического лица безвестно отсутствующим. В то же время, необходимо учитывать развитие современных технологий и информационных систем, что также оказывает влияние на актуальность данной темы, к примеру, возможность использования информационных баз данных и технических средств для поиска безвестно отсутствующих лиц может иметь важное значение при рассмотрении дела о признании физического лица безвестно отсутствующим. В связи с этим, исследования, посвященные гражданско-процессуальным особенностям признания физического лица безвестно отсутствующим, имеют большую актуальность и практическую значимость.

Цель исследования – определить теоретико-правовые и практические особенности признания физического лица безвестно отсутствующим в гражданском процессе.

Основная часть. Выбранная тема исследования продолжительное время изучалась учёными наук гражданского права и процесса, в связи с чем имеется возможность рассмотреть теоретические подходы к понятию физического лица, как безвестно отсутствующего. Так, в своей публикации А. Е. Беляковой по данному вопросу, автор приходит к выводу о том, что под искомым определением понимается ситуация, когда человек исчез без вести и его местонахождение неизвестно [1, с. 22]. Более широкий подход применяет Е.А. Юрлакова, которая в своём исследовании рассматривает понятие как процесс защиты заинтересованного лица путем вынесения решения суда, которое направлено на устранение неопределенности, связанной с правоспособностью лица [2, с. 173]. Важно также обратить внимание на нормативное правовое закрепление понятия безвестно отсутствующего физического лица. В основном источнике гражданского

права России – Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), несмотря на отсутствие законодательного определения, из ст. 42 ГК РФ можно определить, что под безвестно отсутствующим физическим лицом надлежит понимать его правовой статус, возникающий на основании решения суда в случае доказанности фактического отсутствия каких-либо сведений о местонахождении лица в течение одного года [3]. То есть законодатель более чётко и ёмко раскрывает суть рассматриваемой категории, из которой усматривается процессуальная основа, то есть безвестно отсутствующее лицо рассматривается как правовой статус, приобретаемый и прекращающийся на основании решения суда.

Учитывая изложенное важно выделить ключевые признаки процесса признания такого статуса:

1. Наличие заинтересованных лиц.
2. Заявление в суд о признании лица безвестно отсутствующим.
3. Соблюдение условий признания лица безвестно отсутствующим, это наличие одного календарного года, в течение которого фактически отсутствуют сведения о месте пребывания лица

К признакам также следует отнести и решение суда, на основании которого возникает юридический факт признания лица безвестно отсутствующим. Детализируя процессуальные аспекты, важно также рассмотреть и текущее правовое регулирование, а именно нормы Главы 30 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [4], которые определяют процедуру подачи заявления о признании гражданина безвестно отсутствующим, содержание такого заявления, действия судьи при рассмотрении заявления, правовые последствия решения суда и последствий явки или обнаружения места пребывания гражданина, признанного безвестно отсутствующим.

Анализируя нормы указанной главы следует выделить ключевые аспекты рассматриваемого процесса:

1. Заявление подаётся в суд по месту жительства или месту нахождения заинтересованного лица (ст. 276 ГПК РФ).
2. Заявление должно содержать: цель признания лица безвестно отсутствующим, обстоятельства, которые подтверждают этот факт (ст. 277 ГПК РФ).
3. На судью возлагается обязанность проведения проверочных мероприятий (проверка сведений лиц, которые могут сообщить сведения об отсутствующем лице, а также составление и подача запросов в органы государственной власти) (ч. 1 ст. 278 ГПК РФ).
4. Судья вправе предложить органу опеки и попечительства назначить доверительного управляющего имуществом гражданина, местонахождение которого устанавливается (ч.2 ст. 278 ГПК РФ).
5. Судебный процесс рассмотрения дела должен в обязательном порядке сопровождаться участием прокурора (ч.3 ст. 278 ГПК РФ).

6. В случае доказанности факта безвестного отсутствия лица, судебное решение является юридическим основанием для составления соответствующего акта гражданского состояния (ч.2 ст. 279 ГПК РФ).

7. Статус безвестно отсутствующего лица может быть отменён решением суда, в случае явки или обнаружения места пребывания гражданина (ст. 280 ГПК РФ).

Следует отметить, что действующая редакция процесса признания лица безвестно отсутствующим не лишена недостатков ввиду низкой степени конкретизации важных элементов, таких как перечень заинтересованных лиц. На этот пробел обращают внимание многие исследователи и он не решён руководящими разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации и поэтому в настоящее время релевантно определение примерного перечня лиц, которые могут относиться к категории заинтересованных.

Вызывает вопросы также недостаточное закрепление состава предмета доказывания по рассматриваемому процессу. Следует согласиться с мнением Т.В. Шакитько, которая, также замечая данный пробел, считает необходимым совершенствовать ГПК РФ и определить в Главе 30 ГПК РФ нормы, описывающие обстоятельства, подлежащие доказыванию по гражданским делам и более детально закреплять устанавливаемые по данным делам факты розыска гражданина и результатов розыска, придав им тем самым процессуально-правовое значение фактов локального предмета доказывания [5, с 104].

Заключение. Таким образом, в настоящее время ГПК РФ обладает рядом пробелов, связанных с правовым регулированием процесса признания лица безвестно отсутствующим. Проведение более глубокого и детального изучения правоприменительных аспектов по данному вопросу позволит более предметно подойти к процессу совершенствования гражданского процессуального законодательства и конечного устранения его пробелов.

Список литературы

1. Белякова, А. Е. Признание гражданина безвестно отсутствующим и объявление его умершим: вопросы применения правовых норм / А. Е. Белякова // Сборник статей XIV Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 25 сентября 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2022. – С. 22-25.
2. Юрлакова, Е.А. Признание гражданина безвестно отсутствующим: понятие и правовые последствия / Е.А. Юрлакова // Научный Альманах ассоциации France-Kazakhstan. – 2022. – № 1. – С. 161-173.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2023) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/5432bc2cb47f3eb7d079be98618ee83e8f3ade75/ (дата обращения: 27.09.2023).
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) – URL: <https://www.consultant.ru/document/>

cons_doc_LAW_39570/ef0d3efce0a15691c7aaaa34faad2aca9842228a/ (дата обращения: 27.09.2023).

5. Шакитько, Т. В. Состав предмета доказывания по делам о признании гражданина безвестно отсутствующим / Т.В. Шакитько // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – №7 (152) – С. 97-104.

УДК 347.1

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ВОЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Навальнева Н. С.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

n.navalneva@internal.donnu-support.ru

Введение. Обеспечение военной безопасности является важнейшей сферой деятельности для любого государства, требует осознанного подхода, в том числе в части правового регулирования. Вопросы введения режима военного положения и исполнения государственного оборонного заказа регулируются нормами публичного права, однако нельзя отрицать, что военнослужащие и военные организации также вступают в отношения, регулируемые нормами гражданского права.

В связи с этим является актуальным вопрос об обеспечении их эффективного взаимодействия с другими участниками имущественного оборота при заключении и исполнении договоров, применении мер гражданско-правовой ответственности, а также при осуществлении хозяйственной деятельности.

Основная часть. Прежде всего, общие правила заключения и исполнения договоров для выполнения задач по обеспечению обороны и безопасности государства воинскими частями, определены в Гражданском и Бюджетном кодексе Российской Федерации. К специальному законодательству, регулирующему рассматриваемый вопрос, относятся Федеральные законы «О государственном оборонном заказе», «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», кроме того, Правительством РФ утверждено Положение о примерных условиях государственных контрактов. В последние годы издаются новые нормативно-правовые акты, регулирующие различные аспекты материального обеспечения военной безопасности, как например Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2022 г. № 2559 «О мерах по обеспечению режима военного положения и об особенностях планирования и осуществления закупок для обеспечения государственных

нужд» и другие. Однако данные специальные нормы являются публично-правовыми и регулируют именно положения связанные с государственными контрактами.

На рассмотрение Государственной Думы выносился законопроект «О правовом положении и финансово-экономической деятельности военных организаций», который предусматривал отдельные положения, касающиеся особенностей заключения и выполнения договоров с участием военных организаций, например, возможность изменения цены после заключения договора в одностороннем порядке, невозможность отказа от договора электроснабжения без согласия абонента – военной организации [1]. Данный законопроект так и не вступил в силу, при этом анализ содержащихся в нём положений коррелирует с позицией теоретиков военного права о необходимости соблюдения приоритета интересов государства в правовом регулировании отношений с участием военных учреждений.

Основной особенностью участия военных учреждений в вещных, а также обязательственных отношениях является тот факт, что вступая в них от своего имени, рассматриваемый субъект используют имущество, принадлежащее Российской Федерации как собственнику. В то время как в отношении третьих лиц военное учреждение реализует свои вещные полномочия абсолютным образом, по отношению к государству возникающее производное право представляется обязательственным [2, с. 60]. Следовательно, при реализации вещных правоотношений военные организации отягощены наличием обязательственного правоотношения с государством – собственником имущества, чьи правовые интересы должны доминировать, когда отсутствует прямое правовое регулирование либо оно противоречиво. Этим объясняется приоритет публичного регулирования отношений связанных с обеспечением военных нужд над диспозитивным частно-правовым регулированием.

Национальные интересы и приоритеты Российской Федерации закреплены Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В данном документе подчеркивается важность задач укрепления обороны страны, а также устойчивого развития экономики [3]. Построение системы правового регулирования вещных отношений с участием военных учреждений исходя из принципа приоритета интересов государства по обеспечению его обороны и безопасности, в том числе и в сфере частноправовых отношений, позволит сохранить автономию военных учреждений как юридических лиц с возможностью оперативного использования их имущества для решения задач государства в сфере обороны.

В отсутствие специальных норм, правовое регулирование осуществляется по общим правилам, что не позволяет учитывать особенности такого субъекта как военное учреждение. Например, в случае

причинения военным учреждением вреда как владельцем источника повышенной опасности, ответственность наступает по общим правилам, установленным ст. 1079 ГК РФ. То есть вред возмещается по принципу вины (а в установленных законом случаях и при её отсутствии), при этом вред, причинённый правомерными действиями, также подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом. При этом не принимается во внимание специальный статус лиц, проходящих военную службу в военных организациях, специфическое предназначение имущества военных организаций, характер выполняемых ими задач, а также тот факт, что деятельность военных организаций по эксплуатации источников повышенной опасности является правомерной при ведении боевых действий, проведении учений, маневров.

Однако не следует забывать, что в результате деятельности воинских частей не исключены ситуации, при которых действия воинской части при применении источников повышенной опасности будут являться неправомерными. Например, вред может быть причинен в связи с необеспечением или ненадлежащим обеспечением сохранности источников повышенной опасности, особенно военного назначения [4, с. 116]. В таких случаях имущественный вред, причиненный третьим лицам, должен быть возмещен в полном объеме.

Единообразию правоприменения поспособствовало бы нормативное закрепление условий, при которых воинская часть или другая военная организация может быть освобождена от возмещения имущественного вреда, причиненного в результате использования источников повышенной опасности военного назначения, а в каких случаях будет наступать полная или ограниченная ответственность за причинение такого вреда.

Заключение. Таким образом, хотя некоторые аспекты деятельности военных учреждений регулируются нормами гражданского права, выработка правового механизма их применения является задачей военного права. При дальнейшей разработке вопросов, связанных с определением принципов участия военных учреждений в частно-правовых отношениях и возмещением вреда, когда вред причинён деятельностью военного учреждения, необходимо учитывать интеграцию гражданско-правового регулирования в военное законодательство при приоритете публично-правовой составляющей регулируемых отношений.

Список литературы

1. Проект Федерального закона №97802184-2 «О правовом положении и финансово-экономической деятельности военных организаций». – Текст: электронный // Система обеспечения законодательной деятельности. – 2002. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97802184-2> (дата обращения: 29.09.2023).
2. Сморгцова, Л. Н. Приоритет интересов государства в правовом регулировании вещных отношений с участием военных учреждений / Л. Н. Сморгцова // Вестник военного права. – 2016. – № 3. – С. 58–62.

3. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – Текст: электронный // Информационно-правовой портал «Гарант». – 2021. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 29.09.2023).
4. Соколова, Е. В. О некоторых вопросах ответственности воинской части за имущественный вред, причиненный в результате использования источников повышенной опасности военного назначения / Е. В. Соколова // Право в вооруженных силах – военно-правовое обозрение. – 2013. – Т. 5, № 191. – С. 112–117.

УДК 347.454.5

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДОГОВОРА ПОДРЯДА

Сиренко Б. Н., канд. юрид. наук

ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы»,
г. Донецк, РФ
sirenkobogdan@mail.ru

Введение. Главным индивидуальным правовым регулятором общественных отношений, складывающихся по поводу выполнения бытовых, строительных, проектных, а также изыскательских, работ для государственных или муниципальных нужд, научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ в Российской Федерации в настоящее время выступает договор подряда.

Основная часть. Важнейшая характерная черта договора подряда – направленность на выполнение работы, что, в свою очередь, позволяет отграничить его от иных сделок. Ю.В. Романец по этому поводу отмечает: «Для участников подрядных отношений недостаточно просто передачи имущества в собственность, как это происходит при купле-продаже. В сфере их экономических интересов оказывается процесс изготовления имущества и осуществление контроля за этим процессом» [1].

Законодательную базу рассматриваемого договора преимущественно составляет глава 37 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). В этой сделке существенными условиями признаются предмет, срок, цена (указанное утверждение является спорным, в связи с чем далеко не все исследователи определяют такое условие существенным).

Однако, несмотря на достаточную гражданско-правовую регламентацию рассматриваемого договора, представляется возможным выделить в нем ряд существенных недостатков.

Так, когда в договоре подряда не указано распределение сбереженных средств между сторонами, то согласно п. 1 ст. 710 ГК РФ подрядчик сохраняет право на оплату работ по цене, предусмотренной договором подряда, если заказчик не докажет, что полученная подрядчиком экономия

повлияла на качество выполненных работ. Представляется недостаточным основание в виде качества выполненных работ, служащее для получения подрядчиком сэкономленных средств при исполнении условий договора. Для вынесения объективного решения по спору важно учитывать объем выполненных работ, а также причину экономии, которая должна быть связана с использованием более эффективных методов выполнения работы или с изменением на рынке цен на материалы и оборудование.

Обратимся к судебной практике. Так, в Арбитражном суде разбиралось гражданское дело по иску общества с ограниченной ответственностью «Б.» к акционерному обществу «Н.» о взыскании задолженности по договору подряда, заключенному с целью выполнения проектных, строительно-монтажных и пуско-наладочных работ по реконструкции газовой котельной. В процессе исполнения условий сделки истец затратил денежных средств меньшее количество, чем сумма, указанная в договоре. В связи с этим, ответчик отказался полностью оплачивать выполненные работы, посчитав, что сэкономленные деньги должны принадлежать ему. В сложившейся ситуации суд признал за подрядчиком экономию, исходя из таких критериев как качество выполненных работ, их объем, а также причина сбережения средств, подтвержденных экспертизой. Соответственно, было вынесено решение о взыскании с заказчика в пользу подрядчика долга, а также неустойки [2].

Стоит обратить внимание на то, что обязанность подрядчика по предоставлению аргументированной информации о приостановлении работ заказчику в ГК РФ сформулирована неточно, поскольку не указана форма оповещения. Это обстоятельство затрудняет процесс доказывания факта уведомления об отложении работ по вышеуказанным причинам в случае спора по договору подряда.

Обратимся к судебной практике по рассматриваемой проблеме. В Арбитражном суде разбиралось гражданское дело по иску Управления архитектуры и строительства администрации города В. к обществу с ограниченной ответственностью «М.» о взыскании неустойки по договору подряда, заключенному по итогам аукциона для строительства здания. В процессе выполнения работы ответчик с опозданием получил проектную документацию, что явилось причиной затягивания срока строительства объекта. В связи с этим, подрядчик в устной форме предупредил заказчика об увеличении срока выполнения условий договора. Несмотря на это, после просроченной сдачи объекта строительства истец потребовал выплатить неустойку. В судебном процессе ответчик не смог подтвердить факт сообщения о мотивированном приостановлении работы истцу ввиду отсутствия письменного доказательства. Следовательно, суд принял решение взыскать с общества с ограниченной ответственностью «М.» в пользу Управления архитектуры и строительства администрации города В. неустойку [3].

Более того, в случае, когда стороны договора подряда не указали срок извещения подрядчика о недостатках, которые не могли быть установлены при обычном способе приемки работы, то в соответствии с п. 4 ст. 720 ГК РФ заказчик должен уведомить подрядчика о скрытых недостатках в разумный срок по их обнаружении. В этом случае период обозначен крайне нечетко, поскольку термин «разумный срок» не содержит в себе временных границ, что приводит к оценочному характеру определения продолжительности извещения подрядчика о скрытых недостатках. Указанный факт негативно сказывается на установлении законности и обоснованности срока сторонами договора подряда и судом.

Приведем еще один пример из судебной практики. Так, в Арбитражном суде разбиралось гражданское дело по иску индивидуального предпринимателя Ч. к индивидуальному предпринимателю Г. о возмещении расходов на устранение скрытых недостатков установки кондиционера по договору подряда. Согласно досудебной экспертизе было установлено, что ответчик допустил нарушения при установке сплит-системы, которые могли быть выявлены истцом только после длительной эксплуатации кондиционера. Однако, суд посчитал срок продолжительностью более 4-х месяцев неразумным для проверки работы на наличие неявных недостатков и, соответственно, отказал во взыскании расходов на ремонт сплит-системы [4].

Примечательна точка зрения А.А. Бросалиной, которая считает, что в силу широты охватываемых договором подряда вопросов возникают юридические сложности, характеризующиеся особенностями конкретной ситуации, что подтверждается многообразием сложившейся судебной практики в этой области [5].

Полагаем, что для решения вышеуказанных проблем договора подряда стоит внести изменения в п. 1 ст. 710 ГК РФ касательно указания оснований для получения подрядчиком сэкономленных средств при исполнении условий договора в виде объема работ и причины экономии, в п. 1 ст. 716 ГК РФ по поводу установления письменной формы предупреждения заказчика о приостановлении работ, а также в п. 4 ст. 720 ГК РФ относительно утверждения срока уведомления подрядчика о скрытых недостатках по общему правилу в течение 1 года по аналогии с давностью по искам о ненадлежащем качестве работы по договору подряда.

Заключение. Таким образом, проанализировав некоторые вопросы российского опыта применения договора подряда, представляется возможным подытожить, что указанный вид сделки испытывает потребность в повышении правовой определенности, что требует незамедлительного исправления с целью усовершенствования функционирования гражданских правоотношений.

Список литературы

1. Романец, Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: [монография] / Ю.В. Романец. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2013. – 495 с.
2. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 28.08.2019 по делу № А43-7145/2019. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/udc89MLxLAQc/>.
3. Решение Арбитражного суда Владимирской области от 27.05.2021 по делу № А11-2297/2021. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/7uQSWZEt49VV/>.
4. Решение Арбитражного суда Московской области от 14.07.2021 по делу № А41-10212/2021. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/UtpMlx4gRLWm/>.
5. Бросалина А.А. Договор строительного подряда: вопросы теории и практики / А.А. Бросалина // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 17 – С. 141 – 156.

УДК 347.9

К ВОПРОСУ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ

Финкина А. П., Дарманьян В. А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
veronika.darmanyanyan2000@mail.ru

Введение. Современный мир характеризуется высокой скоростью жизни, сложностью межличностных отношений и ростом сложных споров. Медиация становится все более популярным методом разрешения таких конфликтов. Благодаря своей гибкости и инновационным подходам медиация оказывает положительное влияние на общество в целом. Поскольку медиация напрямую влияет на разрешение конфликтов мирным путем, она помогает предотвратить эскалацию насилия и способствует установлению гармоничных отношений между людьми. Более того, принятие принципов справедливости и уважения к точкам зрения других сторон может снизить вероятность возникновения будущих конфликтов.

Цель исследования – определить субъектный состав процедуры медиации, а также проанализировать правовое положение всех участников.

Основная часть. Кандидат социологических наук Олег Маврин заявлял, что «Общество без конфликтов обречено на гибель. Общество без конфликтов – ненормально» [1]. Однако в 2023 году становится все более широко применяемый метод бесконфликтного общения (или «ненасильственного общения») – это стратегия межличностного взаимодействия, направленная на уменьшение конфликтов и насилия в общении. Это способствует сохранению отношений между сторонами. Следовательно, медиация должна стать главенствующим элементом модернизации гражданского общества современного государства.

К сожалению, институт медиации, в РФ не приобрел еще достаточной популярности для того, чтобы эффективно решать спорные ситуации конфликтующих сторон. Это в первую очередь связано с доступностью судов для рассмотрения споров, необязательностью досудебного разрешения конфликтов, отсутствием конкретного правового статуса медиативного соглашения. Помимо основных проблем, большинство граждан России, оказавшись в спорной ситуации, попросту не знают о наличии такого института, как медиация [2, с. 357].

Исходя из важности и актуальности медиации как альтернативной процедуры урегулирования споров, необходимо обозначить субъектный состав данной процедуры.

Классические стороны в медиативной процедуре – физические и юридические лица, выступающие в качестве субъектов спорных гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений [3, с.84].

Участниками процедуры медиации обычно являются:

1. Медиатор.

2. Стороны конфликта (люди или группы).

3. Приглашенные участники. В некоторых случаях медиация может включать дополнительных участников, таких как адвокаты, консультанты или специалисты, которые могут предоставить экспертное мнение или поддержать стороны в процессе.

Правовой статус медиатора весьма полно описан в Федеральном законе от 27.07.2010 N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Так, согласно пункту 3 статьи 2 ранее упомянутого закона «медиатор, медиаторы – независимое физическое лицо, независимые физические лица, привлекаемые сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора». В статье 15 предоставлены требования к медиатору. Также на законодательном уровне четко закреплены определенные запреты для медиатора: ему запрещается выступать в качестве представителя стороны спора; консультировать одну из сторон, предоставлять ей юридическую помощь; разглашать конфиденциальные сведения, связанные со спорными правоотношениями; иметь заинтересованность в результате медиативного процесса; быть родственником с лицом, выступающим стороной спора. Лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной гражданской и муниципальной службы, не вправе быть медиаторами, если иное не предусмотрено федеральными законами.

Различают следующие формы или роли медиаторов в ведении процесса медиации:

Медиатор как «председатель»: он только регулирует процедуру и не оказывает никакого влияния на содержание медиации.

Медиатор как «формулировщик» (enuncia-tor): своим участием он расширяет информационную и аргументационную базу участников, используя свои профессиональные знания и навыки.

Медиатор как «подсказчик» (prompter): он пытается не только направлять процесс, но и координировать его содержание.

Медиатор как «оценщик» (evaluator): он действует, например, как «агент реальности», вскрывая нереалистичные ожидания сторон, давая свою оценку ситуации.

Медиатор как «лидер» (leader): здесь медиатор вносит свои предложения по решению вопроса [4].

Необходимо помнить, что на практике по ходу процедуры медиации эти роли постоянно перемежаются и сочетаются друг с другом.

Таким образом, медиатор – это независимая и непредвзятая третья сторона, чьим главным заданием является обеспечить процесс и улучшить коммуникацию между сторонами с целью достижения соглашения. Медиатор не предлагает решений или принимает сторону, но помогает сторонам искать взаимоприемлемое решение, содействуя взаимопониманию и урегулированию спора.

Касательно сторон конфликта можно отметить, что под ними подразумеваются люди или группы людей, напрямую или косвенно связанные с конфликтом, которые имеют свои интересы и требования. Стороны могут быть различными в каждой конкретной ситуации.

Также, в процесс медиации стороны могут пожелать включить своих юристов или адвокатов. Присутствие юристов может быть полезным, особенно в случаях, когда стороны не имеют достаточных юридических знаний или когда спор имеет высокую степень сложности. Юристы могут помочь советами, формулировкой юридических аргументов или проконтролировать соблюдение прав и интересов их клиентов в процессе медиации. Однако, роль юриста в медиации может отличаться от его роли в судебных разбирательствах. Вместо борьбы за победу в суде, юристы должны сотрудничать с другой стороной и помогать сторонам достичь взаимовыгодного соглашения. Адвокат ни в коем случае не может выступать медиатором в процессе медиации, если до этого он выступал защитником одной из сторон, а также защищать интересы одной из сторон, после неудавшегося процесса медиации, в котором он выступал в роли медиатора.

В качестве приглашенных участников могут выступать консультанты или эксперты, чтобы дать специализированную информацию или экспертное мнение по определенным вопросам, связанным с их конфликтом.

Стороны также могут пожелать пригласить членов семьи, друзей или коллег, чтобы они поддержали их в процессе медиации. Поддерживающие лица могут быть присутствующими на сессиях медиации или оказывать поддержку вне медиационных сессий.

Заключение. Все участники медиации должны быть готовы к процессу и обязуются соблюдать определенные правила и принципы, установленные медиатором и/или организацией, которая проводит медиацию.

Список литературы

1. Минусы конфликтов: Плюсы и минусы конфликта. – Текст: электронный. – 2023. – URL: <https://origin-style.ru/raznoe/minusy-konfliktov-plyusy-i-minusy-konflikta.html#i-5>. (дата обращения: 27.10.2023).
2. Трифонова Е.Л. Субъекты осуществления медиативной деятельности / Е.Л. Трифонова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – № 11 (51). – 2020. – С. 356-360.
3. Безуглая А.Г. Правовой статус участников медиативных процедур / А.Г. Безуглая // Межд. журнал гуманитарных и естественных наук. – № 12-2. – 2021. – С. 84-88.
4. Методические рекомендации по проведению процедуры медиации. – Текст: электронный // Научно-методический центр «Медиации и права»: официальный сайт. – 2023. – URL: <https://mediacia.com/> (дата обращения: 27.10.2023).

УДК 340.5; 347.6

РОДИТЕЛЬСКАЯ ВЛАСТЬ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.

Шалеева Ю. В., канд. ист. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»,
г. Абакан, РФ
salaewaj@mail.ru

В последние годы вопрос о месте и роли семьи, как основного института социализации человека, стоит перед российским обществом весьма остро. С одной стороны, влияние западных либеральных идей на рубеже столетий привело к существенному пересмотру системы взаимоотношений родителей и детей, семьи и государства. Индивидуалистические, гендерно нейтральные ценности легли в основу многих образовательных концепций, существенно повлияли на оценку роли государства и пределов его вмешательства в семейные отношения. С другой стороны, в последнее десятилетие, как в сознании россиян, так и в деятельности государства, заметны возникновение выраженного охранительного тренда и достаточно острая отрицательная реакция на разрушение традиционных семейных институтов. В этой связи стала чаще использоваться такая речевая формула, как «родительская власть», которая подразумевает закрепление за родителями личных и имущественных прав в отношении их детей.

Интерес к вопросам функционирования семьи понятен. Переломные эпохи часто сопровождались поиском новых моделей семейных отношений. Классическая патриархальная семья в условиях секуляризации и либерализации общества, на фоне эмансипации женщин, детей, гендерных меньшинств, перестала восприниматься как установление божественного порядка, не допускающее существенного вмешательства в ее внутренние дела со стороны светских властей. Более или менее радикальные идеи разрушения «устаревших» конструкций семьи посредством правовых предписаний мы обнаруживаем и революционной Франции, и в России 20-х гг. прошлого века, и в современной «постиндустриальной» «постмодернистской», «цифровой» эпохе. Причем вопросы возникают и к системе отношений между супругами, и к концепции воспитания детей.

Исторически наиболее распространенная и устойчивая модель подчинения всех домочадцев власти отца обеспечивала стандартное распределение ролей, к которым мальчиков и девочек готовили с детства. Мужчина – глава, защитник, кормилец. Женщина ведет домашний быт и занимается детьми. Патриархальность и патрилинейность вытекали из социально-экономических и демографических потребностей, поддерживались правом и государством. Впрочем, вмешательство государства в семейную жизнь существенно ограничивалось моралью, обычаями и религиозными учреждениями, закрепившими семейно-наследственные институты в юрисдикции канонического права.

Наиболее подробно организация патриархальной семьи, подчиненной абсолютной власти патерфамилиаса, описана в источниках римской эпохи. *Familia* представляла собою одновременно и социальную, и имущественную общность, причем младшие члены семьи – подвластные, слабо дифференцировались. Личная и имущественная власть отца – *patria potestas* – простиралась вплоть до права злоупотребления (увечье, смерть, продажа), по сути, превращая членов семьи в часть семейного имущества. Поздний Рим разрушил абсолютность такой власти, поставил ее в зависимость от моральных и правовых ограничений, но сама основа патриархального уклада в семье и обществе сохранилась. Она утверждалась и христианской церковью, транслируя на мирскую семью идеи власти Отца-Творца над его чадами. Так же патриархальная идея лежала в основе одной из наиболее популярных в средние века концепций государственной власти.

Великая французская революция на краткое время допустила в семейные отношения «свободу и равенство», но уже Кодекс Наполеона вернул в право власть отца как основу семейной жизни [4]. Немецкая доктрина акцент делала на родительской власти как заботе о благе подрастающего поколения, пусть и с применением ограниченного насилия. Российское семейное право того периода тем более сохраняло поддерживаемый православием патриархальный характер [6]. Почитание и

подчинение старшим в имущественном и личном праве считалось нормой. Тем не менее, революционные процессы и социально-экономические преобразования в Европе и Америке на протяжении XIX-XX вв. предоставили больше прав женщине, в связи с чем появилась конструкция «материнской власти», при определенных условиях заменявшей «власть отца».

Распространение либерализма и произошедший к началу XX в. «демографический переход» повысили ценность каждого человека и остро поставили вопрос о возможности сохранения власти родителя над личностью и имуществом ребенка. В XX–XXI веке понятие «родительская власть» было заменено на «права и обязанности родителей [1]. Однако в научной литературе, причем чаще неправовой, оно сохранилось, а в условиях обострения вопроса об идентичности российского общества, приобрело новое звучание.

В последнее десятилетие государство обращает все больше внимания на «ячейку общества» [2]. Это легко объяснимо, ведь исторически основное предназначение семьи – деторождение и социализация новых поколений, которая осуществляется благодаря семейному воспитанию. Однако при недостаточности правового регулирования взаимных обязанностей родителей и детей возникает правовая лакуна, когда родители нередко лишены возможности достаточного и эффективного воздействия на ребенка [7].

Именно этим был вызван к жизни Проект изменений в СК РФ [3], вызвавший возмущение либеральной общественности [5]. Ограничение вмешательства государственных органов в жизнь семьи, презумпция добросовестности родителей действительно могут в некоторых случаях помешать своевременной защите прав и интересов детей, однако представляется, что это вопрос скорее к правоприменителям. Злоупотребления правом наблюдаются как со стороны родителей, так и со стороны детей, и даже со стороны компетентных органов.

Сама же идея повышения авторитета родителей и защиты традиционной семьи перекликается с исследованиями психологов о значении родителя в жизни ребенка и соответствует национальным интересам. Потому работа по совершенствованию семейного законодательства – не через возвращение в него «родительской власти», но посредством создания соответствующей современным потребностям модели отношений, основанных на взаимных правах и обязанностях в семье – должна быть продолжена. Только понимание каждым гражданином необходимости исполнения обязанностей как условия реализации прав, заложенное в семье, позволит обеспечить рост правосознания в обществе в целом. Так же надо повышать ответственность родителей за результаты семейного воспитания, а государственные органы должны обеспечивать не столько контроль, сколько сопровождение семьи.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации (часть первая), от 29.12.1995 N 223-ФЗ [принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 8 декабря 1995]; в ред. Федер. закона от 19.12.2022 № 583-ФЗ. – Ст. 61-65. – Текст: электронный // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.12.2022 г.).
2. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 № 1618-р. – Текст: электронный – URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/16> (дата обращения: 18.12.2022 г.).
3. О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части регулирования отношений, связанных с правами и законными интересами детей). Законопроект от 04.07.2022 № 157281-8 – Текст: электронный – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/157281-8> (дата обращения: 18.12.2022 г.).
4. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / Пер. с фр. В.Захватаев. – К.: Истина, 2006. – С. 176-190.
5. Васильева А., Коробов П., Старикова М. Из Семейного кодекса выплеснули ребенка // «Коммерсантъ» №119 от 06.07.2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5447435> (дата обращения: 18.12.2022 г.).
6. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права – Пг.; Киев: Н. Я. Оглоблин, 1915. С. 460-468. [Электронный ресурс]. – URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/4926-vladimirskiy-budanov-m-f-obzor-istorii-russkogo-prava-pg-kiiev-1915> (дата обращения: 17.12.2022 г.).
7. Шиловская А.Л. К вопросу о понятии «родительская власть» // Инновационный центр развития образования и науки. 11.11.2016. [Электронный ресурс]. – URL: <https://izron.ru/articles/problemy-sovremennoy-yuridicheskoy-nauki-aktualnye-voprosy-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdu/sektsiya-3-grazhdanskoe-pravo-predprinimatelskoe-pravo-семейное-pravo-mezhdunarodnoe-chastnoe-pravo-/k-voprosu-o-ponyatii-roditelskaya-vlast/> (дата обращения: 17.12.2022 г.).

УДК 342.9

О ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА ПО ЧАСТНЫМ ГРАЖДАНСКИМ ИСКАМ

Швец А. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kf.admfinpr@donnu.ru

Введение. По своей природе судебный процесс по возмещению ущерба в уголовном судопроизводстве является, прежде всего, гражданским процессом. Другими словами, суть проблемы, которую необходимо решить с помощью такого рода судебной деятельности, заключается в возмещении гражданского ущерба. С материально-правовой

точки зрения это должно регулироваться гражданским правом, а с процессуальной, если в уголовно-процессуальном законе не предусмотрено специальных положений, должны применяться положения Гражданско-процессуального закона. Такие как принципы судебного разбирательства, принудительные меры, судебные доказательства, авансовый платеж, посредничество, примирение, отзыв исков и встречных исков и т. д., все должно соответствовать соответствующим положениям гражданского процессуального закона [1, с. 100].

Основная часть. В юридических кругах существуют разные мнения относительно размера компенсации по частным гражданским искам. Некоторые ученые утверждают, что компенсация морального вреда должна быть включена в соответствии с положениями ГК РФ. Основная причина заключается в том, что теория и практика возмещения гражданского вреда не распространялись на компенсацию морального вреда как возмещение по частным гражданским искам материальных убытков, имущественных потерь. Сфера требований о компенсации за гражданские нарушения включает нарушение прав собственности и прав личности. Нарушение прав собственности включает в себя ущемление прав материального имущества (вещных прав) и прав нематериального имущества (интеллектуальной собственности); нарушение прав личности включает ущемление прав граждан на жизнь и здоровье, прав граждан и юридических лиц на репутацию, права чести и т. д. [2, с. 45]

Гражданский процесс является особым видом гражданского судопроизводства. Этот иск о возмещении ущерба вытекает из преступного поведения ответчика. Поведение обвиняемого, которое ставит под угрозу общество, представляет собой преступление по уголовному праву и должно быть расследовано на предмет уголовной ответственности; оно также является гражданским правонарушением по гражданскому праву и должно нести гражданскую ответственность за компенсацию. Хотя эти два вида ответственности различны по своей природе, они коренятся в одном и том же противоправном деянии ответчика. Благодаря этому можно разрешить эти два различных вида ответственности одновременно в одном судебном процессе, что является основой случайных гражданских споров.

Частные гражданские иски возбуждаются в ходе уголовного судопроизводства и разрешаются попутно, поэтому только при наличии уголовного производства возможны частные гражданские иски, а если уголовное производство не установлено, то не может быть и побочных гражданских исков. Потерпевший напрямую подает иск о возмещении ущерба в суд, который становится независимым гражданским иском.

Материальный ущерб потерпевшему, государству или коллективу в результате преступного поведения подсудимого, подлежит возмещению. Под преступным поведением подсудимого, упомянутым здесь, обычно понимают поведение подсудимого, которое в уголовном судопроизводстве

предположительно является преступлением, а не поведение, которое на самом деле представляет собой преступление [3, с. 710]. Пока поведение обвиняемого рассматривается следствием и судом как преступление и требует уголовной ответственности и возбуждено дело, то компенсация ущерба, причиненного таким поведением, будет подпадать под сферу гражданского судопроизводства.

По этой причине суд выносит различные решения по существу по предъявленным гражданским искам при следующих обстоятельствах:

1. Подтверждается, что поведение ответчика представляет собой преступление, и причинило ущерб гражданскому истцу;

2. Подтверждается, что поведение подсудимого не является преступлением, но его противоправное поведение причинило ущерб гражданскому истцу и он должен нести ответственность за компенсацию;

3. Несмотря на то, что ответчик причинил гражданскому истцу ущерб, он по-прежнему страдает психическим заболеванием или если несовершеннолетний недееспособен, и не привлекается к уголовной ответственности, он или его опекун несет ответственность за компенсацию [4, с. 35].

При этом необходимо обратить внимание на следующие моменты. Убыток причинен преступным поведением ответчика. Между фактом причинения вреда и преступным поведением ответчика должна существовать причинная связь. Это является одним из обязательных условий для предъявления иска о возмещении гражданско-правового ущерба. Если между фактом причинения вреда и преступным поведением ответчика нет причинной связи, он не может быть включен в объем возмещения по эпизодическому гражданскому иску [5, с. 93].

Это ущерб, понесенный непосредственно в результате преступного поведения ответчика, и не ограничивается прямым понесенным ущербом. Здесь необходимо уточнить два вопроса: во-первых, из состава возмещения по частным гражданским искам исключаются косвенные убытки, такие как госпитализация потерпевшего в связи с травмой, расходы, затраченные на лечение других заболеваний, не связанных с травмой, и т.п. К убыткам, понесенным непосредственно вследствие преступного поведения подсудимого, относятся как положительные убытки, то есть убытки, которые были понесены, так и некоторые отрицательные убытки, то есть убытки, которые неизбежно будут понесены в будущем. Например, в случае травмы положительные убытки – это медицинские расходы, оплаченные потерпевшим, а отрицательные – это потеря дохода, вызванная неспособностью потерпевшего работать из-за травмы. Однако такого рода отрицательные убытки должны быть неизбежными, предсказуемыми и разумными, а конкретный размер должен определяться согласно соответствующим положениям гражданского материального права.

Что касается объема требований в частных гражданских процессах, то, судя по соответствующим положениям уголовного и уголовно-процессуального закона, они оба ограничиваются материальными потерями, причиненными преступным поведением ответчика. В частности, предусматривается, что в случае причинения потерпевшему материального ущерба используется термин «материальный ущерб»; однако в случае, если потерпевшим, которому причинен материальный ущерб, выступает субъект государственной или коллективной собственности, чаще всего используется термин «убыток». Термин «убыток» означает «имущественную утрату».

Заключение. Если потерпевший понес экономический ущерб в результате преступных действий, в дополнение к уголовному наказанию в соответствии с законом преступники также должны быть приговорены к возмещению экономических потерь в зависимости от обстоятельств. Согласно вышеуказанным правовым положениям, можно понимать, что в отношении объема побочных гражданских исков материальные потери, имущественные потери и экономические потери являются синонимами и логически относятся к одному и тому же понятию. Хотя в других случаях значения этих трех слов не совсем одинаковы.

Список литературы

1. Доржиева, И. Б. Генезис уголовно-процессуального механизма возмещения вреда (ущерба), причиненного публично-правовому образованию в результате совершения преступления / И. Б. Доржиева // Криминалистика. – 2023. – № 1(42). – С. 100-105.
2. Политыко, О. Е. Компенсационные меры в уголовном процессе: возмещение материального и нематериального ущерба потерпевшему / О. Е. Политыко // Современная наука. – 2023. – № 2. – С. 45-48.
3. Звечаровский, И. Э. Возмещение ущерба от преступления как основание освобождения от уголовной ответственности / И. Э. Звечаровский, Н. В. Кандыбко // Baikal Research Journal. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 710-714.
4. Макеева, И. О. Возмещение ущерба (вреда) как социальное последствие совершения правонарушения в Российской Федерации / И. О. Макеева // Молодой ученый. – 2023. – № 33(480). – С. 35-36.
5. Загуменный, К. И. Место и роль уголовного права среди других отраслей права / К. И. Загуменный, Е. М. Сыноква // Правовая наука и современность : Сборник материалов 2-го ежегодного международного круглого стола, Донецк, 21 октября 2017 года. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2017. – С. 93-101.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ

Шульга Р. Р., канд. юрид. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, РФ
regina1077@mail.ru

Введение. Интеллектуальная собственность как ресурс развития, необходимо понимать, что ее ценность разделяется всеми ее участниками. Хотя понимание экономической природы интеллектуальной собственности различно, оно связано с традициями ее использования, оценки, управления и защиты. Трактовка понятия интеллектуальной собственности часто условна, поскольку форма выражения результата оценивается не по факту ее существования, а как определенный способ передачи информации и знаний. И поэтому переход от понимания ценности владения объектом к носителю интеллектуальной собственности, хранящейся в виде записи, к оценке потенциала ее использования в производстве требует реализации переходных мероприятий в части обучения участников использования [1].

Основная часть. Характеристика интеллектуальной собственности требует, прежде всего, уточнения круга прав, признаваемых за ее владельцем, автором и пользователем. Эти права включают:

1. В области знаний, связанных с инновациями: научные открытия; изобретения; промышленные образцы.

2. В большей степени связанные с коммерческим продвижением товаров и услуг: товарные знаки; знаки обслуживания; фирменные наименования; право на защиту от недобросовестной конкуренции.

3. Имеющие творческое, художественное выражение: литературные, художественные произведения; звукозаписи, радио- и телезаписи и передачи. Исходя из приведенного перечня и по результатам изучения мнений ученых, следует сказать, что данный перечень не может быть окончательным. Существует постоянный прогресс в научном творчестве, форма выражения результата интеллектуальной деятельности [1].

Первый Патентный закон в России был принят в 1812 году, но в 1919 году он был отменен. В соответствии с законодательством, действовавшим до 1991 года, практически все изобретения охранялись авторскими свидетельствами и принадлежали государству.

Наибольшее количество изобретений, созданных российскими изобретателями, относится к машиностроению, механической обработке материалов (класс В), химии (класс С), энергетике (класс Н), аэрокосмическим исследованиям (класс G), вооружению (класс F). Что касается иностранных заявителей, то охрана была получена в области

химии (класс С), технологических процессов (класс В), потребительских товаров (класс А) и вооружений (класс F).

В 1992 году после принятия целого ряда законов была создана новая российская система правовой охраны интеллектуальной собственности. Прежде всего, вместо Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий было создано Российское агентство по патентам и товарным знакам (Роспатент) [1].

Российское агентство по патентам и товарным знакам (Роспатент) является федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на предоставление, регистрацию и поддержание в силе прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, а также на регистрацию программ для ЭВМ, баз данных и топографий интегральных микросхем в Российской Федерации. Выполняет функции Государственного патентного ведомства России и Агентства по правовой охране программ для ЭВМ, баз данных и топологий интегральных микросхем [2].

Помимо Патентного ведомства, занимающегося регистрацией товарных знаков, существует Государственный антимонопольный комитет, который осуществляет контроль за деятельностью хозяйствующих субъектов с точки зрения соблюдения ими действующего законодательства. В своей деятельности он опирается на Закон «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на рынках». В частности, статья 10 этого закона касается недобросовестной конкуренции и запрещает продажу товаров, нарушающих права интеллектуальной собственности. Антимонопольный комитет также может запретить действия, вводящие потребителя в заблуждение относительно источника товара и производителя [2].

Получили защиту такие новые объекты, как полезные модели, наименования мест происхождения товаров, программы для ЭВМ, базы данных и топографии интегральных микросхем. Наиболее важным из них является Патентный закон.

1. «Патентный закон Российской Федерации № 3517-1 от 23.09.1992». В соответствии с Патентным законом РФ определена структура правовой охраны объектов промышленной собственности, в частности, введена отложенная экспертиза изобретений.

2. «Закон Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» № 3520-1 от 23.09.1992». В соответствии с этим Законом товарный знак обозначает, с помощью которого товары, производимые физическим или юридическим лицом, и оказываемые им услуги могут быть отличимы от товаров или услуг того же рода, производимых или предлагаемых другим физическим или юридическим лицом. Товарный знак может быть зарегистрирован на юридическое лицо или частного владельца. Зарегистрированный товарный

знак подтверждается свидетельством. Право на товарный знак охраняется государством и удостоверяется выдачей свидетельства. Свидетельство на товарный знак действует в течение 10 лет и может быть продлено каждые 10 лет.

3. Правовая охрана фирменных наименований. «Гражданский кодекс Российской Федерации» часть I № 51-ФЗ от 30.11.1994, часть 2 № 15-ФЗ от 26.11.1996. В основном правовое регулирование фирменных наименований осуществляется положениями Гражданского кодекса РФ, федеральные законы также содержат отдельные положения, касающиеся этого вопроса. Однако указанные законы не являются специальными законами, посвященными практике правовой охраны фирменных наименований.

4. Закон РФ «О правовой охране программ для ЭВМ и защите информации» № 3523-1 от 23.09.1992. Закон регулирует отношения, связанные с разработкой, правовой охраной и использованием программ для ЭВМ и баз данных.

5. Закон РФ «О правовой охране топографий интегральных микросхем» № 3526-1 от 23.09.1992. Закон регулирует отношения, связанные с разработкой, правовой охраной, использованием топографий.

6. Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» № 5351-1 от 09.07.1993. Закон регулирует отношения, связанные с разработкой, правовой охраной и использованием научных трудов, произведений литературы и искусства (авторское право), фонограмм исполнений, программ (смежные права). Для получения авторского права в России не требуется официальной регистрации. Авторское право возникает после создания произведения, действует и охраняется в течение жизни автора и 50 лет после его смерти.

7. Закон РФ «О правовой охране достижений в области селекции» № 5605-1 от 06.08.1993. Закон регулирует отношения, связанные с разработкой, правовой охраной и использованием селекционных достижений. Под селекционным достижением понимаются новые сорта растений и породы животных. Право на достижение охраняется государством и удостоверяется выдачей патента. Срок действия патента составляет 30 лет [2].

Заключение. Совершенствование системы защиты интеллектуальной собственности пойдет на пользу стране. Это связано с достижениями в области научных исследований и увеличением расходов на НИОКР (комплекс работ, включающий изготовление исследовательских прототипов и мелкосерийных образцов продукции до начала производства нового продукта или системы в отрасли).

Список литературы

1. Nematova S. (2022). Use of Intellectual Property Objects in the Process of Forming the Innovation Environment of the Cluster. *Miasto Przyszłości*, Vol. 28, p. 448-452.
2. Karpova N. Legal protection and commercialization of intellectual property in Russia. URL: <https://unece.org/fileadmin/DAM/ie/enterp/documents/panel2.pdf>

Теория и история государства и права

УДК 340

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВЕ

Герасименко Ю. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
yu.gerasimenko@donnu.ru

Введение. Новые подходы к правопониманию вынуждают рассматривать под иным углом традиционные представления о законе как едином источнике справедливости. Среди актуальных вопросов юридической науки особое место занимает проблема реализации принципа справедливости в процессе применения правовых норм.

Само понятие «справедливость», как правовая категория восходит к временам античности и до сегодняшнего времени рассматривается как обязательный признак права, наиболее ярко выражающий смысл и значение права.

Цель работы – раскрыть особенности реализации принципа справедливости права.

Основная часть. На протяжении всей истории человечества к вопросу понимания справедливости обращались практически все философские течения, и на него всегда отвечали по-разному. Философы древней Греции рассматривали справедливость как данное природой или Богом состояние, которое нельзя измерить с помощью позитивного права. Римская юридическая мысль легко вписала категорию справедливости в язык римской юриспруденции, воспринимая ее как подлинно правовое понятие.

В современной юридической литературе, в большинстве случаев, справедливость рассматривается в качестве меры, масштаба, критерия для соотношения, соразмерности деяний и последствий.

По мнению Н. Яковенко, само понятие «справедливость» рассматривается как показатель эффективности права, в частности правильности его применения и возможностей имплементации в разные правовые концепции публичных систем. Иными словами, справедливость является мерилем права. Право без учета принципа справедливости, становится инструментом для реализации лоббистских интересов определенных социальных групп. Иногда они опасны как для отдельных общественных групп, так и для человечества в целом. [1].

Справедливость проявляет себя как нравственная категория. Нравственный подход к справедливости является одним из аспектов ее выражения. Но важно отметить, что понимание справедливости только как нравственной категории приводит к ошибкам, поскольку справедливость весьма динамична и носит в некотором смысле субъективный характер. Как критерий оценки права и государства справедливость должна иметь четкое закрепление, т.е. быть формализована, что весьма затруднительно реализовать на практике.

Поэтому следует понимать, что справедливость включает в себя элементы несправедливости. В связи с этим известный правовед А. И. Покровский определял справедливость как величайшую проблему, фикцию, которой будут прикрываться субъективные политические или моральные симпатии судей [2, с. 103].

По мнению О.И. Цыбулевской, «Правовая справедливость связана с естественно-правовым и либертарно-юридическим подходом к идее справедливости, имеющей метафизическую природу и существующей до и вне ее реализации в юридической практике. Юридическая справедливость ассоциируется с юридической деятельностью: правосудием, правоприменением, поиском истины в процессуальной деятельности, правовыми средствами, с помощью которых справедливость получает реальное выражение в субъективных правах, обязанностях, мерах юридической ответственности» [3].

Заключение. Таким образом, право призвано справедливо согласовывать общественные интересы людей. Справедливые правовые нормы и их эффективная реализация обуславливают положительное отношение всех членов общества к такому праву, формирует у человека интерес к его соблюдению через осознание необходимости и правильности закона.

Список литературы

1. Яковенко М. Справедливість як елемент права // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». Серія: Юридичні науки. – 2019. – №22. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivist-yak-element-prava> (дата обращения: 14.09.2023).
2. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – Изд. 3-е, стереотип. – М.: "Статут", 2001. – 353 с.
3. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Справедливость в праве: аксиологический подход // Вестник ПАГС. – 2017. – №5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-v-prave-aksiologicheskii-podhod> (дата обращения: 14.09.2023).

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ

Закурдаева К. А., Лихтарович А. Н.

УО «Белорусская государственная Орден Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия», г. Горки, Республика Беларусь
mashsho32@gmail.com, fbip@baa.by

Введение. Соотношение таких понятий как «субъективное право» и «законный интерес» на сегодняшний день является актуальной проблемой юридической науки. Данные явления выступают «базовым компонентом» стабильного, прогрессивного развития общественного порядка, включая защиту людей, составляют основу законодательства, а также нередко употребляются в политической сфере.

Основная часть. Следует различать право в объективном и субъективном смысле. А. А. Шафалович дает такое определение этим понятиям: права человека в объективном смысле – система международных и национальных норм, устанавливающих правовой статус личности, закрепляющих ее положение, правила взаимодействия с другими людьми, отношения между государством и человеком; права человека в субъективном смысле – это принадлежащие конкретному человеку возможность, правомочие предусмотренного правовой нормой и защищаемого государством поведения [6, с. 170].

В. В. Болгова отмечает, что категория «защита субъективного права» используется в действующем законодательстве в двух формах: материальном и процедурно-процессуальном. Таким образом, В. В. Болгова акцентирует внимание на наличии двух аспектов данного понятия. «Защита субъективного права в материальном смысле – это фактическое восстановление нарушенного права и законного интереса или предотвращение угрозы нарушения... Защита субъективных прав в процессуальном смысле – законная деятельность уполномоченных субъектов (при добровольном удовлетворении – обязанных лиц), в том числе и государственных органов по использованию методов защиты, используемых в случае, когда есть препятствия в осуществлении субъективного права (нарушаются субъективные права или законные интересы правообладателя либо поставлены под угрозу их нарушения), реализуемая в некоторых формах» [7, с. 48].

По мнению Н. И. Матузова, «...высокоразвитые страны и народы, мировое сообщество рассматривают права человека и их защиту в качестве универсального идеала, основы прогрессивного развития и процветания, фактора устойчивости и стабильности. Весь современный мир движется по

этому магистральному пути. Права человека внетерриториальны и вненациональны, их признание, соблюдение и защита не являются только внутренним делом того или иного государства. Они давно стали объектом международного регулирования. Права личности не есть принадлежность отдельных классов, наций, религий, идеологий, а представляют собой общеисторическое и общекультурное завоевание. Это нравственный фундамент любого общества» [5, с. 94].

А. В. Малько под законным интересом понимает охраняемое законом целевое влечение, под которым следует понимать стремление субъекта пользоваться определенным социальным благом и в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения не противоречащих нормам права потребностей, которое в определенной степени гарантируется государством в виде юридической дозволенности, отраженной в объективном праве либо вытекающей из его общего смысла» [1, с. 36].

Имеющая непосредственное действие Конституция Республики Беларусь защищает не только права, но и законные интересы граждан. Так, статья 22 Конституции определяет, что «все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов». Даже не используя в определенной ситуации конкретного словосочетания «законный интерес» Основной закон как бы сам его подразумевает, например, в статье 25 государство гарантирует обеспечение свободы, неприкосновенности и достоинства личности, равно, выступает защитником интересов. В части 3 этой же статьи прописано: «Никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также без его согласия подвергаться медицинским или иным опытам».

Защита направлена на устранение препятствий, которые стоят на пути осуществления интереса. В данном контексте возникает вопрос, является ли защитой субъективного права, свободы или законного интереса действия, направленные на устранение этих препятствий, но до конца нивелировать их не способные? На этот вопрос следует ответить убедительно, так как борьба с конкретными препятствиями – это уже есть защита. Степень «нейтрализации» негативных факторов – это вопрос эффективности защиты, не подвергающий сомнению анализируемый режим существования обеспечительных механизмов в качестве таковой. Возможность защитить личные права, свободы и законные интересы имеют различные органы. Тем не менее, практика решения вопросов, связанных с нарушением свобод или законных интересов, достаточно мала. Правоприменительные органы реагируют только на возмутительные факты невыполнения субъектами своих обязанностей, что приводит к нарушению субъективных прав. В других случаях «искать защиты» достаточно сложно [7, с. 50].

Законные интересы могут защищаться с использованием судебной формы, в частности в особом производстве в гражданском процессе. Одним из таких примеров является интерес членов семьи гражданина в признании его недееспособным вследствие душевной болезни или слабоумия. Данный интерес является законным интересом, поскольку возможность его защиты в порядке особого производства при помощи судебных средств защиты предусмотрена Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь (ст. 376) и исходит от определенного указанного в законе круга субъектов. Причем данный законный интерес следует отнести к наиболее важным законным интересам именно потому, что он, в качестве исключения из общего правила защиты в судебной форме только спорных субъективных прав, подлежит защите в судебном порядке [2, с. 97].

Важным элементом в системе защиты законных интересов выступает нотариат. Полномочия нотариусов в сфере обеспечения прав и законных интересов граждан и юридических лиц постоянно расширяются [3, с. 154].

Наряду с понятием «законный интерес» в законодательстве Республики Беларусь используются аналогичные по содержанию понятия «охраняемый законом интерес», «защищаемый законом интерес», «охраняемый законодательством интерес» [4, с. 270].

Заключение. Исходя из вышесказанного мы можем дать свое определение понятиям «субъективное право» и «законный интерес». Под субъективным правом следует понимать возможность одного конкретного субъекта действовать определенным правомерным образом. Законный же интерес представляет собой стремление субъекта или группы лиц, не зависимо от пола, национальной принадлежности или возраста удовлетворить свои потребности, которые не нарушают ни территориально, ни политической или экономической целостности государства.

Если же говорить о структуре субъективного права, то она по отношению к структуре законного интереса представляется наиболее четкой и сложной, так как состоит из большего числа элементов.

Список литературы

1. Малько, А. В. Законный интерес и юридическая обязанность / А. В. Малько // Государство и право. – 2007. – № 2. – С. 30–36.
2. Матюк, В. В. Законный интерес как правовая категория / В. В. Матюк // Вестник факультета бизнеса и права. – 2019. – № 1. – С. 91–99.
3. Попалова, А. В. Нотариат и исполнительная надпись нотариуса в системе несудебной защиты прав и законных интересов субъектов права / А. В. Попалова, В. В. Матюк // Вестник факультета бизнеса и права. – 2019. – № 1. – С. 148–155.
4. Рыжик, А. В. Законные интересы в праве собственности (теоретико-правовое исследование на примере Республики Беларусь и Российской Федерации): монография / А. В. Рыжик, В. В. Матюк ; Министерство сельского хозяйства и

- продовольствия Республики Беларусь, Главное управление образования, науки и кадров, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия. – Горки: Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, 2015. – 338 с.
5. Теория государства и права: Учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько – М.: Юристъ, 2004. – 245 с.
 6. Шафалович, А. А. Общая теория права: учеб. пособие / А. А. Шафалович. – Минск: Амалфея, 2019. – 528 с.
 7. Шериев, А. М. Субъективные, свободы и законные интересы как формы защиты правомерных интересов / А. М. Шериев // Юридический вестник ДГУ. – 2014. – № 3. – С. 47–52.

УДК 340.1

О ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Коробейникова К. В., канд. экон. наук
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
k.korobeinikova@donnu.ru

Введение. Движимое новым витком технологической революции, человечество ускоряется к цифровому обществу.

Ускорение темпов построения цифрового общества является неизбежным требованием содействия современному развитию, необходимой частью реализации новых концепций развития. В настоящее время актуальным является исследование теоретико-правовых основ развития цифрового общества

Основная часть. В соответствии с Указом Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» цифровая трансформация в России является одной из основополагающих целей национального развития [1].

В РФ предусмотрены меры по ускорению строительства цифрового общества, предлагается ускорить темпы построения цифрового общества и адаптироваться к новым тенденциям комплексного развития, интеграция цифровых технологий в социальное взаимодействие и повседневную жизнь, а также продвижение государственных услуг и социальных операций [2, с.126].

В последние годы строительство цифрового общества в России ускорилось, а уровень проникновения Интернета и масштаб пользователей значительно возросли. Мобильные платежи, онлайн-регистрация, вызов такси через приложение, онлайн-обучение, онлайн-заказ еды и совместная работа постепенно стали нормой в жизни и работе людей. В этом контексте большое значение имеет ускорение темпов построения цифрового общества.

Быстрое развитие цифровых технологий нового поколения, таких как большие данные, облачные вычисления, мобильный Интернет, Интернет вещей и искусственный интеллект, стало мощной движущей силой модернизации. Достижения новой научно-технической революции постоянно интегрируются в производство и жизнь, меняя традиционное производство и образ жизни, изменяя поведение людей, социальное взаимодействие, организацию и социальную деятельность, глубоко влияя на идеи и образ мышления людей, постоянно создавая новые промышленные формы, бизнес-модели и формы занятости, способствующие непрерывному и углубленному развитию модернизации моей страны. Ускорение темпов построения цифрового общества является важной стратегической мерой для соответствия этой тенденции.

Вопрос реализации новой концепции развития имеет особое значение. Поскольку большие данные продолжают генерироваться, храниться, распространяться и совместно использоваться в киберпространстве, различные элементы ресурсов интегрируются в конкретные платформы и поля, что значительно повышает эффективность распределения ресурсов. Данные стали совершенно новым производственным фактором. Они не только экологичны и безопасны для окружающей среды, но также обладают огромными инновационными функциями. Они помогают укреплять онлайн- и оффлайн-коммуникацию, способствуют эффективной связи людей и вещей в разных регионах, пространствах и границах, реализует взаимосвязь элементов, которые способствуют эффективности деятельности. Конфигурация элементов становится более гибкой и разнообразной, а использование ресурсов более экономичным и эффективным. В то же время индивиды могут участвовать в онлайн-деятельности в любое время и в любом месте, чтобы достичь постоянного совместного присутствия.

С трансформацией основных противоречий в обществе и трансформацией структуры потребления население надеется на более гибкую и адекватную занятость, и более экологически приемлемую среду.

Построение цифрового общества обеспечивает техническую поддержку реализации потребностей людей в социальном обмене. Большинство индивидов могут использовать цифровые технологии для приобретения предметов первой необходимости и получения услуг на дому, не выходя из дома. В частности, запись на прием, онлайн-диагностика и лечение обеспечивают пациентам бесконтактный подход к ежедневному медицинскому лечению и т.д. Широкое применение цифровых технологий показывает широкие перспективы развития цифровой жизни.

В последние годы в различных регионах России было осуществлено уникальное строительство «Интернет +», ускорено строительство цифрового правительства и цифрового общества, а также постоянно

продвигаются интеллектуальное медицинское обслуживание, цифровой транспорт, цифровое образование, культура и спорт, цифровая безопасность и т. д.

Предусматриваются комплексные стратегические меры по ускорению строительства цифрового общества на основе ориентации на социальные нужды, на инклюзивное применение цифровых услуг в образовании, здравоохранении, уходе за пожилыми людьми, детьми, трудоустройстве, культуре и спорте, помощи инвалидам, на глубокую интеграцию онлайн- и офлайн-государственных услуг, активное развитие онлайн-классов, интернет-больниц, цифровых библиотек и т. д., а также формирование процедур рассмотрения судебных дел в цифровом формате. Например, чтобы подать заявление в трудовой арбитраж, нужно всего лишь ввести основную информацию. В соответствии с апелляцией по делу могут автоматически генерироваться запросы, рассчитываться суммы и формироваться формы заявок на защиту прав, что упрощает подачу заявлений.

Технологический прогресс может обеспечить надежную поддержку институциональным изменениям. Благодаря информатизации повышается открытость органов государственной власти. Радио- и телевизионная сеть преобразуются в комплексную прикладную платформу больших данных, включающую радио- и телевизионные данные, государственные услуги, услуги повседневного спроса, культурные услуги, услуги электронной коммерции, услуги с добавленной стоимостью и другие услуги посредством применения радио и телевидения.

В связи с этим важно способствовать оцифровке различных сценариев, основанных на гармоничном совместном управлении, а также созданию цифровых сообществ, опираться на цифровые платформы сообществ и оффлайн-агентства общественных работ, создавать круг интеллектуальных услуг, удобных и выгодных для индивидов, а также предоставлять онлайн и офлайн интегрированные услуги общественной жизни, и управление сообществом.

Стремительное развитие цифровых технологий побудило людей к новому социальному образу жизни, а также глубоко изменило представления и ценностные ориентации людей.

Заключение. В последние годы, с реформированием и развитием человеческих ресурсов и социальной деятельности, с упором на удобство и пользу людей, всесторонняя стимулирующая роль информатизации и цифровизации в развитии человеческой и социальной деятельности стала более значимой. Информатизация привела к значительному прогрессу и значительным результатам, а также эффективно продвинула цифровую модель управления.

Поскольку цифровые технологии меняют общественное производство, операционные процессы и модели принятия решений в процессе построения

цифрового общества, важно придерживаться концепции, ориентированной на людей, на защиту их прав и интересов, на модель обработки информации, обеспечивающую прозрачность, эффективность и законность.

Цифровые платформы для оказания государственных услуг способствуют повышению индекса доверия населения к деятельности государственных органов, повышению эффективности государственного управления, формированию экосистемы обеспечивающих полный цикл оказания государственных услуг, а также обеспечению оптимизации распределения ресурсов.

Список литературы

1. Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21.07.2020 г. № 474 / Российская газета от 22 июля 2020 г. N 159
2. Кабытов, П. П. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти [Текст] / П. П. Кабытов, О. Е. Стародубова // Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 113–126

УДК 342.51

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА С ОТРАСЛЯМИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Косач Н. Е., канд. юрид. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

kosach@donnu.ru

Введение. Вопросы соотношения права Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) с отраслями национального права актуализируются при урегулировании споров в Суде ЕАЭС. При разрешении споров Суд ЕАЭС может официально разъяснить смысл и юридическое содержание норм права ЕАЭС. В научной литературе Суд ЕАЭС рассматривают в качестве ведущего органа процессов интеграции в Евразийском экономическом союзе [1, с. 146; 3, с. 89]. Суд ЕАЭС и Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия) являются постоянно действующими органами.

Целью исследования является выявление особенностей рассмотрения дел о соответствии актов Евразийской экономической комиссии праву Евразийского экономического союза.

Основная часть. На данном этапе направленность Евразийской интеграции исключительно экономическая. Поэтому, право собственности

и право на справедливый и эффективный суд наибольшим образом связаны с реализацией экономических целей. Право на справедливый и эффективный суд получает свое развитие через принцип равенства перед судом [2, С.106].

На уровне ЕАЭС необходимость защиты права на суд и соблюдения принципа равенства перед судом продиктована, как универсальным международным правом, так и конституционным правом государств-членов.

Конституции всех государств-членов ЕАЭС гарантируют право на справедливый суд и равенство перед судом. Преамбула Договора о ЕАЭС закрепляет необходимость соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Статья 22 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 10110 (далее – Регламент Суда) закрепляет принцип равенства сторон.

Решения Комиссии имеют нормативно-правовой характер и обязательны для государств-членов. Они подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов. Государства-члены обязаны исполнять решения Комиссии, а при несогласии с ними – вправе обжаловать данные решения в Суде ЕАЭС.

Реализация права на суд и принципа равенства перед Судом ЕАЭС связана с решением вопроса о распределении бремени доказывания соответствия Договору о ЕАЭС решений, действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии.

Правило относительно обязанности каждой из сторон доказывать факты, на которые она ссылается, присутствует во всех правовых системах. При обжаловании в суд решения, действия или бездействия органа публичной власти, обязанность доказывать законность и обоснованность обжалуемого акта, действия или бездействия органа публичной власти возлагается на соответствующий орган публичной власти. Для этого есть как объективные, так и субъективные причины. Обычно заявитель не располагает не только доказательствами, но даже сведениями об обстоятельствах и причинах принятия обжалуемого решения, совершения действия или допущения бездействия. Помимо этого всегда присутствует фактическое неравенство участников соответствующих отношений.

Процессуальное законодательство всех государств – членов ЕАЭС содержит принцип, позволяющий так распределять бремя доказывания. В Регламенте Суда ЕАЭС такого принципа нет. Но он был предложен при подготовке проекта этого документа. Для формирования практики Суда ЕАЭС, как отмечалось в литературе, такой принцип имеет большое значение. Это связано с тем, что рассмотрение дел о соответствии

решений, действий, бездействия Комиссии как наднационального органа публичной власти составляет существенную часть компетенции Суда ЕАЭС. Статья 23 Регламента Суда гласит только то, что истец обязан обосновать свои требования, а ответчик вправе представить возражения на заявленные требования [3, с.130].

Отмечается, что Суд ЕАЭС, оценивая полномочия Комиссии, проверяет соблюдение существенных процедурных требований. Порядок принятия оспариваемых актов, в основном, урегулирован внутренними документами Комиссии. В связи с этим у истца объективно отсутствует возможность доказать нарушение процедуры [4, с. 17; 5, с. 120].

Заключение. Применительно к рассмотрению Судом ЕАЭС дел о соответствии решений, действия, бездействия Комиссии праву ЕАЭС, необходимо закрепить, что обязанность доказывания правомерности такого решения, действия, бездействия возлагается на Комиссию. Это может быть сделано путем внесения соответствующих изменений в Регламент Суда или закреплено в практике Суда ЕАЭС. Предлагается такой подход при установлении правила о распределении бремени доказывания в Суде ЕАЭС. В процессуальном праве ЕАЭС может быть пробел, а законодательство государств-членов может содержать соответствующие нормы. В таком случае Суд ЕАЭС сможет использовать единое для государств-членов правило. Таким образом, Суд ЕАЭС формирует позицию, которая должна стать практикой, а далее оформиться в процессуальную норму.

Список литературы

1. Волова Л. И. Перспективы деятельности Суда Евразийского экономического союза в контексте развития евразийской интеграции / Л. И. Волова // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 2 (105). – С. 146–147.
2. Сарпекон Р. К. Некоторые вопросы взаимодействия права ЕАЭС и национального права в контексте деятельности Суда ЕАЭС. / Международное правосудие и укрепление интеграционных процессов: Междунар. конф. (18–19 окт. 2018 г., г. Минск): сб. материалов / отв. ред. А. С. Бугаева, К. В. Энтин. – Минск: Четыре четверти, 2019. – С. 103-111.
3. Чайка К. Л. Усиление эффективности права Евразийского экономического союза через совершенствование правовых основ деятельности Суда Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссии. / Международное правосудие и укрепление интеграционных процессов: Междунар. конф. (18–19 окт. 2018 г., г. Минск) : сб. материалов / отв. ред. А. С. Бугаева, К. В. Энтин. – Минск: Четыре четверти, 2019. – С. 128-138.
4. Чайка К. Л. Проблемные вопросы в практике Суда Евразийского экономического союза / К. Л. Чайка, А. Н. Савенков // Государство и право. – 2018. С. 5–23.
5. Нешатаева Т. Н. Единообразное правоприменение – цель Суда Евразийского экономического союза / Т. Н. Нешатаева // Международное правосудие. – 2015. – № 2. – С. 115-125.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ В КОЛОНИЯХ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Кузьмин Р. Ю.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, РФ
kuzmin.lp151@gmail.com

В современной геополитике сохраняется нэоколониальная риторика, что обусловливается наличием тенденции глобального разделения государств по социо-экономическим и расовым признакам, а также исходя из исторической принадлежности их национального права к континентальной или англо-американской правовой культуре. Укоренившаяся среди Западных стран концепция разделения планеты по уровню промышленного развития на Север и Юг основана на эмпирических отличиях и культурном противостоянии развивающихся стран, как правило бывших колоний, и развитых стран, в прошлом имперских метрополий. Вместе с тем, высокий уровень развитости горной промышленности к примеру в Австралии, Канаде, Южной-Африке, Индии и других странах, исторически связанных с британской империей, предопределён зрелостью и стабильностью их системы правовых отношений в области недропользования, а также статусом их колониального положения, уровнем административной подчиненности и формой колониального управления со стороны метрополии в прошлом.

Вместе с тем, мотивирующей целью колониальной экспансии для британской империи изначально являлась абсолютная политическая власть метрополии над колониями, и, как выявляется, последующее систематическое извлечение сырьевого дохода от эксплуатации природных ресурсов на новых зависимых территориях. В связи с этим тема права собственности на природные ресурсы представляется весьма актуальной в том числе для государств-членов Британского содружества наций, поскольку государственный доход от их эксплуатации в большинстве этих стран является опорой суверенитета и залогом их будущего процветания. В то же время природоресурсная отрасль является таким производственным сектором экономики, где правовая основа, которая исторически была интегрирована в британскую имперскую правовую иерархию, до сих пор несмотря на деколонизацию содержит в себе принципы и правовые доктрины унаследованного ими общего права и права справедливости Англии, основы которых уходят корнями в английский феодальный правопорядок.

Сегодня некоторые бывшие британские колонии сохраняют в силе правовые нормы в сфере недропользования традиционно находящиеся на

межотраслевом стыке природоресурсного права и гражданского, земельного, трудового, финансового, административного, энергетического и экологического права, которые были выработаны в решениях судов Англии с опорой на доктринальные прецеденты, или нормы вытекающие из статутов английского парламента, а также колониального законодательства и ордонансов колониальных властей, которые, в сущности, первоначально издавались для закрепления властных правомочий метрополии и обеспечения прерогатив Короны, а также создавали множественные имущественные привилегии для английского капитала, и в целом устанавливали систему господствующего положения белых британцев над коренным населением и цветными эмигрантами

Новый взгляд на колониальное право британской империи позволяет увидеть через призму природоресурсной отрасли права, как, в условиях военно-политического и технологического господства лондонской метрополии сложилась, по сути, расистская политико-правовая доктрина, которая в отношении природных ресурсов в колониях и доминионах руководствовалась симбиозом таких философско-правовых принципов, как:

а) принцип «трудовой собственности», разработанный английским либеральным философом эпохи просвещения Джоном Локком (1632-1704) для практической легитимизации имущественных прав колонистов на земельные участки при освоении новых месторождений полезных ископаемых;

б) принцип ничейной земли (*Terra nullius*), который обосновывал, невзирая на присутствие коренного населения, первичные притязания правосубъектных колонистов на право собственности в отношении минеральных ресурсов при оккупации новых фронтальных земель;

в) принципом, что все земли в колониях должны использоваться в наиболее полезных для них целях;

г) принципом, что никто не может обладать правами в отношении полезных ископаемых без обязанности по их разработки, а также постоянного задействования трудовых ресурсов и осуществления капитальных затрат в той мере, в какой это будет обоснованно и необходимо;

д) принцип горной свободы, который наилучшим образом определен дореволюционным ученым-правоведом Удинцевым В.А. в работе «Пределы горной свободы» – «Горной свободой называется право всякого горнопромышленника производить на своих и на чужих землях поиски, разведки и на правах первого открывателя-разработку ископаемых, с отводом необходимой для того поверхности земли.»;

е) основополагающий принцип имущественных прав в отношении недр земли «*Cuius est solum, eius est usque ad coelum et ad inferos*» (лат. – Тот, кому принадлежит земля, ему принадлежит и все, что находится

ввысь до небес и вниз до ада), который имеет свои истоки в римском праве, развит средневековыми глоссаторами и доработан в качестве доктрины общего права английскими правоведами Э. Коуком (1552–1634) и У. Блэкстоуном (1723-1780);

ж) принцип королевских рудников (*Mines Royal*), который закрепляет исключительные права собственности Короны на такие ресурсы, как золото, серебро, нефть и газ.

Действующее право в бывших британских колониях содержит противоречивое имперское наследие в виде сформированной системы государственного устройства и механизмов правового регулирования недропользования в качестве подотрасли природоресурсного права при сочетании частноправовых и публично правовых начал, которые отразились на постколониальном устройстве ресурсодобывающего сектора экономики.

Экстракционный колониализм, реализованный в интересах Британской империи, в целях военной безопасности и стабильности ее экономики, сформулировал ряд принципов государственного управления в колониях, обеспечивших бурное развитие в них таких стратегических отраслей, как металлургия и угольная промышленность. Вместе с тем, на сегодняшний день, Великобритания по-прежнему занимает видное место в мире в качестве международного центра координации горнодобывающих операций, отчасти благодаря своим рынкам и сосредоточению в Лондоне финансово-промышленно капитала, который является владельцем и источником финансирования для многих горнодобывающих проектов по всему миру, в том числе в 56-ти государствах, входящих в Британское содружество наций.

Список литературы

1. Локк, Дж. Два трактата о правлении. – М.: Социум, 2020. – С. 16.
2. Удинцев, Всеволод Аристархович. Пределы горной свободы [Текст] / Проф. В. А. Удинцев. – Баку : [б. и.], 1927. – Обл., [27] с.; 26 см.
3. Bradbrook A. The relevance of the *cujus est solum* doctrine to the surface landowner's claims to natural resources located above and beneath the land // *Adelaide Law Review*. – 1988. – № 11(4). – P. 462-483
4. Coke E. *Institutes of the Lawes of England. First Part: A Commentary upon Littleton, not the Name of the Author Only, but of the Law It Selfe*. – London: William Rawlins, Samuel Roycroft, and H. Sawbridge, 1684
5. The Oxford Edition of Blackstone's: Commentaries on the Laws of England : Book II: of the Rights of Things. – Oxford University Press, 2016. – P. 7.
6. *Regina v Earl of Northumberland (1568)* // 1 Plowden 310 75 ER 472. *Pettus, Fodinae Regales*
7. Alford C.J. *Mining Law of the British Empire*. – Franklin Classics, 2018. – P. 12.

ЕВРОПОЦЕНТРИЗМ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Л.Н. ГУМИЛЁВА

Лещенко И. И., канд. ист. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ira_leshenko@mail.ru

Введение. Идеи европоцентризма фокусируются на доминировании западной цивилизации и периферийности остальных народов. Нынешние европейские правители, забыв исторический опыт, вновь называют Запад садом, а остальной мир – джунглями. Их смыслы не меняются.

Актуализируя европоцентричную концепцию, современные исследователи А. А. Горелов и Г. А. Горелова обратили внимание на угрозы, в том числе и глобального характера, которые несёт Западный мир попытками «одной культуры навязать свои ценности другим», что неизбежно приводит к «губительным изменениям» [1, с. 30]. Своими якобы «общечеловеческими» ценностями, а в реальности это лишь его ценности, Запад пытается расшатать и уничтожить ценности других цивилизаций, которые обеспечивают их существование. Высказанная ими мысль о том, что «свою гибель Запад пытается отдалить путём завладения ресурсами всей планеты и эксплуатации всех народов», точна и актуальна и сегодня в контексте событий на Украине и роли и участия в них Западных стран [1, с. 39-40].

Основная часть. Акцентируя на деструктивности идей европоцентризма, Л. Гумилёв указывал, что человечество мозаично и существует в своём разнообразии. Идея полицентричности мира стала ключевым концептуальным смыслом его евразийских взглядов. В его интерпретации евразийский полицентризм предполагает множественность центров мира, число которых можно считать по сходству ландшафтов. Например, центрами мира могут быть Европа и Палестина, Иберия и Китай, и другие страны.

По мнению С. С. Белякова, он более всего в евразийстве воспринимал критику европоцентризма, т.е. взгляда на человечество как на «единое целое с единственным центром в Европе» [2, с. 27, 28]. В книге «Древняя Русь и Великая степь» он посвятил главу «Неполноценных этносов нет!», в которой критически отметил «идеологию периферийного варварства» и «неполноценности» степных народов, созданную европейцами. Л. Гумилёв указывал, что пора «опровергнуть предвзятость европоцентризма, согласно которой весь мир – это только варварская периферия Европы» [3, с. 246]. И далее он констатировал, что монголы, тюрки, хунны, сарматы и скифы ничем не хуже эллинов, римлян, арабов, французов, немцев, англичан. Объяснял он это тем, что «закономерности

этногенезов глобальны. А то, что каждый этнос имеет право на свою культуру, свой строй мыслей и свои идеалы, увы, приходится доказывать» [3, с. 292]. Кочевники Великой степи не стали исключением. Основной причиной трактовки «отсталости» и «дикости» некоторых народов Л. Гумилёв назвал использование синхронистической шкалы времени, согласно которой уравнивался возраст этносов, «как будто они сверстники» [3, с. 246]. Для правильного оценивания их уровня развития, он предложил использовать принцип диахронии – счёта по возрасту этносов. На богатейшем историческом материале он доказал это в указанной выше работе.

Человечество, по Л. Гумилёву, представляет собой «сочетание системных этноландшафтных целостностей» (этносферу). Под целостностями он понимал этносы и объединения родственных этносов, которые выступали в качестве аналога культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, а также «культур» О. Шпенглера [4, с. 370].

Такие взгляды не только не противоречат евразийству, но и выступают в качестве их опосредованной приверженности. Характерно, что его взгляды на всемирную историю во многом отличительны от евразийского и более уподобляются взглядам Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера. По мнению Л. Гумилёва, стремление объединять в понятие «Восток» Индию, Индонезию, Китай, Тибет и евразийские степи не целесообразно, так как эти целостности отличаются друг от друга не меньше, чем от Запада. Для XII в. только в странах Старого Света он выделил восемь суперэтнических целостностей. Данные различия привели к различиям в трактовке понятий «Евразия», «евразийский мир», «евразийская культура».

Евразийцы в русской культуре сочетали восточные и западные элементы, сводя их к некоторому единству. В соответствии с пассионарной теорией этногенеза Л. Гумилёва, межэтнический и межкультурный контакт на суперэтническом уровне чреват негативными последствиями, которые проявлялись в появлении жизнеотрицающих учений, систем и массовых кровопролитий. Даже, если первоначально результат смешения народов и культур был позитивен, то впоследствии это неизбежно приводило к кровопролитию и гибели гибридной культуры, которая, по его мнению, могла быть либо химерой, либо симбиозом. Для него это было главной мыслью.

Исходя из исторического опыта, можно заключить, что именно самобытность каждого народа позволяла объединённой Евразии сдерживать давление со стороны Западной Европы, Китая и мусульман и сохранять свою самоидентификацию. Россия-Евразия в его интерпретации – это не соединение Запада и Востока, а всего лишь особый суперэтнос, то есть один из многих. Для него Евразия – это такой же этноландшафтный регион, как и Западная Европа, Китай или Индостан.

Отказ от своих традиционных и самобытных ценностей и заимствование чужих европейских на практике привёл нашу страну к неизбежному развалу государственности, падению экономики, культуры и духовности. По мнению Л. Гумилёва, механический перенос западноевропейских ценностей на российскую почву не был удачным. И причиной он считал разность во временном развитии, так как российский суперэтнос возник на 500 лет позже западноевропейцев. Следовательно, российский уровень пассионарности предполагал совсем другие императивы поведения.

Резюмируя свою позицию к европоцентризму, Л. Гумилёв определял это как явление бедственное и гибельное. В силу разных причин невозможно существование общечеловеческой и единой для всех народов культуры. Именно своеобразие и мозаичность культуры разных этносов придаёт пластичность, устойчивость и жизнеспособность всему человечеству. Возможность общечеловеческой культуры допускалась им при условии предельного упрощения, то есть за счёт уничтожения национальных культур. Предел упрощения неминуемо заключался в её гибели.

Попытки войти «в круг цивилизованных народов», фактически в чужой суперэтнос будут иметь негативные последствия. А ценой интеграции России с Западной Европой... «будет полный отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция» [5].

Заключение. Таким образом, картина мира в интерпретации Л. Гумилёва не биполярна, не триполярна, а полицентрична, т.е. с многополярным вектором развития. Анализируя историю человечества, самым ценным для него было то, что человечество рассматривалось как «мозаичная целостность», а не как единственный европейский цент, объединяющий всех в одно целое. Сегодня актуализируется именно такая идея многовекторного развития.

Список литературы

1. Горелов А.А., Горелова Г.А. «Закат Европы» О. Шпенглера и возможность заката мира / А.А. Горелов, Г.А. Горелова // Философия и современность. Знание, Понимание. Умение. – Московский гуманитарный университет. – 2016. – № 1. – С. 29-42. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www209-439-1-РВ.pdf> (дата обращения: 09.09.2023). – Загл. с экрана.
2. Гумилёв, Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / предисл. С. Б. Лаврова. – М.: Прогресс: Фирма «Пангея», 1993. – 576 с.
3. Гумилёв, Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л.Н. Гумилёв. Антология мысли. – М.: Эксмо, 2006. – 508 с.
4. Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв / под ред. В. С. Жекулина. – 3-е изд. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 526 с.
5. Гумилёв, Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории / послесл. С. Б. Лаврова. – М.: АЙРИС-пресс, 2016. – 318 с.

ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ РОССИИ

Лещенко И. И., канд. ист. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ira_leshenko@mail.ru

Введение. Обращение к истокам государственно-правовой традиции и осмысление религиозной основы власти России являются актуальными и позволяют не только оценить современную кризисную ситуацию, но и спрогнозировать её перспективное развитие. Сегодня совершенно очевидно, что в современном Российском государстве идёт активный поиск своей государственной идеологии, которая бы реально объединила общество и власть. Её отсутствие представляет огромную опасность, как для власти, так и для страны. Возникает вопрос, обратиться к поиску новой идеологии или возвратиться к традиционным ценностным смыслам? Или возможно сочетание новых и адаптация старых идеологических приоритетов? В последнее время всё чётче проявляется тенденция именно такого сочетания. В связи с этим возникает необходимость рассмотреть приоритетные государственно-правовые идеи, которыми руководствовались российские правители в разные исторические периоды.

Основная часть. Прежде всего, важно начать с отказа от, заимствованной из законодательной практики США и заложенной в основу Конституции РФ, теории «разделения властей», которая проявила свою несостоятельность и неприемлемость для нашего государства.

Приоритетным смыслом особенно в кризисные периоды для России была *идея христианской соборности государства*, которая проявлялась, *во-первых*, в единстве религиозно-нравственных основ и государства, *во-вторых*, единстве государственной власти, защищающей духовное развитие своего народа от внешних пагубных влияний, *в-третьих*, единстве духовной власти. Нарушение хотя бы одной из этих черт неизбежно приводит к разрушению государственности. Так, в 1917 г. отсутствие единства в среде высших церковных иерархов привело часть их к отступничеству и отказу от монархии.

Идея христианской соборности практически была воплощена в период правления первого русского царя Ивана IV Грозного (1530–1584 гг.). Впервые в истории русского государства была создана система земских соборов, которые в течение 100 лет с 1550 по 1653 гг. созывались 57 раз. Огромную роль в этом сыграл принятый на земском соборе в 1551 г. Стоглав, ставший сводом законов для церковной жизни более чем на сто лет, и в котором были заложены основы правовых церковно-

государственных взаимоотношений. Более того, соборное оформление правовых церковно-государственных в виде земских соборов занимало господствующее положение отношений. Регулярность их созывов свидетельствовала, *с одной стороны*, о необходимости соборного решения важнейших государственных вопросов, в том числе касающихся правовых аспектов церковно-государственных отношений, а, *с другой стороны*, об укреплении не только монархической, но и церковной власти, что отличало от западноевропейских монархий, где развивалась негативная тенденция к абсолютизации власти. Усиление монархической власти в России происходило без стремления подчинить правовой регламентации церковную сферу.

Важнейшим приоритетом государственно-правовой идеологии в разные периоды была *концепция «симфонии властей»*, заимствованная из Византийской империи. Феноменальные византийские и русские церковно-государственные отношения определяла симфония властей, согласно которой между государственной и церковной властями предполагалось установление согласия (гармонии) и сотрудничества (синергии) во всех сферах. Это исходило из особой природы византийской верховной власти, которая согласно Византийской Эпанагоги, считалась диархической (двойственной). Основу византийской диархии составляли согласованные взаимоотношения Царя и Патриарха. Они представляли не разные власти, а подобно двум главам одного и того же церковно-государственного тела. Полноту верховной власти составляют обе главы.

В Стоглаве также содержались идеи «симфонии властей». Так, в предисловии ко 2 – й главе (в обращении царя к собору) отмечается: «Зело бо желаю и срадуюся и согласую сослужебен с вами бытии вере поборник. Тем же и всякому розгласию отныне далече бытии повелеваем, всякому же согласию и единомыслию содержатися в нас» [1, с. 260]. Важно, чтобы, как отмечал митрополит Иоанн Снычѳв, «не нарушались самостоятельность, единство и целостность каждой из властей, ... но действовали в своих областях совершенно не зависимо» [2, с. 556].

Ещё одним приоритетом в контексте симфонических отношений государства и церкви является *процесс воцерковления права*. Исторически в России он проявлялся, *во-первых*, в активном заимствовании византийских религиозных канонов и правил. Если в XIV–XV вв. русские судебные грамоты были чисто светскими документами, регламентировавшими деятельность светских судов, то уже с XVI в. в судебных грамотах использовались нормы из византийских источников (например, право судить по крестному целованию, т.е. использовать в качестве судебного доказательства, установленного ещё в Эклоге и Прохироне). *Во-вторых*, процесс воцерковления имел *общегосударственный характер*. Государственные акты в отношении церкви в отличие от предшествующих, которые имели форму уставных,

жалованных грамот и княжеских уставов, носили общегосударственный, а не удельный (раздробленный) характер. Например, судебники XVI в. являлись единым сборником судебных норм. *В-третьих*, процесс воцерковления права происходил строго в соответствии с концепцией «симфонии властей». Судебники регламентировали новое разделение сфер деятельности светских и церковных судов, согласно которому духовенство и церковные люди признавались неподсудными светскому суду (кроме уголовных дел). Исключением было монашество, которое подчинялось только церковному суду.

Государственная власть в России в данный период, строго следуя симфоническому взаимодействию светской и духовной власти, не только защищала неприкосновенность церковных канонов, но и приравнивала постановления церковной власти к государственным законам. Такая согласованность канона и закона была заимствована из византийского права. Византийские императоры, соблюдая «симфонию властей», согласовывали святы каноны, установленные на Вселенских Соборах, так, чтобы они не противоречили церковным. По закону Юстиниана 530 г., церковные законы приравнивались к государственным. Н.Д. Тальберг отмечал: «Государи наши считали себя первейшими и ревностнейшими сынами Церкви, иерархи, во главе с митрополитами, вернейшими подданными монарха, с середины XVI в. Помазанниковъ Божиихъ» [3, с. 270, 272]. Значение государей увеличивалось и при выборе митрополитов.

Концепция «симфонии властей» сохранялась как неотъемлемая составляющая и духовная опора государственности, а также характерная особенность правовых церковно-государственных отношений, проникая во все сферы этих отношений, что кардинально отличало её от западноевропейских стран.

Заключение. Таким образом, все перечисленные приоритеты могут стать главным идеологическим ориентиром государственного устройства России. Государство может быть тогда жизнеспособным, когда власть выработает чёткую государственную идеологию, на основе которой произойдет объединение власти и общества. Поэтому и возникает необходимость обращения к историческому опыту и переосмыслению проблем, связанных с государственно-правовой идеологией.

Список литературы

1. Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. – Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М.: Юрид. лит., 1985. – 520 с.
2. Митрополит Иоанн (Снычев). Русская симфония. – Житомир: НИ-КА, 2003. – 727 с.
3. Тальберг Н.Д. История Русской церкви. – К.: Издательство имени святителя Льва, папы Римского, 2007. – 924 с.

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА КАК СРЕДСТВО НАРУШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНО- ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В 50–60-гг. XX в.)

Лещенко И. И., канд. ист. наук, доц., *Свиридова К. Е.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ira_leshenko@mail.ru, k.sviridova@donnu.ru

Введение. Современный мировой порядок, подвергшийся значительным трансформациям, не удовлетворяет США и не позволяет им в полной мере осуществлять глобальную стратегию своего господства. Созданная международно-правовая структура как результат победы Советского Союза над мировым фашизмом в первые годы подверглась нарушению и методологическому разрушению со стороны США. Информационно-психологическая война стала одним из средств нарушения международного и национального права среди многочисленного арсенала, используемого как в условиях противоборства двух тогдашних мировых систем: капитализма и социализма, так и сегодня в ситуации проведения Россией специальной военной операции (СВО). Особо актуален исторический опыт для обеспечения государственной безопасности страны.

Основная часть. Целью проводимой информационно-психологической войны, направленной против социалистических стран и проявлявшейся в поддержке антисоциалистической эмиграции, в организации оппозиционных сил в стране для подрыва её обороноспособности, являлось разрушение системы социализма и переориентация этих стран в западную сферу влияния. Чехословацкой эмиграции Вашингтон придавал особое значение в том смысле, что «эмигрантские группы служат ... главным и незаменимым каналом, ведущим к силам внутреннего сопротивления» [1, с. 29]. Эмигранты были использованы ими в качестве идеологических рупоров, так как они лучше знали традиции, психологию, язык и обычаи страны.

Информационная война, прежде всего, сопровождалась активными и конкретными действиями. Так, 16 июля 1948 г. Дж. Маршалл направил телеграммы дипломатическим представительствам в Прагу, Будапешт, Бухарест, Белград, Софию и Москву с просьбой направить из этих стран политических эмигрантов в США для работы на радиостанции «Голос Америки». 2 сентября он заявил об использовании эмигрантских групп в «информационной программе» США [2, р. 425].

27 января 1948 г. был принят закон № 402 «Об информации и

обмене в области образования США», который заложил правовую основу для первой международной информационной программы мирного времени, требовавшей расширения антикоммунистической пропаганды для «деморализованной, ищущей Европы». В госдепартаменте, который координировал информационно-психологическую войну за рубежом, в соответствии с этим законом, были образованы 22 апреля Управление международной информации и Управление обмена в области образования. Они существовали до создания Информационного агентства США (ЮСИА) – правительственной организации, которая должна была объединить все иностранные информационные программы (конгресс утвердил 1 августа 1953 г.). Из государственного бюджета США в 1949 г. на зарубежную пропаганду было выделено 31,2 млн. дол., в 1950 г. – 47,3 млн. дол., в 1951 г. – 299 млн. дол. [3, p. 42, 43, 45].

В американской внешнеполитической пропаганде доминировали две взаимосвязанные тенденции: широкое развертывание антикоммунистической пропаганды, «информационно-психологической войны» против социализма и всемерная апологетика «американского образа жизни».

Главным орудием информационной пропаганды с 1951 г. стала новая радиостанция «Свободная Европа». В рамках американского руководства Мюнхенским центром РСЕ действовала группа эмигрантов, представлявшая её чехословацкую редакцию, которой с 1951 по 1953 год руководил эмигрант, правый идеолог Народной партии П. Тигрид. Руководители РСЕ пытались изобразить эту радиостанцию «неким информационным центром, который не имел иных интересов, кроме как давать чехословацкой общественности всестороннюю информацию и объективный обзор по различным политическим, экономическим и культурным вопросам» [4, с. 51]. Однако реальными целями был военный и экономический шпионаж.

10 октября конгресс США принял «Закон о взаимном обеспечении безопасности», к которому дополнительно была принята поправка сенатора Ч. Керстэна. В соответствии с этой поправкой, 100 млн. долларов было ассигновано на антигосударственную деятельность, в том числе на поддержку оппозиции из Чехословакии, Советского Союза, Польши и других странах. Для усиления подрывной направленности информационной пропаганды, подчинения её задачам «психологической войны» 20 июня 1951 года в качестве высшего межведомственного органа руководства «психологической войной» было создано Управление психологической стратегии. С 1951 года начался запуск воздушных шаров РСЕ с подстрекательной литературой в Чехословакию, Польшу, Венгрию. Более половины тиража, примерно 150 миллионов экземпляров, предназначалось для Чехословакии. Только 26 сентября было запущено 10 тыс. воздушных шаров с 8 млн. листовок [5, p. 1413, 1416]. Однако

систематический запуск начался в 1953 г., с распространением листовок РСЕ, согласно так называемого «специального американского политического руководства для Чехословакии» от 30 июня 1953 г., целью которого была дискредитация коммунистической партии. В ходе операции «Просперо» в середине июля было запущено свыше 6,5 тысяч воздушных шаров с примерно 12 млн. листовок. В Мюнхене этой операцией руководил американец Д. Соренсен, который регулярно посылал отчеты в восточноевропейский отдел госдепартамента. 20 июля 1953 года чехословацкое министерство иностранных дел направило правительству США первую ноту протеста против запуска воздушных шаров.

В ответ на объявленную чехословацким правительством экономическую реформу РСЕ в апреле 1954 г. начала очередную операцию «Вето», в ходе которой из Баварии было заброшено примерно 41 млн. листовок общим весом свыше 50 тонн. Содержанием были привлекательные требования уменьшения производственных норм, бюрократического угнетения, отказ от вмешательства со стороны властей в свободное время рабочих и др. Операция «Вето» осуществлялась американским Комитетом «Крестовый поход за свободу». Президент Эйзенхауэр 22 апреля 1954 г. в Нью-Йорке на собрании ассоциации издателей газет открыто призывал направить печать и радио против коммунизма. Основные действия были направлены на сочетание и координацию внешних и внутренних сил для выполнения поставленных целей освобождения Чехословакии. Они могли быть достигнуты лишь непрерывной войной нового типа – политической, подрывной и идеологической войной.

Заключение. В связи с тем, что не были реализованы планы послевоенного устройства мира, американский курс «с позиции силы» стал ответной реакцией на социалистическое послевоенное устройство в Восточной Европе и Советским Союзом. Не меняя целей, США продолжают использовать любые средства из своего исторического арсенала глобальной борьбы со своим главным врагом – Россией и её сторонниками. Информационно-психологическая война стала для них приоритетной.

Список литературы

1. Цит. по: Матоуш М. Фронт без перемирия. Чехословакия в борьбе против идеологической диверсии. – М.: Политиздат, 1977. – 263 с.
2. Foreign Relations of the United States (далее: FRUS). 1945. Eastern Europe. The Soviet Union. – Washington: Gov. Print. Off., – 1948. – Vol. 4. – 557 p.
3. Henderson J. W. The United States Information Agency. – N. Y., Wash., London: Frederick a praeger, 1969. – 324 p.
4. Панфилов А.В. Радио США в «психологической войне». – М., 1967.
5. Foreign Relations of the United States, 1951. Vol.4. Eastern Europe. -Washington: Gov. Print. Off., 1985. – 1438 p.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Матвиенко Е. А., канд. юрид. наук, доц., *Козаков Б. А.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
k.matvienko@donnu.ru, kozakova_sv@mail.ru

Введение. Федерализм является важным принципом организации государственной системы, который позволяет совмещать централизацию и децентрализацию власти. Однако, в России существуют определенные проблемы, связанные с реализацией федеративного принципа.

Основная часть. Федерализм является одной из форм организации политической системы государства, основанной на разделении власти между центральным правительством и региональными единицами. Он предполагает объединение независимых территорий в единое государство, где каждая территория сохраняет определенную степень автономии.

Существует несколько видов федерализма, включая:

1. Кооперативный федерализм: основан на сотрудничестве и взаимодействии между центральным правительством и региональными единицами.

2. Дуалистический федерализм: предполагает явное разделение властных полномочий между центральным правительством и региональными единицами. Каждый уровень власти имеет свои конституционные права и обязанности.

3. Симметричный федерализм: предполагает равномерное распределение властных полномочий между центральным правительством и региональными единицами.

В России применяется дуалистический федерализм. Согласно Конституции Российской Федерации, Россия является федерацией, в которой центральное правительство и регионы имеют определенные полномочия. Регионы России имеют право на законодательную и исполнительную власть в ряде областей, таких как образование, здравоохранение, культура и т.д. Однако, некоторые ключевые вопросы, такие как оборона, внешняя политика и федеральные законы, остаются в компетенции центрального правительства.

В России федерализм был введен в 1993 году, однако с тех пор возникли определенные проблемы, которые требуют решения. Центральное правительство имеет существенное влияние на распределение бюджетных средств, что приводит к неравному развитию регионов и усилению централизации власти [1].

На современном этапе развития РФ, как у государства, существуют следующие проблемы Федерализма:

1. Неравномерное развитие регионов: государство сталкивается с проблемой неравномерного экономического и социального развития различных регионов страны.

2. Конфликты компетенции: Российский федерализм страдает от постоянных конфликтов между центральным правительством и региональными властями относительно распределения полномочий и компетенций [2].

3. Коррупция и неэффективность власти: регионы, также сталкиваются с проблемой коррупции и неэффективности власти на региональном уровне.

4. Национальные и этнические конфликты: население РФ, сталкиваются с проблемами национальных и этнических конфликтов.

5. Зависимость от центрального правительства: некоторые регионы России страдают от зависимости от центрального правительства в финансовом и экономическом плане.

Важно разработать механизмы, которые учитывают особенности каждого региона и обеспечивают их равные возможности для развития. Для улучшения федерализма необходимо укрепить автономию регионов. Центральное правительство должно больше доверять регионам и предоставлять им больше полномочий в принятии решений. Это позволит развивать местную инициативу и способствовать более эффективному управлению на местном уровне.

Путем проведения реформ финансовой системы, укрепления автономии регионов и улучшения координации между центром и регионами, можно достичь более эффективного функционирования федерализма в России [3].

Также, важным направлением преодоления проблем российского федерализма является расширение собственных источников дохода региональных территорий.

Кроме того, федерализм может создавать неравенство между различными регионами, так как более развитые регионы могут получать больше выгод от своей автономии.

Заключение. Реформы в области федерализма и укрепления автономии регионов могут помочь решить эти проблемы и достичь более устойчивого и справедливого федерального устройства в России.

На основании тех проблем, которые имеет федерализм в РФ, можно предложить следующие пути решения данных проблем:

1. Неравномерное развитие регионов: для решения проблемы неравномерного развития регионов необходимо принять меры по стимулированию экономического роста в отсталых регионах. Это может включать в себя инвестиции в инфраструктуру, создание специальных экономических зон, предоставление налоговых льгот и других мер поддержки.

2. Конфликты компетенции: чтобы разрешить конфликты, компетенции необходимо провести реформу федерального законодательства, чтобы четко определить полномочия и компетенции центрального правительства и региональных властей [4].

3. Коррупция и неэффективность власти: для борьбы с коррупцией и неэффективностью власти необходимо усилить контроль и надзор за деятельностью региональных властей. Это может включать в себя создание независимых антикоррупционных органов, ужесточение наказаний за коррупционные преступления и повышение прозрачности властных структур.

4. Национальные и этнические конфликты: для урегулирования национальных и этнических конфликтов необходимо проводить политику, направленную на уважение прав и интересов различных этнических групп. Это может включать в себя создание механизмов диалога и согласия, поддержку культурного разнообразия и усиление прав человека [5].

5. Зависимость от центрального правительства: чтобы уменьшить зависимость, регионов от центрального правительства необходимо увеличить финансовую автономию регионов. Это может быть достигнуто путем перераспределения финансовых ресурсов между регионами, установления местных налогов и повышения эффективности использования региональных бюджетов.

В целом, несмотря на свои недостатки, федерализм остается одной из важных форм организации государства, которая позволяет учитывать особенности и потребности различных регионов.

Список литературы

1. Барбашева Я.А. Дотационный уровень российских регионов на современном этапе // Скиф. Вопросы студенческой науки / Я. А. Барбашева. – 2018. – № 5 (21). – С. 58-63.
2. Бикмурзина Н. С., Рутковская М. И., Капаев М. А. Бюджетный федерализм в России: проблемы и пути решения // Социально-политические науки / Н. С. Бикмурзина, М. И. Рутковская, М. А. Капаев. – 2018. – №2. – С. 140-143.
3. Карапетян Л.М. Федеративное устройство Российского государства / Л. М. Карапетян – М.: Изд-во «Норма», 2001. – 334 с.
4. Цветкова О. В. Федеративные отношения в современной России // Социально-гуманитарные знания / О. В. Цветкова. – 2019. – №6. – С. 20-27.
5. Колыханов М. И. Распределение властных полномочий между центром и регионами в Российской Федерации и Швейцарской Конфедерации // Регионоведение / М. И. Колыханов. – 2018. – №. 2 (103). – С. 296-313.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЭМБРИОНОВ ДЛЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Матвиенко Е. А., канд. юрид. наук, доц., *Малышко Н. А.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
k.matvienko@donnu.ru, natahamal2003@gmail.com

Введение. В наше время наука и техника постоянно развиваются, вследствие чего появляются новые направления научных исследований. Одним из таких перспективных медико-биологических направлений является использование человеческих эмбрионов в научных целях для изучения различных генетических мутаций и механизма лечения бесплодия, а также для повышения качества процедуры искусственного оплодотворения. К тому же, эмбриональные стволовые клетки могут быть трансформированы в любую необходимую ткань, кожу, мышцы, кости и использоваться для регенеративной медицины, трансплантации, лечения многих болезней. Однако при проведении исследований на эмбрионах человека возникают проблемы этического и правового характера, поскольку в мировом сообществе на данный момент нет единого подхода к правовой природе эмбриона *in vitro*, к его правовому и моральному статусам.

Основная часть. С целью повышения вероятности наступления беременности и рождения ребенка путем применения процедуры экстракорпорального оплодотворения для одной пары создают достаточно большое количество эмбрионов (в среднем, 5-6 оплодотворенных яйцеклеток), но за одну процедуру женщине подсаживают только 1-2 эмбриона, вследствие чего в клиниках после проведения успешных процедур ЭКО остаются множество неостребованных жизнеспособных эмбрионов. Родители могут закриоконсервировать свои оставшиеся эмбрионы для последующей их имплантации, но, когда они не намерены в дальнейшем их использовать, хранение этих эмбрионов для клиник становится экономически невыгодным и они подлежат утилизации. Однако возможен иной вариант распоряжения судьбой «лишних» эмбрионов – это использование неостребованных эмбрионов для научных исследований.

Дискуссии относительно использования человеческих эмбрионов в научных целях ведутся уже не одно десятилетие. Одна из точек зрения заключается в том, что проведение исследований на эмбрионах человека и последующее их уничтожение являются аморальными и приравниваются к экспериментам над детьми, поскольку оплодотворенную яйцеклетку рассматривают уже как человеческое существо. Сторонники другой точки зрения считают, что эмбрионы заслуживают уважения и являются

промежуточной категорией между человеческими тканями и самим человеком. Существует также третья точка зрения, согласно которой эмбрионы *in vitro* рассматриваются как вещи.

Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ) в 2015 году было рассмотрено дело «Паррилло (Parrillo) против Италии», суть которого заключалась в том, что заявительница после гибели своего сожителя в ноябре 2003 года, с которым она проходила курс ЭКО, отказалась имплантировать созданные эмбрионы и хотела передать их для проведения научных исследований. Однако в 2004 году в Италии был принят Закон № 40/2004, устанавливающий запрет на любые эксперименты над человеческими эмбрионами под угрозой уголовного наказания, поэтому заявительнице не разрешили передать свои эмбрионы для исследований.

ЕСПЧ изучил законодательство и практику Италии, соответствующие документы Совета Европы и Европейского Союза, в частности, Рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1046 (1986) «Об использовании человеческих эмбрионов и зародышей в диагностических, терапевтических, научных, промышленных и коммерческих целях» и № 1100 (1989) «Об использовании человеческих эмбрионов и зародышей для проведения научных исследований», в которых указано, что правовая природа и правовой статус эмбрионов *in vitro* и зародышей не определены, отсутствует удовлетворительное правовое регулирование их использования. Передавать материалы, полученные из человеческих эмбрионов, допускается только для проведения научных исследований в диагностических, профилактических или терапевтических целях и только в том случае, если родители-доноры предоставят на это добровольное письменное согласие. При этом установлен запрет на целенаправленное создание эмбрионов или зародышей и поддержание в них жизни в лабораторных условиях или в полости матки для проведения каких-либо научных исследований [1]. Статья 18 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины № 164 от 04.04.1997 также закрепляет запрет на создание эмбрионов человека в исследовательских целях. Если законодательство государства разрешает проводить исследования на эмбрионах *in vitro*, то этим эмбрионам должна предоставляться надлежащая защита [2].

После длительных обсуждений Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что в рассматриваемом деле не было нарушено право заявительницы на уважение частной и семейной жизни, поскольку в отношении спорного вопроса о передаче эмбрионов для научных исследований, который поднимает сложные нравственные и этические проблемы, нет общеевропейского консенсуса, и Италия вправе пользоваться широкой свободой усмотрения в этой сфере, в том числе и установить запрет на донорство эмбрионов в научных целях.

Обратим внимание на отношение различных государств к вопросу об использовании человеческих эмбрионов для проведения научных исследований. Законодательство Бельгии, Великобритании и Швеции разрешает проводить научные исследования на эмбрионах, а также создавать эмбрионы для данных целей. В Болгарии, Венгрии, Греции, Испании, Македонии, Нидерландах, Португалии, Сербии, Словении, Финляндии, Франции, Чехии, Швейцарии и Эстонии запрещено целенаправленно создавать эмбрионы для научных целей, однако разрешено проводить исследования на избыточно полученных эмбрионах. Словакия, Германия, Италия и Австрия запрещают научные исследования на эмбрионах, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Законодательством Андорры, Латвии, Хорватии и Мальты запрещено абсолютно любые исследования эмбриональных стволовых клеток. В Азербайджане, Армении, Боснии и Герцеговине, Грузии, Ирландии, Литве, Лихтенштейне, Люксембурге, Молдове, Монако, Польше, России, Румынии, Сан-Марино, Турции, Украине нет правового регулирования вопроса об использовании человеческих эмбрионов в научных целях.

В РФ рассматриваемый вопрос не регламентируется, но применяется разрешительный тип правового регулирования в области научных исследований на эмбрионах человека. При этом ст.3 Федерального закона «О биомедицинских клеточных продуктах» запрещает создавать эмбрионы человека для производства биомедицинских клеточных продуктов, а также использовать биомедицинские клеточные продукты, полученные в результате прерывания процесса развития эмбриона (плода) человека или нарушения такого процесса [3].

Заключение. Стремительное развитие медицины и науки, в частности вспомогательных репродуктивных технологий и такого медико-биологического направления, как использование человеческих эмбрионов в научных целях, должно влечь за собой и развитие правового регулирования в этих сферах. Однако на данный момент в Российской Федерации нет специальной правовой регламентации вопроса об использовании человеческих эмбрионов для научных исследований, а также не определен правовой статус эмбриона *in vitro*.

Список литературы

1. Дело «Паррилло (Parrillo) против Италии» (жалоба № 46470/11) [Электронный ресурс]: Постановление Европейского Суда по правам человека от 27.08.2015. – Режим доступа: Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/>. – Дата обращения: 13.09.2023. – Загл. с экрана.
2. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине ETS № 164 (Заклучена в г. Овьедо 04.04.1997) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система КонсультантПлюс: <https://www.consultant.ru>. (дата обращения: 15.09.2023). – Загл. с экрана.

3. О биомедицинских клеточных продуктах: Федеральный закон от 23.06.2016 № 180-ФЗ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс»: <https://www.consultant.ru>. (дата обращения: 17.09.2023). – Загл. с экрана.

УДК 615.849

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ОСОБАЯ СУБЪЕКТИВНАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ

Матюк В. В., Фейзер А. А.

УО «Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия», г. Горки, Республика Беларусь
Matsiuk_sl@rambler.ru, fejzeraleksandra4@gmail.com

Введение. У каждого человеческого поступка есть последствия, причем некоторые из них регулирует закон. Отрицательные последствия, которые должны наступить для лица, нарушившего предписание норм права, связаны с понятием юридической ответственности. Межотраслевой институт юридической ответственности представляется весьма сложным явлением, нуждающимся в детальной научной разработке.

Цель исследования состояла в выявлении сути юридической ответственности посредством анализа такого важнейшего её признака как возникновение субъективной обязанности правонарушителя особого свойства.

Основная часть. Юридическая ответственность – один из видов социальной ответственности индивида. Этот вид ответственности наиболее строгий и предельно формализованный вид социальной ответственности. Наказание за правонарушения, особенно за преступления, как правило, предусматривается и объявляется всему обществу заранее. Человек знает, что ему грозит, если он преступит тот или иной закон, нарушит ту или иную правовую норму. При других видах социальной ответственности этого нет [3, с. 215].

Предусмотренную законодательством статутную юридическую ответственность следует отличать от юридической ответственности конкретного лица, т. е. субъективной обязанности конкретного преступника.

В механизме правового регулирования общественных отношений статутная юридическая ответственность закрепляется в законодательстве на стадии правовой регламентации общественных отношений.

На следующей стадии – стадии возникновения прав и обязанностей – юридическая ответственность предстает уже как специфический вид обязанности лица претерпеть неблагоприятные последствия в результате

совершения им правонарушения. Поскольку правонарушения традиционно относятся к сложным юридическим фактам, порождающим возникновение, изменение или прекращение конкретных правоотношений, то «непонятно, почему далеко не всеми исследователями в рамках концепции ответственность-обязанность оговаривается субъективный характер такой охранительной обязанности» [5, с. 448].

Однако игнорирование (не упоминание) субъективного характера охранительной обязанности правонарушителя может привести к нежелательным последствиям: смешению субъективной обязанности правонарушителя с формой ее реализации, и далее, что вовсе не допустимо, к отождествлению юридической ответственности с самими наказанием.

Следует подчеркнуть: наказание – это форма реализации юридической ответственности.

Как отмечают А. Ф. Вишнеvский, Н. А. Горбаток и В. А. Кучинский, «как и всякая субъективная обязанность, юридическая ответственность возникает, находится некоторое время на стадии долженствования, затем реализуется и, наконец, прекращается» [2, с. 485]. Названные ученые делают важный вывод, который мы полностью разделяем, что возникнув у определенного лица вследствие совершения им правонарушения, юридическая ответственность как субъективная юридическая обязанность может в результате многих причин остаться нереализованной.

Юридическая ответственность может остаться нереализованной в силу:

1) освобождения лица от юридической ответственности в установленном законом порядке.

Например, в соответствии со статьями 86–88, 89 и 118 Уголовного кодекса Республики Беларусь и в порядке, предусмотренном ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, суд, прокурор или следователь с согласия прокурора в силу ряда обстоятельств вправе прекратить производство по уголовному делу и освободить лицо от уголовной ответственности.

В науке уголовного права четко обозначена юридическая природа освобождения от уголовной ответственности. Как отмечает С. Н. Сноп, она заключается в том, что лицо признается виновным в совершении преступления, однако в силу особых обстоятельств уголовная ответственность к нему не применяется [4].

2) освобождения лица от наказания. Освобождение лица от наказания возможно по различным предусмотренным законом основаниям при сохранении за ним юридической ответственности. Применительно к уголовной ответственности в данном случае от наказания освобождается не подозреваемый, обвиняемый или лицо, подлежавшее привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого, а осужденный – лицо, виновность которого совершении преступления установлена судом.

Таким образом, юридическая ответственность и наказание – понятия тесно взаимосвязаны, но далеко не тождественны. Суд может освободить от наказания, а вот ответственность как правовое состояние остается. Есть такое наказание, которое называется условным, когда виновный остается на свободе. Существует также институт помилования, когда человек освобождается от дальнейшего отбывания наказания, но в любом случае ответственность с него не снимается. Если же преступник не пойман, ответственность выступает как состояние, существующее в рамках общерегулятивного правоотношения, готовое перейти в конкретное охранительное правоотношение в случае поимки субъекта преступления.

Что касается самого охранительного правоотношения, то оно весьма специфично. Его содержание составляют рассматриваемая нами особая субъективная обязанность правонарушителя и охранительное субъективное право на защиту. Последнее возникает у управомоченного лица вследствие совершения в отношении его правонарушения и обладает способностью к принудительной реализации.

Важно понимать, что юридическая ответственность как субъективная юридическая обязанность наступает только за совершенное правонарушение (эта обязанность отсутствует до правонарушения) [1, с. 290].

И, наконец, необходимо отметить: «особый» характер юридической ответственности как субъективной обязанности заключается в необходимости претерпеть карающие правонарушителя правовые санкции. Под санкциями здесь понимаются не любые меры процессуального принуждения, а именно особая, дополнительная субъективная обязанность претерпеть наказание за противоправные действия (уплатить штраф, пеню, возместить материальный ущерб, моральный вред, понести уголовное, административное или дисциплинарное наказание).

Заключение. Таким образом, когда статутное право начинает действовать, воплощаясь в конкретных правоотношениях, статутная юридическая ответственность преобразуется в субъективную обязанность субъекта в охранительном правоотношении. Юридическая ответственность как особая субъективная юридическая обязанность возникает только на основании статутной юридической ответственности, а ее особый характер состоит в необходимости претерпеть карающие правонарушителя правовые санкции.

Список литературы

1. Альбов, А. П. Общая теория права : курс лекций / А. П. Альбов, В. В. Матюк. – Горки : БГСХА, 2023. – 324 с.
2. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский; Под общ. ред. проф. В. А. Кучинского. – М.: Изд-во деловой и учеб. лит-ры, 2006. – 656 с.

3. Малько, А. В. Теория государства и права: учебник / отв. ред. А. В. Малько. – 4-е изд., стер. – М.: Кнорус, 2014. – 400 с.
4. Сноп, С. Н. Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций / С. Н. Сноп. – Гродно: ГрГУ, 2012.
5. Юрковский, А. В. Теория государства и права : учебное пособие / под ред. А. В. Юрковского. – Иркутск, 2016. – 620 с.

УДК 1(071)

МАРКСИСТСКИЙ «ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Миргородский А. А., канд. филос. наук, *Панарина П. А.*, *Вербицкая А. А.*
Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации», г. Донецк, РФ
Mirgorodskiy87@mail.ru

Введение. В предыдущих публикациях мы освещали взгляды мыслителей русской религиозной философии на природу и назначение человека, а также в связи с этим на историю права. Мы подробно рассмотрели позиции таких отечественных мыслителей права, как Н. К. Михайловский, П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, С. Л. Франк. Как мы уже отмечали, персоналистический характер философии права лучше всего выразился в творчестве Николая Александровича Бердяева. Это проявилось прежде всего в его работе «О назначении человека» [1].

Цель данной работы – показать актуальность «деятельностного подхода», который исторически сложился в марксизме, и экстраполировать данный подход на философию права.

Основная часть. Личностный или персоналистический подход определенным образом связан «деятельностным подходом», который получил широкое распространение в советской литературе еще в 60-е годы XX века. Его основоположник Г. Батищев использовал принцип деятельности для объяснения сущности культуры, который был развит в работах И. Ф. Балакиной, Б. Т. Григорьяна, С. Ф. Одуева, Л. А. Шершенко [2]. При этом механизм осуществления деятельности они пытались раскрыть посредством категорий опредмечивание и распредмечивание. Опредмечивание – это переход совершаемого субъектом процесса в объект, превращение действующей способности в форму предмета. В свою очередь распредмечивание – это обратный переход предметности в живой процесс. Распредмечивание есть творческое начало освоения субъектом предметных форм культуры, Тождество данных противоположностей

образует предметную деятельность, которая превращается в человеческую культуру. Мы обращаем внимание на то, что проблематика опредмечивания и распредмечивания была выдвинута немецкой классической философией. Например, Фихте смог разглядеть в диалектике Я и не-Я диалектику опредмечивания и распредмечивания. Гегель увидел в труде способ, с помощью которого человек может создать собственный мир и самого себя. Маркс утверждал, что опредмечивание есть одновременное воплощение индивидуальности и общественных потребностей. Он пытался найти в природе человеческого труда не просто предметы, а отношения между людьми, выраженные в форме предметов. У Маркса предмет выступает как «опредмеченный человек» в его собственной сущности. Предметность превращается в момент живого труда, в отношении живого труда к самому себе в предметном материале.

Возрожденческая идея человека-творца, призванная вытеснить теоцентризм и провиденциализм, приобрела у просветителей статус всеобщего объяснительного принципа в виде формулы Просвещения о том, что «люди сами творят свою историю». Здесь нет взгляда на историю как на объективный, естественно-исторический процесс. А мерилom продолжает оставаться индивид и его сознательная деятельность, и все разворачивается по схеме «цель – средство – результат». Это и есть деятельностный подход в чистом виде.

Вскоре ряд философов стали разделять взгляд на культуру, согласно которому культура существует в двух формах – предметной (результаты деятельности) и личностной (умения и способности индивидов). Переход от личностной формы культуры к предметной (опредмечивание) означает расширение предметного богатства культуры, обратный процесс (распредмечивание) – развитие личности. В. Межуев подчеркивал, что содержанием культуры является процесс исторического развития человеческих сил и способностей, внешне выражающийся в богатстве создаваемой людьми предметной действительности. С помощью деятельностного подхода была совершена внутри марксизма понятийная инверсия, то есть замена содержания понятия «труд» содержанием понятия «деятельность». Деятельность как процесс взаимоперехода действующей способности субъекта в форму предметности и обратно представляет собой лишь способ освоения индивидом всеобщих форм культуры, но никак не механизм функционирования самого социокультурного целого. В данном случае понятие «деятельность» выражает лишь ограниченность так называемого антропологического принципа в философии и праве.

Заключение. Творческое отношение человека к делу означает, что человек не исчерпывает свое общественное назначение служением данному делу, а сам становится его законодателем, создает не только нужный предмет, но и самого себя, воспитывает в себе не только те или

иные полезные навыки, но еще и универсальную способность к творчеству общественной жизни. На наш взгляд, такова задача формирования личности в современном философско-правовом бытии.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ, 2006. – 478 с.
2. Проблема человека в современной философии / Ред. коллегия: И. Ф. Балакина, Б. Т. Григорьян, С.Ф. Одуев, Л.А. Шершенко. – М.: Наука, 1969. – 432 с.

УДК 340:327.88

ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Руденко П. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
rudenko_pv@gmail.com

Введение. В современном мире важным фактором развития и процветания любого демократического социального государства выступает неукоснительное соблюдение и обеспечение законных прав и свобод человека и гражданина, выстраивание политики, направленной на защиту интересов субъектов, находящихся в прямой политико-правовой связи с государством. Так, деятельность любого органа государственной власти должна быть подчинена достижению указанных целей для успешной реализации сочетания общегосударственных интересов и интересов граждан. Однако, стоит отметить, что приведение вышеуказанных позиций в действие осложняется внешними факторами связанными с происходящими глобализационными процессами. Глобализация выступает объективным социальным процессом, который безусловно можно назвать положительным явлением. Но в силу своего многостороннего характера существуют и негативные аспекты данного феномена, которые касаются различных сторон социальной жизни человека, в том числе и института гражданства. Стоит согласиться с Поляковой Н.В., которая считает, что «гражданство является центральным звеном отношений между государством и индивидом, поэтому рассуждения о судьбах национального государства в условиях глобализации неизбежно» [1, с. 135].

Основная часть. Современное понимание гражданства как специфического способа взаимодействия между государством и его гражданами выступает важным аспектом для изучения института

гражданства как сложносоставного правового явления. Трансформация института гражданства обусловлена влиянием процессов глобализации, которые обусловлены стремительными изменениями в масштабах не только отдельного государства, но и всего мира в целом. Так, Ксениди И.Д. справедливо отмечает, что: «...глобализацию следует признать как данность и относиться к ней соответственно. Нельзя игнорировать сдвиги и тенденции в развитии общества. Они приводят к моральному устареванию и требуют постоянной корректировки моделей мировоззрения. Поэтому, в качестве противодействия внешнему воздействию, необходимо отказаться от пассивного ожидания перемен, а активно приступить к реорганизации и развертыванию государства в условиях зреющих тенденций развития общества» [2, с. 452].

Процессы глобализации в научной литературе описываются исходя из двух позиций. Первая заключается в том, что глобализация выступает естественным катализатором в развитии научно-технической сферы и является фактором слияния культур различных стран. Также, как отмечает Джиган М.В., «глобализацию можно рассматривать как стремление западных стран к господству над народами в целях подчинения их национальных культур единому космополитическому (американскому по преимуществу) культурному стандарту, т.е. как крайнюю форму вестернизации» [3, с. 139]. Учитывая тот факт, что глобализационные процессы порождают слияние культур, это может привести к размытию аспектов самобытности, а также способствовать увеличению миграционного прироста в более развитые страны и т.д.

В условиях глобализации образуются новые способы приобретения гражданства, одним из таких примеров выступает возможность получения гражданства по инвестиционным мотивам, что подразумевает собой способ получения гражданства путём инвестирования установленной суммы в недвижимость, ценные бумаги, в бизнес и т.д. и получение взамен гражданства той страны, которая закрепляет такую форму получения гражданства на законодательном уровне. Данный способ вызывает повышенный интерес, что обусловлено рядом преимуществ: в зависимости от выбранного государства получение гражданства дает право на безвизовый въезд в большое количество государств, более выгодный налоговый режим, более высокий уровень жизни и прочее. Несмотря на рассмотренные положительные аспекты нового способа приобретения гражданства, вызванного глобализацией современных процессов, стоит указать, что для сложившегося историко-теоретического осмысления сложившейся парадигмы института гражданства теряется истинное понимание гражданства, как связи физического лица с территорией суверенного государства. В свою очередь, Гищенко П.И. обращает внимание, что «данный феномен демонстрирует тенденцию «стирания» государственных границ в их традиционном формате..., но и тренд

коммерциализации политико-правовых отношений, их подчинение финансовоэкономическим интересам в качестве базиса и надстройки, о чем, впрочем, в свое время писали еще классики марксизма-ленинизма в контексте рассмотрения основных закономерностей общественного развития» [4, с. 81]. Глобализация меняет видение на устоявшиеся взгляды относительно правовой природы института гражданства, поставив вопрос о необходимости новых маркеров социального изменения понимания гражданства с учётом особенностей современного времени. Исходя из этого, можно согласиться с мнением Мухаева Р.Т. о то, что «...глобализация ниспровергла принцип исключительной культурной или политической принадлежности индивида к одному государству» [5, с. 81].

Заключение. Таким образом, можно констатировать факт протекающих трансформационных процессов в традиционных концепциях гражданства с учётом специфики глобализации и связанных с ней изменений как на уровне национальной политики, так и международной. В связи с этим первостепенной задачей государства должен быть постоянный контроль, анализ и фиксация протекающих изменений, учитывая многосоставной характер института гражданства.

Список литературы

1. Полякова, Н. В. Гражданство: новые измерения в условиях глобализации / Н. В. Полякова // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2013. – Т. 9, № 4. – С. 135-142. – EDN TJARIV.
2. Ксениди, И. Д. Феномен гражданства в условиях глобализации / И. Д. Ксениди // Достижения фундаментальной, клинической медицины и фармации : Материалы 76-ой научной сессии ВГМУ, Витебск, 28–29 января 2021 года / под ред. А. Т. Щастного. – УО «Витебский государственный медицинский университет»: Витебский государственный медицинский университет, 2021. – С. 452-454. – EDN MMIDVX.
3. Джиган, М. В. Влияние глобализационных процессов на трансформацию информационного общества / М. В. Джиган // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2016. – № 2(10). – С. 138-142. – EDN WBGHGH.
4. Гищенко, П. И. Трансформация института гражданства в современных условиях глобализации: сравнительно-правовой анализ / П. И. Гищенко // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2023. – № 1(65). – С. 72-83. – DOI 10.29039/2312-7937-2023-1-72-83. – EDN QERVUX.
5. Мухаев Р. Т. Глобализация и кризис национальной идентичности: в поисках новых форм репрезентации / Р.Т. Мухаев // PolitBook. – № 4. – 2020. – С. 78-100.

УГРОЗЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Свиридова К. Е.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
k.sviridova@donnu.ru

Введение. Современное общество характеризуется интенсивными темпами развития инновационных технологий, что обусловлено переходом к новому технологическому укладу, который характеризуется полной автоматизацией цифрового производства. Иными словами, современная организация жизни мирового социума, получившее новое имя Индустрия 4.0 (Industry 4.0), кардинально изменилась за счёт повсеместного внедрения новых информационных и инновационных технологий, которые способствовали облегчению жизненных процессов общества, повышению эффективности работы профессиональной деятельности тех или иных организаций, учреждений, освоению передовых процессов и приобретению новых знаний.

Колоссальным прорывом в системе общественного развития стало внедрение технологий искусственного интеллекта в различные сферы человеческой деятельности, в том числе и в сферу юридических услуг. Как отмечают Харитонова Ю. С., Савина В. С. «...внедрение данных технологий позволяет выполнять действия, основанные на расчетах, в том числе получать и анализировать информацию, обучаться за счет новых данных, что в сфере юриспруденции является чрезвычайно важным» [1, с. 528].

В целях обеспечения ускоренного развития искусственного интеллекта в Российской Федерации (далее – РФ), проведения научных исследований в области искусственного интеллекта, повышения доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей, совершенствования системы подготовки кадров в этой области была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, согласно которой «технологии искусственного интеллекта – технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта» [2].

Основная часть. В сфере юридической деятельности технологии искусственного интеллекта, как особый инновационный инструмент, представляют собой механизм модернизации юридически значимых процессов, как на уровне отдельных корпоративных систем, так и на уровне федеральных органов власти.

Так, процесс внедрения в деятельность юридических компаний и государственных правовых структур современных технологий получило название LegalTech. В научной литературе «...с точки зрения смысловой нагрузки, как отмечают в научной литературе, под LegalTech понимаются специализированные информационно-технические средства: платформы, программы, продукты и инструменты, которые направлены на оптимизацию и упрощение процессов профессиональной юридической деятельности» [3, с. 116]. Современные возможности LegalTech позволяют автоматизировать рутинные процессы работы юристов путём систематизации необходимой информации в единой базе, предоставления доступа к специальным конструкторам документов и т.д. Стоит сказать, что рассматриваемая система основана на использовании технологии «большие данные» (Big Data), которые скрывают потенциальные риски для неопределенного круга лиц. Как отмечается в научной литературе, технология Big Data подразумевает хранение и анализ большого объема структурированных данных, а также сбор, хранение и использование неструктурированных или полуструктурированных данных [4, с. 938]. Справедливым является высказывание Степанова О.А., который отмечает, что «расширяющиеся компьютерные базы персональных данных... создают угрозу негласного вторжения в частную жизнь человека» [5, с. 25].

Так, ключевым риском, который несет в себе опасность как для отдельной личности, так и всей компании в целом, является утечка данных в силу информационных атак, которые возможны в результате разработки слабой защитной системы. Такие авторы, как Харитонов Ю. С. и Савина В. С. отмечают, что повсеместное Big Data «порождает целый комплекс правовых и этических вопросов, в частности о границах использования персональных данных» [1, с. 539].

В области информационной безопасности Big Data может подвергаться следующим рискам:

- слабая или полное отсутствие защиты данных, которые являются первоисточником утечки или несанкционированного получения охраняемых сведений;
- ненадлежащее хранение конфиденциальной информации;
- риск нецелевого использования персональных данных третьими лицами и т. д.

Ярким примером негативной стороны использования Big Data выступает случай с утечкой механизма психологического анализа людей в социальных сетях. Так, швейцарский журнал Das Magazin опубликовал расследование о том, как технологии персонализированной рекламы в сети Facebook повлияли на итоги выборов в Соединенных Штатах Америки и референдума о выходе Великобритании из Европейского Союза. Суть данного инцидента состоит в том, что путём анализа лайков в сети с большой долей вероятности можно сделать вывод об основных

характеристиках человека. Социальная сеть Facebook, как одна из наиболее популярных в настоящее время, собирает, систематизирует и уже использует так называемые Big Data, касающиеся своих пользователей, их интересов, пристрастий, предпочтений, в том числе, и *политических, что и сыграло ключевую роль в данном событии [6]*.

Первостепенными задачами в области обеспечения информационной безопасности государства, исходя из современных реалий, должны выступать:

- постоянный анализ рисков информационной безопасности;
- оценка эффективности систем защиты информации на различных уровнях жизнедеятельности государства;
- формирование культуры информационной безопасности, путём теоретической подготовки сотрудников организаций, где утечка информации может стать особой угрозой как для безопасности самой организации, так и национальной безопасности государства в целом.

Заключение. Таким образом, на примере современных реалий мы видим огромное значение информационных технологий и влияние информации на развитие современного информационного общества. Особые риски, исходящие от инновационных технологий, находящихся на волне популярности, могут содержать угрозы несанкционированного внешнего контроля или управления, нарушения целостности и секретности конфиденциальной информации, управление сознанием неограниченного круга лиц. В связи с этим, необходимым условием внедрения любых технологий выступает обеспечение цифрового суверенитета.

Список литературы

1. Харитонова, Ю. С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности / Ю. С. Харитонова, В. С. Савина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 49. – С. 524-549.
2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.09.2023).
3. Джикия, М. Д. Роль «LegalTech» в модернизации профессиональной юридической деятельности / М. Д. Джикия, А. В. Шкаленко, А. А. Джикия // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 6. – С. 114-119.
4. Величко, Н. А. Технология Big Data. Анализ рынка Big Data / Н. А. Величко, И. П. Митрейкин // Синергия Наук. – 2018. – № 30. – С. 937-943. – EDN YTCXTV.
5. Степанов, О. А. Правовое воздействие на развитие цифровой среды в обществе / О. А. Степанов. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2021. – 88 с. – ISBN 978-5-392-35198-5. – EDN BQWLNE.
6. Трамп, Цукерберг, Facebook. Трое в одной лодке / МИД РФ, Редакция журнала «Международная жизнь». 2009–2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/16876?ysclid=ln50plmqga939917158> (дата обращения: 15.09.2023).

БОРЬБА С АВАРИЙНОСТЬЮ НА АВТОМОБИЛЬНОМ ТРАНСПОРТЕ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В НАЧАЛЕ 1960-х ГОДОВ

Тишаков М. П., канд. юрид. наук

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва, РФ

info@mgpu.ru

Введение. Состояние аварийности на автомобильном транспорте в середине прошлого века, как свидетельствуют архивные материалы, несмотря предпринимавшиеся шаги, было далеко от оптимального и требовало принятия действенных мер реагирования. Однако, учитывая, что в тот период общегосударственная политика в сфере обеспечения безопасности дорожного движения находилась в стадии активных преобразований и не обладала достаточно централизованным характером, значительная роль в данном процессе отводилась местным органам власти.

Основная часть. Именно на региональном уровне принимались различные организационно-правовые меры, направленные на противодействие дорожно-транспортному травматизму, оперативному реагированию на изменение ситуации. Помимо административного воздействия распространение получило привлечение широких масс трудящихся. В данном контексте стоит отметить совместное Постановление исполкома Сталинского областного совета и Президиума облсовета профсоюзов от 11 марта 1960 года «О порядке создания комиссий общественного контроля за техническим состоянием» [1, л. 326]. Согласно данному решению, деятельность специальных комиссий в автохозяйствах была направлена на усиление борьбы с аварийностью на автомобильном транспорте, укрепление трудовой и транспортной дисциплины. Общественный статус комиссий обуславливал соответствующий порядок деятельности и характер избрания – на общих собраниях рабочих, инженерно-технических работников и служащих автохозяйств.

Механизм деятельности данных общественных органов предусматривал, что администрация автомобильного хозяйства обязана реализовывать предложения Комиссии общественного контроля и оказывать всестороннюю помощь в работе. Такие комиссии создавались в различных регионах и как свидетельствовал опыт их деятельность в самой шоферской массе, техническое состояние автотранспорта значительно улучшилось, окрепла производственная дисциплина и до минимума сократилось количество дорожных транспортных происшествий [2, л. 5]. То есть эффективность общественных комиссий в большей степени

зависела от самих участников данных объединений, поддержки их деятельности руководством автохозяйств и местными органами власти.

Значительное внимание уделялось и такому немаловажному компоненту в обеспечении безопасности дорожного движения, как строительство автомобильных дорог. В частности, согласно решению Сталинского облсовета от 29 января 1960 г. [3, л. 426-427] предусматривалось выполнить в течение года строительство и ремонт местных автомобильных дорог на сумму 70400 рублей. В итоге план строительства дорог в 148 км был перевыполнен – построено 230 км (+55%).

Вместе с тем, именно в 1960 году было принято решение о введении в действие новых правил дорожного движения, которые с 1 января 1961 года стали общеобязательными для всей территории советского государства. Однако, реализация таких преобразований требовала качественной подготовки всех участников дорожного движения. Поэтому на территории Сталинской области незамедлительно принято решение об организации со стороны руководителей автомобильных хозяйств, предприятий, учреждений и организаций, в период с 1 августа по 15 октября 1960 года изучения с водителями правил движения по дорогам и улицам Союза ССР. По итогам учебы предусматривалось принять зачеты. Отдельно акцентировалось внимание на обучении индивидуальных владельцев автотранспорта и последующей проверке их знаний. В качестве меры воздействия вводился запрет на управление транспортом водителям, не сдавшим зачетов по новым Правилам движения.

В обязанность областного отдела народного образования вменялась организация изучения правил движения пешеходов и пользования коммунальным транспортом всеми школьниками, дополнительно обеспечив школы необходимыми наглядными пособиями. Со стороны общественных организаций последовала широкая разъяснительная работа по изучению новых правил движения населением, использованием для этого печати (издание брошюр, плакатов и листовок), радио, телевидения, демонстрации специальных кинофильмов, проведение докладов и бесед.

Тем не менее дальнейший активный рост автопарка региона, появление новых положений в правилах движения, приводило к увеличению дорожных происшествий. В частности, в течение первого полугодия 1961 года на территории Сталинской области произошел рост количества аварий на 16,7%, пострадавших – на треть. При этом индивидуальными владельцами автотранспорта, пешеходами и пассажирами совершено 60 % дорожно-транспортных происшествий, в том числе 46,7% водителей и пешеходов находились в нетрезвом состоянии. В связи с чем был принят комплекс мер направленный на улучшение технического состояния автотранспорта, повышение качества подготовки кадров, детального расследования причин низкой транспортной

дисциплины в автохозяйствах, осуществлении систематического контроля работы на линии, а также более активное проведение мероприятий по пропаганде правил безопасности движения среди населения [4, л. 465-467]. Значительная роль в данном процессе отводилась постоянной комиссии социалистической законности облсовета, которая уделяла первостепенное внимание вопросам аварийности на автотранспорте, детального анализа состояния дорожно-транспортной дисциплины, заслушивала сотрудников ГАИ и руководителей крупных автохозяйств, в следствие чего на основе критического анализа разрабатывала различного рода рекомендации, находившие в последующем свое отражение в решениях Облисполкома.

Жесткие меры реагирования относительно нарушений принимались и ведомственными организациями, в частности Сталинским облавтотрестом, где в качестве одного из направлений предусматривалась активизация работы общественных комиссий, общественных автоинспекторов, товарищеских судов. Об эффективности данного подхода свидетельствует приказ управляющего Сталинским облавторестом от 26 ноября 1960 года [5, л. 98], в котором отмечается положительная роль органов общественного контроля в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

Об усилении внимания вопросам борьбы с аварийностью в начале 1960-х годов отмечалось и в решениях Сталинского горисполкома, где акцентировалось внимание на деятельности государственных органов, руководителей автохозяйства, активного привлечения общественности.

Заключение. В рассматриваемый период все возрастающего автомобильного парка, повышения интенсивности движения, отсутствия единой общегосударственной политики в сфере безопасности дорожного движения, именно от деятельности местных органов власти зависела эффективность противодействия аварийности. Помимо использования сугубо административных мер воздействия, активного проведения пропаганды безопасности движения следует отметить широкое привлечение к данному процессу общественности, что позволило более скрупулезно подходить к каждому случаю нарушения установленных правил движения, расширить возможности по их своевременному предупреждению.

Список литературы

1. Донецкий государственный архив. Ф. Р-2794. Оп. 2. Д. 616.
2. Гороховский С. Безопасности – городу // За рулем. – 1961. – №1. – С. 5.
3. Донецкий государственный архив. Ф. Р-2794. Оп. 2. Д. 611.
4. Донецкий государственный архив. Ф. Р-2794. Оп. 2. Д. 737.
5. Донецкий государственный архив. Ф. Р-5002. Оп. 1. Д. 182.

СОДЕРЖАНИЕ

Административное и финансовое право

<i>Барбашова Н. В., Кутоманова К. Ю.</i> Сравнительный анализ законодательного обеспечения экологической безопасности в КНР и РФ	5
<i>Барбашова Н. В., Масальский И. А.</i> Юридическая ответственность за нарушения законодательства в сфере поиска, разведки и добычи энергоресурсов в Китайской Народной Республике	8
<i>Барбашова Н. В., Рахимова В. М.</i> К вопросу об эколого-правовой ответственности за экологические правонарушения	12
<i>Гарькавенко Л. В., Змаженко В. В.</i> Обеспечение правопорядка и законности в период действия режима чрезвычайного положения	15
<i>Каблов Д. С., Ткаченко Д. А.</i> Административно-правовой статус работников ОВД ДНР	18
<i>Карпов К. А.</i> Рынок криптовалют как часть рынка ценных бумаг Российской Федерации: финансово-правовой аспект	21
<i>Котляр А. В.</i> Правовое регулирование административно-правового статуса военнослужащих	25
<i>Новак А. Ю.</i> Теоретико-правовые аспекты управления налогами	28
<i>Пашков С. Н., Борухов Е. В.</i> Генезис понятия «законные интересы налогоплательщиков».....	31
<i>Пашков С. Н., Човпан С. А.</i> Актуальные проблемы применения административных наказаний за правонарушения в области дорожного движения	34
<i>Сынкова Е. М.</i> Правовое обеспечение государственной политики занятости населения	37
<i>Сынкова Е. М., Гуров Н.И.</i> О понятии и сущности административных процедур в государственном управлении	40
<i>Сынкова Е. М., Михайлов Я. А.</i> Актуальные проблемы установления вины юридического лица, совершившего административное правонарушение ...	43
<i>Сынкова Е. М., Моргун Е. А.</i> Актуальные проблемы административно-правового обеспечения гостиничной деятельности	46
<i>Сынкова Е. М., Панибратец Д. О.</i> Институт административно-правовой ответственности: сравнительно-правовой аспект	49
<i>Цыба Е. В., Мороз Д. С.</i> Административно-правовое регулирование казначейского исполнения бюджета Российской Федерации	52
<i>Цыба Е. В., Полешко О. Н.</i> О государственном регулировании рекламы юридических услуг	54
<i>Швец А. В., Варавка Е. В.</i> Юридическая ответственность за нарушение права граждан на обращения	57

Конституционное и международное право

<i>Артамонов А. Н., Артамонова Д. А.</i> Казус Прокофьева (от Ростова до Донецка, от Рахманинова до Прокофьева)	61
---	----

<i>Артамонов А. Н., Артамонова М. А.</i> Формирование новых территориальных органов Минюста России как повод совершенствования российского законодательства	65
<i>Кулакова Е. В.</i> К вопросу о правовых аспектах эвтаназии	68
<i>Кулакова Е. В., Букренева В. В.</i> Особенности закрепления основ конституционного строя Российской Федерации в Конституции ДНР	72
<i>Латидус О. С.</i> Некоторые вопросы доказывания нарушения антидопинговых правил	75
<i>Одегова Л. Ю., Лепшина Е. А.</i> К вопросу о правовых механизмах защиты прав детей	78
<i>Одегова Л. Ю., Соловьёва Ю. А.</i> Цифровые права в системе прав человека: международно-правовой аспект	81
<i>Певцова Н. С.</i> Формирование новых прав человека через призму законодательных новелл	84
<i>Савченко А. А., Мануйлова С. А.</i> Институт референдума в Российской Федерации и зарубежных странах	86

Уголовное право и процесс

<i>Азимов Э. М., Блинников Д. В.</i> Личность лица, посягающего на память народов РФ о событиях Второй мировой войны и Великой отечественной войны ...	90
<i>Бабичев Д. А.</i> Прокурорский надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности в условиях военного положения: реалии и перспективы	94
<i>Букреева С. С., Кошелева А. М.</i> Преступником не рождаются, а становятся? Анализ биологической теории Ч. Ломброзо	97
<i>Гапотченко Г. Н.</i> Актуальные вопросы правовой регламентации обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения в уголовном процессе Российской Федерации	99
<i>Гапотченко Г. Н., Безкоровайная А. П.</i> Актуальные вопросы обжалования процессуальных действий и решений следователя, органа дознания, прокурора при расследовании уголовных дел	103
<i>Гапотченко Г. Н., Зарочинцев Д. Р.</i> Особенности процесса доказывания при расследовании уголовных дел о кражах	106
<i>Гапотченко Г. Н., Мамунц В. А.</i> Правовое регулирование доказывания в стадии возбуждения уголовного дела	109
<i>Глизнуца А. В.</i> Очная ставка как следственное действие: историко-правовой аспект	112
<i>Гулина С. Н., Новикова И. А.</i> Сущность предмета доказывания в уголовном процессе	115
<i>Гулина С. Н., Руденко В. П.</i> Правовые средства прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия ...	118
<i>Карпенко Л. К., Солоненко К. М.</i> Легализация (отмывание) денежных средств в эпоху криптовалюты: анализ рисков и противодействие	121
<i>Карпенко Л. К., Шейка Я. А.</i> Искусственный интеллект: противодействие преступности	124

<i>Карягина О. В., Богославская К. Э.</i> Врачебная ошибка как уголовно-правовая категория	126
<i>Кононенко О. В.</i> История развития залога как меры пресечения в системе уголовно-процессуального принуждения	129
<i>Левендаренко О. А., Петренко Е. В.</i> Сущность и значение стадии возбуждения уголовного дела	132
<i>Левендаренко О. А., Строкат П. А.</i> Процессуальные решения прокурора в стадии предварительного расследования	135
<i>Максименко О. Б., Попов Б. И.</i> Участие защитника (адвоката) при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий в отношении несовершеннолетних	138
<i>Манивлец Э. Е., Колесникова А. В.</i> Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе: характеристика полномочий прокурора	142
<i>Меркулов С. Н., Лебединская А. С.</i> Насилие как способ совершения преступления против собственности по законодательству Российской Федерации	145
<i>Мироненко С. Ю., Дорофеев Д. И.</i> Общие основы назначения наказания и их уголовно-правовое значение	148
<i>Мироненко С. Ю., Сенник А. А.</i> Отграничение состояния алкогольного опьянения от психического расстройства при квалификации общественно опасных деяний	151
<i>Моисеев А. М., Пономаренко В. В.</i> Производство обыска в особых условиях расследования	154
<i>Моисеев А. М., Сенник Р. А.</i> Особенности производства следственных действий групповым методом в условиях локального вооруженного конфликта	157
<i>Пыпина Г. С., Кочергин В. М.</i> Возможности применения дистанционных технологий в некоторых видах уголовного делопроизводства	160
<i>Тимошенко Н. А., Абрамян М. А.</i> Меры противодействия киберпреступности с целью обеспечения информационной безопасности финансовых организаций в Российской Федерации	164
<i>Тимошенко Н. А., Грачев М. Л.</i> Особенности уголовно-правового статуса несовершеннолетнего по законодательству Французской Республики	167
<i>Тимошенко Н. А., Грачев М. Л.</i> Особенности уголовно-правового статуса несовершеннолетнего по законодательству КНР	170
<i>Тимошенко Н. А., Курбатов В. А.</i> Особенности получения доказательств при раскрытии преступления, предусмотренного ст. 232 Уголовного кодекса Российской Федерации	173
<i>Хань Г. А., Коновальцева А. А.</i> Тенденции развития трасологических исследований	176
<i>Хань Г. А., Павлюк Т. Ю.</i> Организация следственной деятельности	179
<i>Хань Г. А., Ткач А. А.</i> К вопросу об отдельных проблемах криминалистического документоведения	182

Гражданское право и процесс

<i>Асеева Н. В., Гокунь Ю. С.</i> Морально-этические аспекты применения вспомогательных репродуктивных технологий	186
<i>Беспалова Е. В.</i> О компенсации вреда, причиненного террористическим актом	188
<i>Горбатенко Е. В., Головина Ю. А.</i> Признание сделки недействительной как способ защиты гражданских прав	191
<i>Дербишев Р. О.</i> Проблемы реализации отдельных правомочий сделкоспособности малолетних	194
<i>Дербишева О. А.</i> Проблемные аспекты надзорной инстанции в Российской Федерации	197
<i>Долинская В. В.</i> Развитие системы научных специальностей в сфере юриспруденции	200
<i>Ковалёв И. П.</i> Основы правового регулирования искусственного интеллекта и нейросетей в российском законодательстве	202
<i>Костенко А. Э.</i> Определение ответственности за ущерб, причиненный психической травмой	206
<i>Кузьмич А. П., Синявская С. А.</i> Правовая природа и экономическая сущность компенсации в сфере защиты гражданских прав	209
<i>Лебедь Н. А.</i> О происхождении института исковой давности	212
<i>Левендаренко О. А., Протасов Д. В.</i> Проблемы правовой регламентации возмещения вреда, причиненного преступлением	215
<i>Левченко И. А., Воейков И. Р.</i> Нормативно-правовое регулирование электронных денежных средств как объекта гражданского правоотношения	219
<i>Левченко И. А., Галяутдинова М. А.</i> Основные направления реализации института представительства в гражданском процессе	222
<i>Левченко И. А., Гаркавенко В. Л.</i> Правовое регулирование государственной регистрации договора купли-продажи по законодательству Российской Федерации	225
<i>Левченко И. А., Зубков Д. А.</i> Вопросы правового регулирования информации как объекта гражданского правоотношения	228
<i>Левченко И. А., Максимова А. К.</i> Гражданско-процессуальные особенности признания физического лица безвестно отсутствующим	231
<i>Навальнева Н. С.</i> Особенности участия военных учреждений в гражданско-правовых отношениях	234
<i>Сиренко Б. Н.</i> Некоторые вопросы применения договора подряда	237
<i>Финкина А. П., Дарманьян В. А.</i> К вопросу субъектного состава процедуры медиации	240
<i>Шалаяева Ю. В.</i> Родительская власть как правовая категория: сравнительно-правовой анализ	243
<i>Швец А. В.</i> О возмещении ущерба по частным гражданским искам	246
<i>Шульга Р. Р.</i> Ретроспективный анализ развития права интеллектуальной собственности в России	250

Теория и история государства и права

<i>Герасименко Ю. В.</i> К вопросу о реализации принципа справедливости в праве	253
<i>Закурдаева К. А., Лихтарович А. Н.</i> Разграничение субъективных прав и законных интересов	255
<i>Коробейникова К. В.</i> О теоретико-правовых основах цифровой трансформации	258
<i>Косач Н. Е.</i> Отдельные аспекты соотношения права Евразийского Экономического Союза с отраслями национального права	261
<i>Кузьмин Р. Ю.</i> Право собственности на природные ресурсы в колониях Британской империи	264
<i>Лещенко И. И.</i> Европоцентризм в интерпретации Л. Н. Гумилёва	267
<i>Лещенко И. И.</i> Приоритеты государственно-правовой идеологии России	270
<i>Лещенко И. И., Свиридова К. Е.</i> Информационно-психологическая война как средство нарушения международного и национального права (на примере американо-чехословацких отношений в 50–60-гг. XX в.)	273
<i>Матвиенко Е. А., Козаков Б. А.</i> Проблемы российского федерализма и пути их решения	276
<i>Матвиенко Е. А., Малышко Н. А.</i> Использование человеческих эмбрионов для научных исследований	279
<i>Матюк В. В., Фейзер А. А.</i> Юридическая ответственность как особая субъективная обязанность правонарушителя	282
<i>Миргородский А. А., Панарина П. А., Вербицкая А. А.</i> Марксистский «деятельностный подход» в контексте истории и философии права	285
<i>Руденко П. В.</i> Проблема трансформации института гражданства в условиях современной глобализации	287
<i>Свиридова К. Е.</i> Угрозы информационной безопасности в эпоху развития инновационных технологий	290
<i>Тишаков М. П.</i> Борьба с аварийностью на автомобильном транспорте на региональном уровне в начале 1960-х годов	293

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2023
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ,
КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
VIII Международной научной конференции,
25–27 октября 2023 г.,
г. Донецк

**ТОМ 8
Юридические науки**

под общей редакцией проф. *С. В. Беспаловой*

Дизайн обложки	<i>А. Ю. Гурина</i>
Технический редактор	<i>М. В. Фоменко</i>
Компьютерная верстка	<i>А. К. Ярошенко</i>

Адрес оргкомитета:

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 283001, ДНР, РФ.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 16.10.2023 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 17,6.
Тираж 100 экз. Заказ № 23окт17/8.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Издательство ФГБОУ ВО «ДонГУ».
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22.
E-mail: *donnu.izdatelstvo@mail.ru*